

Янка Мавр
**ПОВЕСТЬ БУДУЩИХ
ДНЕЙ**

ЛІЧНА БІБЛІОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНЬ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

XXXII

Leo
2017

Янка Мавр

**ПОВЕСТЬ БУДУЩИХ
ДНЕЙ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ПОД ЧЁРНОЙ КРЫШЕЙ

Юзик жил в большом низком каменном доме. Побеленные мелом стены были накрыты широкой черной крышей, словно шляпой, из-под которого выглядывали подслеповатые окна. В доме было много каморок, где ютились батраки пана Загорского.

Из—под крыши доносились приглушенные крики детей, брань матерей, лязг утвари. Иногда с тех или иных дверей выкатиться комок грязной детворы, расползется, сцепится, снова спрячется. То высунется женщина и выплеснет помои почти-что на головы детей.

Но полной жизнью дом начинает жить вечером, когда вернутся с работы отцы. В доме замелькают желтые огоньки, электрические, ведь пан Загорский был "культурный" хозяин и батракам провел электричество с лампочками по восемь свечей. Движение и галдёж под крышей усиливается, из окон и дверей вырваться громкая мужская речь, иногда завершит гармонь, зазвучит пение подобное плачу, то ли плач, похожий пения.

Но скоро все это стихнет, потому что не до пения и не до плача усталым людям. Через час дом уже спит тяжелым сном. На нарах, лавках, а то и на полу раскинулись, сплелись обитатели дома, бормочут во сне. Густой, душный воздух сжимает грудь; даже рваное тряпье, в которое они завернулись, давит словно камень. И от тяжелого дыхания, кажется, шевелится черная крыша и белые стены.

А на другой день эконо́м заметил вылитые помои и устроил настоящее светопреставление:

— Пся крэв! Снова нагадили! Кто это? Сколько раз вам говорили, чтобы сохраняли чистоту! Быдло! Когда мы научим вас жить по-культурному?

Двор был и в правду культурный, — словно выгон. Он занимал огромную площадь; с одной стороны, его стоял батрацкий дом, с двух сторон — сараи и прочие хозяйственные здания, а с третьего — панский сад, а в нем господский дворец. Ранее на этой площади ходила всякая живность, но теперь пан запретил пускать ее, даже приказал посадить вокруг деревья.

Возле дома на столбах, под крышей, как в голубятни, стоял громкоговоритель. Он соединялся с панским дворцом, и оттуда время-от-времени пускали радио, чаще всего богослужения из Варшавского кафедрального костела. Сильные густые звуки органов заполняли весь двор, слышались колокольчики и латинские выкрики "самого" епископа. Женщины слушали все это с каким-то святым ужасом, вздыхали, крестились. Мужчины стояли, опустив головы.

Только Антэк, знаток, иногда скажет:

— Вот! Завели уже свою дуду, лучше бы марш какой сыграли.

Десятки глаз зыркнут на него, но никто ничего не скажет. Да и что говорить, этому молокососу? Вечно он что-нибудь такое выкинет. Ни бога, ни черта, видит бог не уважает. Многим мужчинам нравилось это, но рискованно было с ним соглашаться. Антэк совсем уж испортил себе карьеру. В лучшем случае, сегодня или завтра уволят его, ну, а в худшем — и арестовать могут.

Нередко радио говорило о том, что Польша самая большая, мощная держава, а поляки — самый великий, культурный и счастливый народ. Что есть соседи, которые завидуют этому и стремятся погубить Речь Паспалиту, уничтожить культуру. Что всем нужно помнить об этом и быть готовыми по первому зову Отчизны стать на защиту её.

— Ох! Будет война! — слышался тревожный говор. — На кой черт и кому она нужна?

— Панам! — бросал Антэк и уходил прочь.

Вечером Юзик спрашивал у отца:

— О каких это соседях говорят, что они собираются напасть на нас?

— О Советском Союзе, конечно.

— Зачем они хотят идти на Польшу?

— А кто их разберет. Ссорятся почему-то. Эх, эта война!
— Вздыхал отец. — Много народу еще помнит ее.

— И ты тоже?

— А как же? Мне же тогда было четырнадцать или пятнадцать лет. Жили мы в селе Курычы, возле Слуцка. Началась война. Много людей из нашей деревни пошло. Но нас война не касалась.

Воевали где-то далеко, кто с кем — даже и сейчас не знаю. Однако, наконец, докатилась и до нас.

Пошли слухи, что немцы идут. Потянулись мимо нас тысячи крестьян—беженцев, которым приказали бежать от немцев. Потом началось какое-то столпотворение: революция, значит, пришла, царя скинули. Появились большевики, наши стали убегать.

— А какие они, эти большевики? Ты видел их?

— Да обычные наши люди, которые шли против панов. Наш сосед, Роман, вернулся из армии и тоже был большевиком. Ну, а потом и немцы пришли.

— Что они делали?

— Да ничего. Поставили по деревням солдат, собирали сало, хлеб, иногда даже платили. А потом снова пришли большевики. Не помню хорошо, что делалось, только знаю, что все пошло вверх тормашками. Отняли у господ землю и отдали крестьянам. Но очень беспокойно и трудно было жить. Отец, твой дед, очень жаловался.

— Почему? — удивлялся Юзик. — Они же господ прогнали, землю крестьянам отдали.

— Да что за польза от нее, когда вокруг бардак. Если работать спокойно нельзя. Если каждый день ждали, что паны назад вернуться.

— И что же дальше было?

— Ну и пришли. Романа поймали и расстреляли.

Досталось и тем, кто пользовался господской собственностью. Нас не тронули, так как отец не зарился на чужое добро. А война все продолжалась. Много ребят из нашей деревни бежали в леса и нападали на поляков.

— Вот какие! — словно сочувственно проговорил Юзик.

Отец сурово взглянул на него.

— Ну и что же тут хорошего? Половина из них погибла. А сидели бы спокойно, — жили бы и до сих пор.

— А ты как сюда попал?

— Однажды зашевелились поляки, стали собирать свои, да и чужие вещи и убегать. Видишь ли, опять большевики надавили на них. Я в это время ехал на поле за снопами. Солдаты захватили меня и приказали отвезти их в поселок, находившихся в километрах пятнадцати от нас. А там погнали меня дальше и дальше, вплоть до Варшавы. Некоторые из наших бросили своих коней и вернулись домой пешком. А мне жаль коня и колёса, да и солдаты каждый раз говорили мне, что если доедем до следующего пункта, то меня и отпустят.

— И отпустили?

Отец махнул рукой.

— Куда там! Глупый еще был, потому и поверил. Наконец они меня совсем прогнали, даже кнутом угостили, а коня и дроги оставили себе.

Он замолчал и уставился глазами в угол, вспоминая далекие, непонятные для него события. Вспомнилась родная деревня на холме, пруд, где он с товарищами плескался, веселая роща на другом берегу. Какими счастливыми казались ему те времена! Но десятки лет, прошедшие с тех пор, заслонили все это таким туманом, что сейчас даже не верилось, действительно ли было другая жизнь.

— Почему же ты не вернулся? —допытывался Юзик.

— Когда там было возвращаться, я оказался за сотни километров от дома. Надо было держаться и работать, чтобы не умереть с голоду. На дорогу нужны деньги, а где там было собрать их. Хорошо, что хоть прокормиться мог. Десятки различных господ сменил, и больших, и маленьких; каждый из них принимал на работу, словно одолжение делал. Спасибо, говорят, что тебя, бездомного, кормим. Через несколько лет я добрался до границы и начал хлопотать, чтобы вернуться, но не пустили. Говорят, какие-то сроки прошли. Да и вообще бедному неграмотному человеку и думать нечего что—бы понять все эти порядки. Наконец, нашел постоянное место у

нашего пана, успокоился, встретился вот с твоей матерью и живу себе, слава богу, не хуже за людей. Везде работать нужно. Хозяева вот в наших Смоляках живут не лучше, чем я. А ты, благодаря пану, выучишься и будешь жить лучше меня.

— А мама тоже оттуда? — обратился Юзик к ней.

— Нет, кажется, откуда-то ближе. Говорят, что мои родители, когда убежали от немцев, по дороге умерли, а меня, двухлетнюю, взяла к себе одна вдова. Она вырастила меня до двенадцати лет и отдала сюда. Сама она давно умерла.

— А жив ли дед? Вы писали ему?

— Года через три или пять попросился я у одного человека, чтобы написал от меня письмо, но ничего из этого не вышло. Или неправильно написал, или не дошел письмо, а может и родителей там уже не было. На этом и закончилось. Да там, говорят, несладко живется. Как и раньше, никакого порядка нет. Прогнали, уничтожили господ, а потом взялись и за крестьян. Забрали хозяйства и заставили работать на государственных землях, такими же батраками, как и мы здесь. Неизвестно еще, лучше ли это. Здесь, если угодишь пану, кое—что перепадет: и ординарию (провиант ком. Перев.) получаешь, а со временем корову можно завести, а там, говорят, ничего не получают; живут, как солдаты, в казармах и никакой собственности не имеют. Везде плохо бедному человеку. Здесь, по крайней мере, хотя угол имеем, свинью, да хлеба хватает. Но мы слишком забалакались; ложимся спать. И тебе, Юзик, нужно завтра рано вставать.

Отец зевнул и полез на свои нары. Мать устроила Юзика в его выгородке, погасила электричество и, шепча какую путанную молитву, пошла на свое место.

Михал, отец Юзика, по натуре был тихий и смиренный человек. Особенно после того, как побатрачил с четырнадцати лет и натерпелся горя. Он был рад, что нашел, наконец, постоянный кров и работал не на страх, а за совесть, дабы не

лишиться своего места. Жена его, Мария, тоже натерпелась в сиротстве и так—же была довольна своей судьбой. Она даже была грамотная, умела читать по-польски. Начала учить и Юзика, которому было уже десять лет, но дело не двигалось, так как и сама мать не слишком много знала.

Юзик и раньше слышал, что отец родом оттуда, из Советской Беларуси, но сегодня в первый раз узнал об этом подробнее.

Интересно было бы увидеть своего деда, деревню Курычы, пруд, посмотреть, как там люди живут, родственники. Хотя и здесь неплохо, но лучше было бы иметь свое хозяйство, пасти свой собственный скот, а не панский. На своем коне он бы ездил, сколько влезет.

Но жаль, что и там все батраками работают, даже хуже, чем здесь —в казармах живут. Наверное, порядки суровые, военные.

Только бы скорее попасть в школу! Он будет хорошо учиться, чтобы выучиться на писаря. Он тогда будет паничем, и тогда, может, сам пан паздаровкаецца с ним за руку ...

2. АНТЭК

Юзик, как и все другие батрацкие дети, его товарищи, был подпаском у панского главного пастуха. Пасли они поочередно и довольно часто имели свободные дни.

И использовали эти дни достаточно интересно. Шатались среди сельскохозяйственных машин, совали нос в молочную, в пивоварню, а иногда даже и в панский сад. Последнее дело требовало особой отваги, геройства, так как при неудаче ждала хорошая порка. Надо было остерегаться и родителей, и других батраков, и садовника, и челяди, что служили во дворце. Страшнее всех был пан. Они даже не знали, почему

они так его бояться, потому что он никогда не дрался. Глянет только и крикнет:

— Цо то ест ?!

И больше ничего.

Но на этот крик бежали и садовник, и лакеи, и все, кто был по близости. Пан даже не ругал ребят, а почему—то только своих людей. Но зато те старались ...

Барскую усадьбу составлял отдельный городок. Тот квартал, где жил Юзик, был, так сказать, земледельческий. Здесь были тракторы, молотилки, жатки, сеялки, сарай, свинарни. Далее—сарай, где было штук пятьсот коров, и рядом—молочная с различными машинами. Дальше поднимались дымоходы пивоварни, тут-же различные мастерские, кузницы и ряд других учреждений, которых Юзик даже и не знал.

С утра до вечера шла там работа. Там был и специальный, общий дом, где жили рабочие. Но этот дом было не низкий и белый, как Юзика, а двухэтажный, из красного кирпича. Здесь также пан приказал посадить деревья и следить за чистотой, но эта чистота была только в то время, когда не было дождя. Осенью же все вязли в болоте.

Еще дальше, на речке, была плотина, мельница и небольшая электрическая станция. Там происходило что-то таинственное, что посылало по проволоке свет. Ребят туда не пускали, и они только издали видели блестящие части каких—то машин.

А за высоким железным забором начиналась другое царство: асфальтовые тропинки, разные странные деревья, обрезанные в виде фигур, много цветов, и глубоко в середине из-за деревьев выглядывал высокий белый дворец с двумя радио—мачтами.

Там жили совсем особые, счастливые люди—паны. Немного было счастливиц, входивших в это здание. Зато те, кто видел, долго помнили о нем.

Все, что давала работа окружающих людей, все те неуклюжие и простые вещи —горы снопов, соломы, сена, картофеля, зерна, —все это превращалось в деньги, текло во дворец, оттуда куда подальше и возвращалось обратно в виде самых красивых и дорогих вещей, заморских вин и всяких сладостей. Говорили даже, что там есть такое радио, которое одновременно показывает на экране события, происходящие в мире.

Но Юзик не испытывал ни зависти, ни злости к господам. Как же иначе могло быть? Конечно, пан должны жить по—барски, не всем же быть господами.

Часто приезжали к пану гости на автомобилях. Весь дворец сиял огнями, слышалась музыка, пение. Тогда не только дети, но и взрослые стояли у забора, присматривались, прислушивались.

— Вот кому хорошо жить, — вздыхает какой-нибудь батрак.

— На то они и господа, —отзывается женщина.

— Ну и что же? Не такие самые они люди, что ли? — крикнет кто-нибудь. —Почему же им все даром приходит? Почему мы должны на них работать?

— Ну так и не работай. Кто тебя заставляет?

Казалось, вот-вот разгорятся споры. Но почему-то разговор в таких случаях сразу же прекращалась.

В разных местах, в разное время Юзик часто слышал подобные разговоры, но они его не волновали. Только однажды он заинтересовался, когда черный лохматый кузнец начал доказывать:

— У хороших людей давно уже панов нет, давно уже отобрали все фабрики и имения, а у нас смелости недостает, сидим и молчим.

Знаю я это дело, —заметил тут Юзиков отец, —самый видел. Ничего сладкого нет. Попробуй разделить между всеми барское добро, много ли достанется каждому, сильно разбогатеет мы все?

Юзик догадался, о каких это "хороших людях" говорится. Он подумал:

"А интересно было бы взять себе все вещи с барского дворца. Я бы постарался стянуть себе ту машину, которая принимает радио. Тогда можно было бы не ждать, пока пан включит радио, а самому слушать, что захочешь".

А назавтра Юзик услышал тихие разговоры, что кузнец ночью исчез, что кто-то схватил его и увез не то в тюрьму, ни то на расстрел.

— Глупый этот Винцусь! —сказал отец маме. — Сам полез в петлю. Ну что он мог сделать своими словами? А тем временем погубил себя.

Исчезновение кузнеца произвело на Юзика сильное впечатление, но в то время он быстро это забыл. Только позже он убедился, что это происшествие оставило в нем глубокий след.

Больше всех нравился Юзику Антэк, ловкий, веселый парень лет двадцати двух. Он не вступал в длинные рассуждения, споры, а бросал слова вскользь. Меткие, острые слова, словно стрелы. И нельзя было понять, он шутит, или говорит серьезно.

Особенно доставалось от него Юзиковому отцу. Антэк почему—то называл его "большевиком".

— Ну, товарищ большевик, скоро пан доставит тебе собственную коровку?

— Пусть тебе скорее подарят веревку, зараза! — плевался Михал.

Хорошо еще, что Михал числился в администрации хорошим, надежным работником, а то бы кличка "большевик" могла даже погубить его. Михал иногда с кулаками бросался на парня, а тому хоть-бы что.

Юзик не понимал, в чем тут дело, и почему-то искренне стремился к Антэку, старался ему угодить. Но тот и к Юзику относился как-то странно, называл его каким-то непонятным словом "пионэр", и по голосу мальчика нельзя было узнать, это ругательство, или доброе слово.

— А что такое пионэр? —спрашивал он Антэка.

— Это, брат, спроси у своего отца, он должен знать.

Но отец тоже не знал.

— Вот что я тебе скажу, —серьёзно заметил он сыну. — Держись ты подальше от этого клоуна, если не хочешь погибнуть, как кузнец. Подрастёшь, и вспомнишь мои слова.

Но однажды произошло происшествие, после которого отношения с Антэком совсем изменились.

Михал мастерил что-то под крышей. Юзик крутился возле него. Вот идет Антэк.

— Добрый день, большевики—сказал он, как обычно, с насмешкой.

Злобно сверкнули глаза у Михала, он выпрямился, твердо взглянул Антэку в лицо и даже сжал кулаки. Юзик испугался. Никогда не видел он отца таким злым, решительным. Даже у Антэка исчезла улыбка.

Михал ничего не говорил, упорно смотрел в лицо Антэка и тяжело дышал. Казалось, будто он воздерживается от чего-то борется сам с собой. Наконец он произнес тихим, твердым голосом:

— Знаешь ли ты, что я видел и слышал все, что происходило позавчера в одиннадцать часов вон там, под молотилкой?

Юзик отчетливо увидел, как изменился лицо Антэка, как он побелел ...

— Подкараулил? — сказал он с какой-то безразличностью.

— Нет, случайно, — ответил Михал сурово.

— Сказал уже?

— Нет, — отрезал тот.

— Сейчас побежишь?

— Нет, — твёрдо повторил отец.

Антэк как-то криво ухмыльнулся.

— Неужели правду говоришь? — промолвил он дрожащим голосом.

— Если бы я хотел сказать, у меня было на это два дня.

— И не скажешь?

— Никогда.

— Прости, Михал, — прошептал Антэк и протянул руку. — Я ошибся, я считал тебя совсем другим.

— Ты и сейчас ошибаешься. Я не такой, как ты думаешь. Я достаточно натерпелся на своем веку и хочу только покоя, хочу вырастить своего ребенка. Я не хочу вмешиваться в эти дела. Я не могу идти с вами, но и против вас не пойду. Моя хата с краю. Но и ты приставай ко мне.

— Разве можно об этом сейчас говорить? — открыто сказал Антэк.

— И еще одно скажу тебе: не трогай и моего парня. Я не желаю его гибели. Вот все, что я от тебя требую.

Антэк нерешительно потоптался на месте.

— Слушай, Михал, — промолвив он наконец, — Скажи честно, не изменишь ты своё решение завтра?

— Говорю же тебе, я два дня думал об этом. И если под влиянием гнева не сделал, то дальше тем более не подумаю. Только не трогайте меня и моего сына.

— Благодарю, Михал! — с чувством сказал Антэк. — Я никогда этого не забуду.

Когда он отошел, Юзик хотел было спросить, в чем дело, что такое видел отец под молотилкой, но тот был так серьезен, что Юзик не решился спросить.

Много дней думал Юзик об этом происшествии и ничего не мог придумать, чтобы понять его. Между Антэком и родителями отношения стали совсем другими. И на Юзика Антэк начал смотреть уже совсем другими глазами. Но от разговоров и встреч с ним уклонялся. От всего этого Антэк казался Юзику еще более таинственным, еще больше интересовала его история с молотилкой. Он даже ходил туда посмотреть, нет ли какой-то особенности, но, конечно, ничего не нашел.

Ни Антэк, ни отец не догадались предупредить Юзика, чтобы он никому не говорил о беседе. Видимо, они считали, что ничего внятного не было сказано, что Юзик не слышал никаких фактов, а если и слышал, то, конечно, не мог понять. Даже и рискованно было предупреждать, ведь тогда парень мог ухватиться за то, на что он теперь, возможно, и вовсе не обратил внимания.

Но надо отдать справедливость Юзику: он нутром почувствовал, что дело какое-то важное и что об этом надо молчать. Поэтому, хотя сам он и ломал голову над этим вопросом, но не вынес на обсуждение даже своим товарищам.

С течением времени Юзик вообще стал забывать обо всей этой истории, так как у него были свои детские дела и интересы.

3.ТУЗУМЦЫ

Когда Юзик пас коров, ему приходилось встречаться с ребятами из села Смоляки, что было возле имения. Но встречи эти большей частью носили военный характер.

Поместье располагался на двух берегах реки. Один берег полностью принадлежал пану; вдоль речки далеко тянулись помещичьи луга, за ними по холмам шла пахотная земля. На другом же берегу, болотистым, обрывистом, было пастбище. Но оно граничило с деревней, из-за этого постоянно были недоразумения. Не было такого дня, чтобы на барское пастбище не сунулись деревенские животные, и долгом панских пастухов было защищать своё пастбище. Для таких парней, как Юзик, это было даже приятным делом. Военные действия, перестрелка с деревенскими ребятами были для них интересной игрой в нудной однообразной пастьбе. Тем более, что победа над врагом всегда была обеспечена. Иногда удавалось взять в плен корову, и тогда подпасок гнал ее в имение с такой торжественностью, словно он возвращался победителем в серьезной большой войне.

После этого в имение приходил бедный, ничтожный крестьянин, подходил к эконому, снимал шапку и целовал руку.

— Сударь, отдай корову!

Пока крестьянин целовал руку, эконом ругался:

— Пся крэв! Бездельники! Почему не стережёте свою скотину? Десять злотых штрафа!

— Сударь! Да откуда же я возьму?

— Тогда два дня отработай!

Крестьянин соглашался. Эконом записывал его и отдавал корову. Держа в одной руке шапку, а другой вцепившись за

шею коровы, крестьянин шел через всё поместье и надевал шапку только тогда, когда никого вокруг не бывало видно.

На подпасков, в том числе и на Юзика, это явление никакого впечатления не производило. Что же тут особенного? Так оно всегда бывает и должно быть.

Деревня состояла из сорока дворов и занимала песчаный остров среди болота. С одной стороны, была река, с другой – панское пастбище, а с третьего ее охватывал господский лес. Может с четвертой стороны крестьянская земля тянулась и дальше, но Юзику не доводилось там бывать.

Маленькие кусочки песчаной земле прокормить хозяев не могли, поэтому все крестьяне работали в имении. В дождливую погоду сперва бросались спасать барское сено или рожь, а потом уже брались за свои.

Для пана это был чрезвычайно ценный запас рабочей силы. Не надо было заботиться ни о помещении для них, ни о питании, не надо было платить за те дни, когда работы нет. Если-бы пану Загорскому предложили отдать всех этих крестьян в полную собственность, в крепостничество, он, наверное, отказался бы. Ведь нынешнее состояние был для него гораздо лучше.

Кроме всего этого, он еще считался хорошим господином. Так, когда одного крестьянина придавило деревом на разработках панского леса, так пан Загорский выдал доски для гроба совсем бесплатно, не взял ни одного злотого. Когда у крестьян был большой неурожай, он отпускал им рожь, хоть у них и не было чем заплатить. Они только в течение длительного времени отработывали хлеб. Даже был случай, когда одному многосемейных крестьянину просто так дал десять злотых на одежду для голого ребенка. И, наконец, поставил в деревне такой же громкоговоритель, как и у батраков.

Одним словом, хороший был барин.

Вот только электричества не провел, так как это было бы уже слишком для холопов. Не только пану, но и самим крестьянам не приходило в голову мысль о такой роскоши. И без этого каждый крестьянин задолжал работу, пожалуй, на год вперед; где там было думать о баловстве.

Между деревенскими парнями и панскими пастухами всегда было военное положение не только на пастбище, но при каждой встрече. Юзику даже нравилось такое положение, особенно зимой, когда военные операции принимали более интересный характер.

Драки происходили ка речке, на льду. Стоило парням из поместья немного приблизиться к деревне, как оттуда бросались вражеские отряды, и наоборот, — ребята из поместья пристально следили за врагом в своих просторах.

Но надо отметить, что злобы на своих врагов Юзик не имел никакой. Вся эта война происходила так себе, по обычаю.

Однажды зимой к ребятам присоединился господский сын, Зыгмусь, мальчик также лет десяти. Как так получилось, что он один отлучился из дворца и присоединился к простым детям, — неизвестно. Но факт, что он оказался на речке вместе с ребятами и принял участие в драке.

Какую гордость чувствовали Юзиковы товарищи, сам барин с ними! Теперь уже победа обеспечена!

— Смелее! Вперед!

От неожиданного дружного натиска враг пошатнулся и начал отступать. Но скоро среди них послышались голоса:

— Смотрите! Кажется, барское щенок там! Бей его!

Этот клич остановил деревенских парней. Они замерли и тотчас перешли в контрнаступление. Не успел панский отряд опомниться, как барчуку вlepили снежком в лицо, словно простому смертному.

Жалобный плач покотился над речкой.

А тут как раз из поместья выбежало искать его человек двадцать народу. Ужас охватил оба войска, и оно мигом исчезло, оставив на льду одного панича.

Следствие по этому делу длилось два дня, и в результате несколько человек из взрослых были наказаны.

Досталось и Юзику от отца.

4.УЧЕБА

Если отец говорил Юзику, что, "благодаря пану", он будет учиться, то подразумевалась школа, которую строил в имении пан Загорский.

До сих пор ближайшая школа была в посёлке, который находился в шести километрах от них. Разумеется, там могли учиться лишь некоторые из служащих в имении, а сельчане и дети батраков не могли ее посещать. Да они и не очень стремились, потому что школа была польская. Они предпочитали кое-как, друг от друга, научиться читать по— белоруски и пользовались случайной белорусской газеткой или книжкой, которые иногда получали из Вильни:

В поселковой школе учился только сын деревенского кулака Захара. Он мог снимать там квартиру на всю зиму. Мало того, после окончания школы сын Захара поехал учиться еще куда-то дальше, говорили, что он учится на офицера.

Давно уже ощущалась потребность иметь свою школу в этом районе, но никого это не интересовало. Для одной ничтожной малой деревни строить школу власть не считала нужным. А об имении должен был заботиться сам пан. Он и заботился, только не о школе, а о своем хозяйстве.

Наконец, он решил построить и оборудовать у себя школу с тем, чтобы дальнейшее содержание ее взяли на себя власти.

Таким образом, в одиннадцать лет Юзик поступил в школу. В первый год набралось учеников человек двадцать, в

том числе только один из деревни. Позже, когда Юзик был в старшей группе, сельчан было шесть человек, хотя вообще в деревне детей ученического возраста должно было быть человек пятьдесят.

Девочек-же из деревни не было ни одной. Да из поместья девочек было мало; поучаться года два и на этом кончается наука.

Вообще надо сказать, что в школе обучались только "простые" дети. Более—менее состоятельные учили детей в каких-то "гимназиумах", в поветовом городе. Там обучались дети эконома, бухгалтера, заведующих пивоварни, молочной и др. А дети самого пана воспитывались уже в Варшаве.

"Учителькой" была назначена молодая, шустрая и красивая барышня. Когда ученикам не давалась польская грамота, учительница злилась, топала ногами, билась, даже плакала.

С первых же дней из посёлка стал приезжать на закон божий ксендз. Он тоже был молодой, белый, рыхлый. Он казался мягким и добрым, но с учениками был суров. Если ученик не выучил молитвы, священник ставил его на колени перед иконой и не отпускал, пока тот не выучит.

Зато с учительницей они хорошо подружились; смеялись, шутили. Бывало задаст ученикам зубрить "Ойчэ наш", а сам у учительки сидит. Благодаря этому, он стал ездить чаще, чем нужно, а ученикам от этого почти каждый день надо было учить приевшийся закон божий.

Через некоторое время случилось что—то такое, что и учителька уехала и ксендза сменили. Появился новый учитель, тоже молодой, но важный, серьезный. Особенно злился он, если кто употреблял белорусское слово.

— Что за хамское слово—"трэба"?! — кричал он. — Когда вы научитесь говорить по-человечески:" тшэба"!" тшэба"!"

Юзик получше владел польским языком, поэтому мало страдал. А другим было плохо, особенно сельским.

Учитель был очень "культурный" человек: задавался не хуже самого пана Загорского. Во время занятий постоянно следил, чтобы не прикоснуться своим костюмом к стенке, доске, парте, ученику; летом носил перчатки, учеников бил или линейкой, или книгой, или чем-нибудь другим. Когда однажды, разозлившись, он тягал ученика голыми руками за волосы, то потом в течение длительного времени не мог простить этому ученику, что тот вынудил наставника испачкает свои руки.

Новый священник тоже был хуже первого. Старый, толстый, с круглой, голой, как тыква, головой. Никак ему нельзя было угодить, постоянно он ворчал и злился. Он заставлял учить наизусть не только различные молитвы, но и некоторые свои собственные выражения.

"Каждый человек должен быть в том состоянии, которое ему назначил бог" или:

"Величайший грех—зависть к чужому имуществу".

И ученики всем классом повторяли эти мудрые слова.

Здесь же священник объяснял, что богатство есть большое несчастье для души и что сам господь Иисус Христос говорил:

"Легче верблюду протиснуться через игольное ушко, чем богатому попасть в рай".

— Значит, все наши паны попадут в ад? — удивленно спросил ученик Максимка.

Ксендз аж подскочил.

— Цо? Цо? Кто это? — грозно крикнул он.

Ученики уткнулись в свои парты.

Через минуту ксендз, видимо, понял, что вопрос был правильный и начал объяснять, что это зависит от того, как кто будет использовать свое богатство; если он будет давать

деньги на бога, в костел, тогда совсем другое дело. Но в любом случае те, что не имеют имущества, скорее попадут в рай.

Здесь Юзик вспомнил слова своего отца, что в Советской державе никто не имеет имущества, и подумал: "Вот где, наверное, счастливый, святой народ, — все попадут в рай".

Но, к великому удивлению, он дальше услышал:

— Черт всегда ждёт, чтобы погубить душу человека. Он часто подстрекает людей идти против бога. Иногда он через своих слуг сбивает с правильного пути весь народ. Так, у наших соседей, Советской стране, черт всех людей отбил от бога и подчинил себе. Бог отступил от этих людей и оставил его. Эта страна уже сейчас является адом.

Все люди там— рабы, живут в грехах, надругаются над богом, молятся черту, дают друг друга, голодают. Бог допустил это для того, чтобы показать всем другим людям, к чему может привести безбожие. Мы должны радоваться и благодарить бога, что он помог Польше спасти хоть половину Беларуси из—под власти чертей—большевиков. И всегда мы должны молиться Богу, чтобы он помог освободить и оставшихся наших братьев.

Юзик подумал о своем дедушке, который там сейчас страдает и погибает. Представил себе, как все люди там, взявшись за руки, прыгают и славят черта. Но и этот толстый чужой; ксендз не располагал к себе. Все его поведение и слова какие-то холодные, неприятны, неискренние. Говорит он им, смотрит, а сам, кажется, и не видит их. Да и вся его наука какая—то путаная, противоречивая, нудная. Кажется, такие важные вещи говорит, а слушать не хочется.

Куда интереснее было бы взглянуть хоть одним глазком на тот удивительный безбожный народ. Что же там такое, наконец, делается? Как там люди живут?

Вера вообще Юзика не интересовала. Родители считались православными и научили его кое каким молитвам, которые

время от—времени и заставляли бормотать. Состояли они из каких—то непонятных чужеземных слов, смысл которых был неизвестен не только Юзику, но и самим родителям:

„Матка боска, прыснадзева, плод чрэва твоего, хлеб наш насушны (видно, сушёный), прыпанцыцкім пілаце “...

Немного понятнее учил отец:

"Ойчэ наш, ктуры на небе".

Но от всего этого в голове Юзика образовалась такая каша, что он совершенно махнул рукой на все это дело. Каждая лекция закона божьего была для него мукой. То же самое было и для его товарищей, особенно сельских. Православных заставляли изучать католический закон божий потому, что в окрестности вообще не было попа.

— Бог один для всех, — говорили ксендз и наставник. — Если кто совсем не будет изучать закона божьего, тот будет плохим человеком в державе и не найдет себе места в жизни. Такому и в школе не может быть места.

На этом основании даже один еврей, Мотэль, изучал у ксендза закон божий. Он так строчил "Ойчэ наш", что ксендз только удовлетворенно улыбался и гладил себе живот.

— Молодец, Мотэль! Это тебе никогда не повредит.

Этот Мотэль, сын шорника, был живой, и ловкий парень. Юзик любил его за весёлость и искреннее дружелюбие. Дети мелких служащих, мастеров, относились к ему с презрением; даже учитель попрекал его, что он еврей. Зато те, кто подходил к нему по—товарищески, быстро убеждались, что он является лучшим другом.

— Зачем же ты учишь этот закон? —спрашивал его Юзик.
— Что скажут твои родители?

Мотэль весело расхохотался.

— Отец смеется также, как и я. Он давно уже не признаёт никаких богов, ни своих, ни чужих. А мне просто интересно развлечь этого кабана—священника.

Юзику сразу стало легче на сердце. Он постоянно чувствовал себя связанным, запутанным этим делом. Он всем своим существом ощущал здесь какую нелепость, но самому ему еще недоставало смелости сбросить путы. Теперь он увидел, что дело решается просто, что есть люди, которые освободили себя от этой паутины и, несмотря на это, остаются такими же, как и все, даже лучшими, чем другие.

Один только вопрос тревожил его: Мотэль с отцом евреи, а вера их, как все говорят, ненастоящая, плохая; Почему же им и не отказаться от нее? Вот бы поговорить с христианином, например, с Антэком.

И вот он выбрал удобный момент и подошел к Антэку.

— Слу ... слушай, начал Юзик, засмущавшись, — веришь ли ты в бога?

Антэк удивленно взглянул на него и засмеялся.

— Что это тебе пришло в голову? Зачем это тебе знать?

— Да так ... Мы с Мотэлем говорили. Ни он, ни его отец не верят. Но ведь они евреи. В их веру нельзя верить.

Антэк совсем покатился со смеху.

— А ты думаешь, ксензовская вера лучше? — засмеялся он, но тотчас спохватился, стал серьезным и ответил. — Это я просто так сказал, сам я этой делом не интересуюсь и ничего не могу тебе сказать. Каждый пусть сам думает, как хочет.

— Но все—таки, как ты сам смотришь на это? — настаивал Юзик.

Антэк положил ему руку на плечо.

— Видимо, ты хороший парень, — сказал он ласково, — но я не могу тебе ничего сказать. Помнишь, как отец тогда говорил, чтобы я тебя не трогал?

— Я же сам спрашиваю.

— Все равно. Мои слова тебе не подходят. Отец узнает— беда будет.

— Я ему не скажу.

— А если проговоришься?

— Ни в коем случае! —горячо воскликнул Юзик.

— Ты уверен? —усмехаючись сказал Антэк.

— Могу поклясться, чем хочешь! —твёрдо сказал Юзик.

Антэк помолчал, подумал. Видно было, что ему хочется сказать, но что-то сдерживает. Наконец, решился.

— Вот что я тебе скажу: в эти религиозные предрассудки никто из разумных людей не верит. Наверное, и сам пан и даже ксендз.

— Почему же тогда нас учат ?! — вскрикнул Юзик.

— А что они говорят? Чтобы бедный человек страдал, не стремился к лучшему, слушался панов, был доволен своей судьбой, что бог так требует. Да?

— Да.

— Ну так теперь и сам понять сможешь, почему они так учат. Ведь если-бы вся беднота освободилась от этих религиозных цепей, то давно уже прогнала бы всех панов и ксендзов, как это сделали в Советском Союзе. Конечно, они должны дурманить людей, чтобы удержать свое барское положение. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Этого уже достаточно чтобы понять. А подрастёшь— все ясно станет. Только помни, не проговоришься перед отцом. Я ему обещал, что не буду тебе ничего говорить.

— Почему?

— Свободные и умные мысли у нас высказывать опасно. За одно это могут посадить в тюрьму. Вот твой отец и боится этого. Вот почему и ты должен молчать. Ну иди, а то заметят.

С этого времени Юзик начал смотреть на мир совсем другими глазами. Правда, общего положение он не понимал, в общественной жизни разобраться не мог, вообще совсем мало знал, но хорошо уже то, что начал освобождаться от религиозного дурмана. Нельзя сказать, чтобы это случилось

сразу: от такой паутины освободиться нелегко. Но он стоял на верном пути и с каждым днем чувствовал, как ему все легче и легче становится, как исчезает страх перед различными тайными вещами, как смешными делаются все эти сказки про бога, черта, ангелов и разных духов.

Гораздо легче ему было вылечиться от этой болезни еще и потому, что с ним был Мотэль. Весело им было подмигивать друг другу и с серьезным видом рассказывать ксендзу, как бог боролся с каким-то там Якубом, как три парня ходили себе и пели в раскаленной печке, как черт водил Христа и др.

К ним присоединились и деревенские парни, которым легче было избавиться от веры потому, что они до сих пор не видели попа, ни ксёндза. Даже двое ребят из польских семейств поддерживали наших товарищей.

Таким образом, под носом у ксендза возникла ячейка безбожников, которая издевалась над его учением, а ему и в голову не могла прийти такая мысль, так как безбожники отвечали ему временами лучше "божников".

Жалели только парни о том, что ксендзу нельзя было задавать никаких вопросов. Он страшно тогда злился и угрожал всяческими карами. Об этих делах рассуждать нельзя было; здесь нужно было только заучивать слова и отвечать, как попугай.

Вторая наука, занимавшая такое же место, что и закон божий, была история. Ее преподавал учитель. Эта наука была немного интереснее закона божьего, но, наконец, и она надоела, потому что нужно было знать всех польских королей за тысячу лет. Когда кто жил, что делал, что говорил, что ел, как сидел, как смотрел.

Нужно было знать, как Пяст, сын Попела, в 861 году сам пахал землю. Как Мешко, благодаря своей жене Домбровце (а она была сестрой короля чешского Болеслава II) принял католичество и принудительно крестил свой народ. А потом

был Болеслав Смелый, который едва не завоевал весь мир. В городе Гнезньне (Познань) были уже тогда мощи святого Войцеха, к которому приезжал на богомолье римский император Отон III и за это короновал Болеслава своей короной. А сын Болеслава—Мешко II—ссорился со своими братьями Беспримом и Отоном. А сыновья Мешки—Болеслав и Казимир—тоже ссорились между собой. А сын Казимира—Болеслав—собственными руками убил епископа Станислава (в 1079 г.). После его королем польским был Владислав (от 1080 до 1102 года) но его прогнал родной сын его, Болеслав Криворотый (от 1102 до 1139 года). А у этого Болеслава Криворотого было пять сыновей: Владислав, Болеслав Кудрявый, Мешко Скорый, Генрих и маленький Казимир. Они также ссорились между собой. По очереди они гоняли друг друга и царствовали над Польшей. Наконец и последнего из них, Мешко Старого, прогнал Казимир II Справедливый (для ксендзов). После его смерти (в 1114 г.) королями стали два его сына вместе, но тот поганый Мешко Старый прогнал обоих сыновей, тоже вместе (в 1200 году). Когда он умер (в 1202 г.), королем стал сын его Владислав Тонконогий, но он поссорился с архиепископом гнезненским и епископом краковском—и те его прогнали и выдвинули королем Лешку Белого (1206—1227). Но, увы, его убил Святополк Поморский; однако вдова Лешки, с сыном Болеславом Стыдливым, обманули Святополка и передали Польшу Генриху Бородатому, а от него Польша перешла к сыну его, Генриху Благочестивому, как раз в 1239 году. Но Болеслав Стыдливый не терял время даром и, как только умер Генрих Благочестивый, тотчас завладел Польшей и руководил вплоть до 1278 г. Очень хитрым был король Владислав Локетка; он выдал свою дочь Альжберту за Роберта, короля Венгерской, а сына Казимира поженил с Альдоной, дочерью литовского короля Гедемина. Благодаря этому он продержался вплоть до

1333 года. Сына его, Казимира, называли Великим за то, что он много воевал и продал немцам Добжинскую землю за 8000 коп. прусских денег. Но он умер, не оставив сына; поэтому, после долгих соображений, Польшу отдали Ядвиге, дочери Альжберты, которая была женой Людовика, сына Кароля—Альберта.

Вот какую историю нужно было изучать ученикам Польской республики!

А это еще только половина истории, до 1384 года. Сколько еще таких же событий идет дальше.

Казалось, что на свете никого не было кроме королей, и что они забирали, передавали, меняли, продавали государство словно своего коня. А как жил остальной народ, в каких условиях, как развивалась общественная и культурная жизнь, —об этом не было ни слова.

Более интересными для Юзика были события 1914—1918 годов. Российская революция, создание польского государства. Но мало полезного можно было узнать в школе об этих временах, ведь разговор все время шел в основном о Пилсудском: какой он был великий человек, как он спасал отчизну от большевиков, как он жил, что он любил, куда ездил и т.д..

Юзик жаждал узнать более подробно о событиях и жизни в соседнем Советском государстве, но так ничего и не узнал, кроме того, что там живут безбожники и страдают, как в пекле, да еще стараются погубить всех других хороших людей на свете.

Закон божий и история составляли почти всю школьную науку, и других знаний ученики получали совсем мало.

Юзик пристрастился к чтению книг, но и то небольшое количество книг, которое были в школе, также состояла в большинстве из религиозных. Более интересными были исторические. Он перечитал все книги Крашевского,

Сенкевича, Ожешки, Конопницкой. Особенно понравилась книга "Огнем и мечом" Сенкевича. Польская шляхта там была такая честная, героическая, и короли все хорошие. Больше всех остался в памяти какой—то Подбиипэнта, который все пытался на войне одним махом срубить три головы. И сумел, наконец!

Под влиянием таких книг Юзик совсем забыл о современной жизни, о тайных делах Антэка и даже о Советской стране и про своего деда.

5. ВНЕШКОЛЬНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Однажды Максимка, деревенский, после лекций позвал Юзика, отвел в угол и, оглядываясь по сторонам, вынул какую-то скомканную бумажку.

— Вот посмотри, — шепнул он таинственно.

Это был кусок печатной желтоватой бумаги как от старой газеты. Юзик взял, посмотрел, но прочесть не мог: буквы были незнакомые.

— По-какому это написано? Я не понимаю.

— По-нашему же, по-белоруски! — удивился Максимка.

Юзик должен был признаться, что по-белоруски читать не умеет.

— Почитай ты, — сказал он.

Максимка шепотом начал читать:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Всем трудящимся Западной Беларуси.

Товарищи! Приближается время, когда рабочая беднота столкнет со своей шеи паразитов — помещиков, капиталистов и их прихвостней, когда рабочие и крестьяне сами возьмут

власть в свои руки и начнёт трудиться на пользу всех рабочих, как это давно уже я сделал наши братья на Востоке.

Эксплуататоры хорошо знают, что приближается их конец. Поэтому они особенно усиливают давление на рабочих, которые в первых рядах ведут с ними борьбу. Тысячи рабочих посажены в тюрьмы. Но вместо них появляются новые тысячи. В Лодзи, Сосновицах, Варшаве, Кракове и других городах проходят забастовки, столкновения; рабочая кровь льётся рекой.

Товарищи! Неужели мы будем молчать? Неужели мы не поможем им?

Рабочие Западной Белоруссии! Помните, что там, в Польше, рабочие поляки борются с теми же самыми панам, которые здесь сосут вашу кровь. Помните, что они борются и за ваше освобождение не только от давления экономического и политического, но и культурного.

Наш долг принять участие в этой борьбе. Организуйтесь, выступайте против угнетателей. Каждый удар по пану на Востоке отразится на капиталисте на Западе.

Пусть живет союз трудящихся всего мира! Пусть живет мировая революция! Пусть живет мировая коммунистическая партия, вождь пролетариата всех стран!

Коммунистическая Партия Западной Беларуси.

— Откуда ты взял это? —спросил Юзик.

— Да она у нас давно по рукам ходит, —ответил Максимка.

Не все понял Юзик, также, как и Максимка. Слово "пролетарии" немного было знакомо, а с "паразитами" "эксплуататорами" и "экономическим давлением" было уже хуже. Но само содержание, тон бумажки сильно впечатлил Юзика. Так смело, открыто пишут! Совсем не боясь панов.

Снова взял Юзик в руки бумажку и увидел дату, которая была два года назад. Видимо эта старая листовка ходила по рукам и сохранялась, как ценность.

О коммунистах Юзик слышал. Отец говорил, что это те люди, которые там в России отобрали у помещиков землю, но вместе с тем установили какой-то непонятный порядок, или лучше или хуже —отец и сам не знал.

От ксёндза и учителя Юзик также слышал о коммунистах, но с их слов они казались ворами, безбожниками бандитами. Они еще называются большевиками.

Юзик не верил словам ксендза и учителя; он больше верил отцу, который сам видел коммунистов. Но и отец ничего точного и положительного не мог сказать.

Каждый раз у Юзика создавалось впечатление, что эти коммунисты живут только в Советском Союзе. И вот теперь он видит, что они есть и в Западной Белоруссии и, по—видимому, в Польше.

Где ж они? Какие они?

— А ты видел хоть одного коммуниста? —спросил Юзик у Максимки.

— Нет, —ответил тот. —Но можно было бы послушать их.

— Каким образом?

—А если самим сделать радио, тогда можно было бы послушать, что говорят из Минска.

— А ты знаешь, как сделать?

— Нет. А ты?

— Тоже. Но это нехитрое дело. Надо посмотреть в книжку и добыть материалы.

— Книжку можно где—нибудь достать, но где взять денег? —поскрёб затылок Максимка.

— Это, говорят, недорого стоит. Несколько злотых должно хватить.

— Я ни одного гроша не могу достать, — грустно сказал Максимка.

— Я тоже. Но сделаем сами. Какой—нибудь совет найдем. Собрать будем у тебя, потому что у нас не как: все на глазах.

— Хорошо! — согласился Максимка.

— А тем временем покажи мне буквы, — сказал Юзик, — я тоже хочу научиться читать. Ты мне напиши под этими буквами польские, и я сам выучусь.

Максимка написал, и Юзик взял бумажку себе.

— Только смотри, чтобы никто не видел, — предупредил Максимка, — а то мы все попадем в беду.

— Не бойся! — с Гордостью ответил Юзик, вспомнив Антэка. — Не раз молчал.

Как—бы там ни было, Юзику уже пошел четырнадцатый год, и он понимал, что это—дело серьезное.

Он положил бумажку в книжку и учил ее себе дома, словно уроки, на глазах у родителей. Да если—бы родители и увидели, они бы ничего не поняли, так как отец, как мы знаем, был неграмотен, а мать не знала белорусских букв.

Для грамотного человека изучить чужие буквы и научиться читать ничего не стоит. Все дело только в том, чтобы понимать то, что читаешь. А так как это был его родной язык, то Юзик через несколько дней совсем овладел белорусского грамотой.

В результате выучил он эту прокламацию! Наизусть знал от слова до слова.

На другой день он обратился к Мотэлю.

— Ты знаешь, как сделать радио?

— Немного знаю. А что?

Юзик склонился к уху Мотэля и прошептал:

— Мы хотим послушать, что говорят из Минска.

В Мотэля аж глаза загорелись.

— Где? Как? Кто? —посыпались вопросы.

— Мы с Максимкой. У них на селе. Хочешь присоединиться к нам?

— Конечно! —ответил Мотэль.

Через несколько дней ребят была книжка, немного проволоки, несколько шурупов и капитал в два злотых. Главным инженером сразу стало Мотэль; разделил работу, дал каждому задание, одним словом, наладил производство так, что дело было хоть и медленное, но верное.

При таких отношениях с Мотэлем, Юзик, конечно, не мог скрыть от него дело с прокламацией. С большой таинственностью и торжественностью открыл он свой секрет.

Но, на удивление, Мотэль отнесся к этому совершенно спокойно.

— Знаю, —сказал он, —самый читал польские.

— И польские! —воскликнул Юзик.

— И еврейские, —добавил Мотэль.

— Откуда ты взял?

Тут уж и Мотэль воздержался.

— Видишь, этого сказать я не могу.

— Почему же? — стал просить Юзик. — Я же тебе сказал. Мотэль немного подумал.

— Это дело серьезнее, чем твоё, —промолвил он.

Юзик обиделся,

— Не думал я, что ты такой товарищ, —буркнул он.

— Ну хорошо! —отважился Мотэль. —Я видел это у отца. А он не знает, что я видел.

— Может, твой отец встречается и с коммунистами? —поинтересовался Юзик.

— Встречается.

— Ну? Где? —аж подскочил Юзик.

— Здесь.

— А может и ты сам видел коммуниста? —допытывался Юзик.

— Видел, —спокойна ответил Мотэль.

— Настоящего? Живого?

— Совсем живого и здорового, —засмеялся Мотэль.

— Кто же это?

— Это, брат мой, опять же очень серьезное дело.

— Да чего ж ты издеваешься! —чуть ее заплакал Юзик.
— Неужели еще не знаешь меня?

— Знаю, —серьёзно сказал Мотэль, —но знаю также, что выдать человека самое большое преступление.

— А ты слышал, чтобы я где-нибудь говорил то, что не следует? —задиристо сказал Юзик.

— Я не слышал. Поэтому с тобой и разговариваю. Ну так вот: коммунист этот—Антэк.

— Антэк?! — вскрикнул Юзик.

Мотэль испуганно оглянулся и тыкнул Юзика кулаком в бок.

— Тихо, ты черт —прошептал он. — Придется пожалуйть, что сказал дураку.

— Жалеть не будешь, —ответил Юзик и рассказал Мотэлю разговор Антэка с отцом, о тайном деле под молотилкой и свою беседу с Антэком.

— Видишь, я умею держать язык за зубами — закончил он. — Об этом я никому, ни отцу, ни матери не говорил. Даже и тебе до сих пор.

— Это хорошо, —с удовлетворением сказал Мотэль.

— Но откуда ты все это знаешь —спросил Юзик.

— Я несколько раз слышал их разговоры.

— Может, и твой отец коммунист?

Мотэль снова оглянулся вокруг.

— Думаю, что да, —прошептал он.

— А мой отец даже был в Советском Союзе, но остался таким, что от него нужно прятаться с этими делами, — грустно проговорил Юзик.

После этого разговора Юзик словно постарел года на два, стал более серьезным, вдумчивым и начал даже гордиться собою, больше себя уважать: вот он какой! Знает такие важные вещи и никому не говорит.

Хотя все три парня работали вместе, Юзик с Мотэлем не могли сказать Максимке то, что говорили между собой.

Зато Максимка был более искренним. Он сказал, что его старший брат Иосиф и еще один парень куда—то исчезли из деревни. Никто не знает, куда они делись, но у Максимки есть сведения, что они убежали в лес, где собираются отряды партизан против панов.

Через некоторое время Юзик сам нашел прокламацию возле своего дома. В ней также смело и бодро призывали рабочий народ к борьбе с буржуями. Нельзя сказать, чтобы Юзик чувствовал ненависть к панам. Паны, как паны: живут себе во дворцах — и все. А батраки, конечно, работают—как-же иначе? Если пан гонит их из своего сада, тоже ничего удивительного нет, — конечно, сад господский. Сам отец говорит, что пан хороший.

Эти прокламации привлекали и интересовали Юзика своей таинственностью и смелостью; они были похожи на те геройские истории, которые он любил читать. И он хотел бы поучаствовать в них также, как и в книжных событиях.

Он побежал к Мотэлю. Тот прочитал и говорит:

— Зачем нам с ней прятаться? Мы ее на улице нашли, и никто нас не может за это обвинить. Передавай, читать другим, пусть радуются хорошие люди. Давай я это сделаю.

— Нет, я сам! — не согласился Юзик.

И в то—же день он прочитал ее родителям. Боже ж мой, боже! — вздохнула мама. — Что на свете делается?

— Где ты ее взял? — накинулся на него отец.

— Да тут у нашего дома нашел.

— Давай ее сюда! За такие вещи в тюрьму нас всех посадят. Если второй раз найдешь, то вообще не трогай. Это тебя не касается.

И отец порвал бумажку на мелкие куски. Так и закончилась Юзикова пропаганда.

Однажды парням попала в руки целая белорусский газета.

— Вот где, наверное, много интересного написано! — Сказал Максимка. Спрятались и стали читать. Узнали, что предводитель Пупский обедал у французского посла Хлусье, что в Варшаву приехала некая итальянская артистка Макарони, что в Вильне состоялось торжественное богослужение с участием варшавского епископа, что в Америке, Англии, Франции какие министры что-то такое сказали.

Парни ожидали, что здесь будет много чего задиристого, как в тех прокламациях, а вместо этого видели, что-то непонятное и неинтересное. Еще больше удивились они, когда прочитали такие строки:

"За последнее время снова зашевелились различные бандиты, стремящиеся залить кровью всю нашу страну. Видимо, они получили новый приказ и деньги из-за границы. Они недовольны тем, что белорусский народ в братской Польше живёт спокойно, улучшил свое положение и пользуется всеми удобствами культуры ".

Хотел бы я, чтобы ты так жил, как мы! — буркнул Максимка.

— Но тут-же совсем не так как пишут, как тогда, — смущенно сказал Юзик, — хотя и по-белоруски напечатано.

— Да это же те самые паны пишут! — сказал Мотэль.

— Тут—же ж по-белоруски написано, — повторил Юзик.

— А ты думаешь белорусских панов нет? — пылко сказал Мотэль. — Отец говорил, что все паны составляют одну свору—и польские, и белорусские, и еврейские. Отец раз смеялся от одной еврейской газеты, которая писала, как раз также, как и эта. .

Максимка и Юзик еще больше удивились.

— Неужели?! — воскликнули оба.

— А что же тут удивительного? — спросил Мотэль.

— Ну какой же пан еврей или белорус? — засмеялся Максимка. — Паны же бывают только поляки: Загорский, Пшэздецки, Монтвил. А. где же ты видел еврея или белоруса?

— Неужели ты думаешь, что во всей Польше нет богатых евреев или белорусов? Возьми хоть вашего Захара.

— Ну, какой он пан.—аж покотился со смеху Максимка.

— Но ведь он стоит за господ?

— Стоит, так как получает от этого пользу.

— Ну так вот, все те, что получают пользу, и пишут вот такие вещи, — и белорусы, и евреи.

— Вот оно как! — задумчиво произнёс Юзик. — Никогда об этом не подумал бы. Все видят и знают, что паны—только поляки.

— Видят, но не понимают, — горделиво ответил Мотэль.

Оба юноши ясно чувствовали превосходство Мотэля. Сразу видно было, что его отец много чего ему объясняет. А Юзик с Максимкой ничего такого от своих родителей не слышали.

Максимка лучше всех знал бедственное существование своей деревни, сам страдал от такой жизни, чувствовал обиду и ненависть к несправедливости такой жизни. Но он был словно в темном лесу: что-то чувствовал, но ничего не знал. Теперь же он многое понял, значительно развился и мог смотреть на мир совсем другими глазами.

У Юзика-же не было ни знания Мотэля, ни практики Максимка, не понимал он окружающей жизни, а жил подвигами различных древних польских героев, о которых читал в книжках. И вот теперь он увидел, что на свете жизнь идет совсем не так, как он видел до сих пор. Что где-то есть другие люди, которые стремятся к чему-то другому, интересному, справедливому, которые заботятся о всех бедных, которые идут против всех господ. Удивительней всего было то, что эти люди чувствовались где-то рядом, вокруг. Вот Антэк, отец Мотэля, брат Максимки, а там еще и еще. Может рядом с ним есть и еще много таких людей, которых Юзик каждый день видит, но не знает, кто они, как не знал до сих пор об Антэке.

Особенно интересно было Юзику чувствовать, что и он имеет какое-то отношение к этому делу, знает, что-то такое, чего другие не знают, и что он никому об этом не говорит.

Встречаясь с Антэком, Юзик всячески проявлял к нему благосклонность. Со своей стороны, и Антэк полюбил мальчика и осторожно, понемногу бросал ему в голову те или иные светлые мысли. Но такие моменты были редкие и короткие, потому что нужно было остерегаться Юзикова отца, да и вообще Антэк не мог рисковать и высказываться больше чем можно было перед мальчиком.

Постепенно у Юзика начал меняться взгляд на различные жизненные явления, на которые он до сих пор или совсем не обращал внимания, или считал, что так оно и должно быть. Сейчас Юзик уже не воевал с сельчанами, чтобы захватить корову, а если это делали без него, то он возмущался и злился. Чаще задумывался о том, почему все вокруг работают на пана, а тот живет себе и ничего не делает. Заметил, что те, кто меньше работают — более богатые, и очень стоят за пана. Одним словом, понемногу начал разбираться в жизни.

Но это были только первые шаги. В чем тут дело, как это делается и как должно быть иначе — Юзик еще не знал.

6. СВЯЗЬ С ДРУГИМ МИРОМ

Работа над радио—аппаратом шла своим чередом. Купили на свои два злотых немного проволоки, винтики и другие мелкие части, кое—как сделали шпулю, но скоро увидели, что для окончания аппарата им нужна еще как минимум десять злотых, особенно, чтобы приобрести наушники.

Даже эти два злотых для наших ребят были большим капиталом, собрать который было очень трудно. Откуда же теперь достать аж десять злотых?

Обратиться к родителям? Но ведь и те два злотых едва наскребли от тех-же родителей, а за десятью злотыми и соваться нечего. Тем более, что родителям они не говорили о своем деле.

Максимка и Юзик были уверены, что их родители запретят им этим заниматься. Мотэлевому отцу, возможно, и можно было бы сказать, но уверенности, что он согласится, тоже не было.

— Лучше будет как-нибудь обойтись самим, — решили ребята.

Хорошо было бы где-нибудь заработать, но где и как? Даже взрослые не могут найти себе работы, так куда тут соваться детям.

— В поселке сейчас строят новый костел, — сказал Максимка, —с нашей деревни некоторые работают там—кирпич вверх таскают. Один злотый за сто штук получают.

— Мы бы живо подняли тысячу штук! —воскликнул Юзик. —Пойдем.

— Так там тебя и ждут! —засмеялся Мотэль.

— Тогда мы предложим им за десять золотых отволочь две тысячи, вместо одной, —сказал Юзик.

— Тогда тебе надают подзатыльников те мужики, что работают! —заметил Максимка.

— Это за что?

— Чтобы цену не сбивал.

— Вот оно как! —промолвил Юзик. —Ни так, ни сяк.

— Тогда вот что сделаем, —предложил Максимка. — Я переговорю с дядей Атрахимом, который там работает, чтобы он взял нас к себе в помощники. Он подрядится на большее количество кирпича, и, мы будем ему помогать, вроде как друзья семьи.

— А подойдет к семье "Мотэль Атрахимов"? — засмеялся Юзик.

— А я просто для развлечения буду помогать своим товарищам, —сказал Мотэль. —Кто запретит?

— Так и решили сделать.

На второй день Максимка сообщил, что дядя Атрахим согласен, но с условием, что они перенесут за десять золотых не тысячу, а полторы тысячи кирпичей.

— Даже и здесь эксплуатация! —заметил Мотэль.

— Я же ему говорил, —оправдывался Максимка. —Но он говорит, зачем тогда ему брать на себя лишние хлопоты?

— Черт с ним! Перетащим! —махнув Рукой Юзик. — Только вот как сделать, чтобы родители не знали. Начнут расспрашивать, почему да как, да еще и не пустят.

— А меня если пустят, сказал Максимка, —Так скажут, чтобы деньги отдал в дом.

Постановили выбрать день и тихо уйти. А потом отвечать, кому что придет в голову.

Но как встать так рано? Ведь надо еще собраться вместе, пройти шесть километров и начать работу до зори.

— Я вас разбужу, —предложил Максимка.

— Каким образом? —сказал Юзик. —Ты скорее разбудишь наших родителей, чем нас. Разве совсем не спать эту ночь?

— Лучше тогда положить в постель колючих репейников, —придумал Мотэль. —С ними не разоспишься.

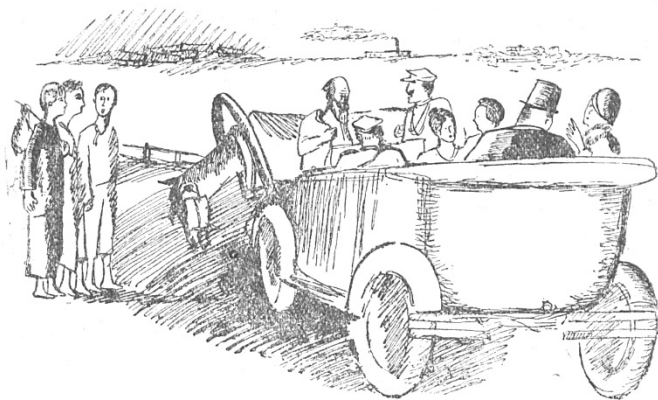
— И то правда! —подхватил Юзик.

Нельзя сказать, чтобы хорошо спалось на репейниках, но свою задачу они выполнили хорошо. Наверное, было часа два ночи, когда Юзик выскользнул из дома. Через некоторое время присоединился Мотэль, а там пришел и Максимка.

От имени до поселка была проложена отличная дорога. Она шла и дальше, за поселок, где через двенадцать километров была железнодорожная станция. По этой дороге обычно было достаточно сильное движение автомобилей, барских, почтовых, пассажирских.

Но в такую рань автомобилей было совсем мало. За все время мимо парней проехала только два автомобиля, зато достаточно было крестьянских подвод. Допотопные кустарные повозки скрипели, гремели также, как и полсотни лет назад. Только лошади были похуже, потому что не каждый крестьянин мог их прокормить. А найти заработок с лошадьёю было почти невозможно. Фабрики, поместья, даже небольшие фольварки пользовались тракторами, грузовыми автомобилями. Различные перевозки брали на себя подрядчики, которые держали для этого дела десятки грузовых автомобилей. Крестьяне и соваться не могли в это дело со своими лошадьми.

Три парня успели пройти уже пару километров, когда сзади блеснули первые лучи солнца. Туман начал подниматься вверх и открыл окрестности. Вот с правой стороны показался крахмальный завод; рядом с ним в саду красивый, как игрушка, дом. От главной дороги пошла туда узкая дорога с аллеей.

А с левой стороны гиблая деревня. Маленькие домики словно выросли в землю. Большинство их было с соломенной крышей. Узенькая тропинка с глубокими колеями соединяла деревню с дорогой. Вот едет по этой тропинке воз, шатается из стороны в сторону так, что, кажется, вот-вот хозяин вылетит из повозки. Едва он выехал на дорогу, как сбоку налетел автомобиль. Шофер успел остановить его за каких—нибудь метра два—от лошади.

— Холера! Пся крэв! Болваны! —посыпалось с автомобиля. —Ты куда смотришь?

В автомобиле сидели двое военных, две барышни и—какой—то важный господин с дамой.

— Паночки! Я же не видел! —засуетился крестьянин, автоматически сняв шапку и спрыгнув с телеги.

— Глаз не имеешь, что ли? Сейчас мы научим тебя смотреть!

— Пока я поднимался на дорогу, вы были очень далеко, —оправдывался крестьянин, взяв лошадь под уздечку и повернул в сторону.

— А где твой номер?¹⁾ — грозно спросил пан.

— Сейчас, сударь, сейчас, есть! — подхватился крестьянин, бросил коня, подбежал к возу и начал в нем копать. Конь снова стал поперек дороги.

— Да шевелись быстрее, бездельник! — нетерпеливо крикнул офицер.

— Сейчас, сейчас, сударь! Повторил крестьянин, с отчаянием теребя свой воз, но никакого номера не находил.

— Может, у тебя и не было? — допытывался пан. Может ты умыслом не исполняешь указания?

— Право, сударь, есть, был, чтобы его волки задушили. Вот тут прилепил: сегодня видел, но черт его знает ...

— Стоит ли тратить время на такую глупость? — заметила одна барышня.

— Но это не глупость, проше пани! — отозвался старый пан. — Это пожондак (порядок)! Каждый честный гражданин должен следить за пожондкам.

— Вот кара божья! — мямлил крестьянин. — И куда он делся?

— Пане Витольд, плюньте на него! — сказал офицер. — Едем. Айда!

Заревел гудок, дернул автомобиль, лошадь бросился в сторону, крестьянин упал на землю, воз перевернулся ...

— Суда на вас нет гады! — сказал крестьянин, поднявшись с земли.

Ребята тем временем задержали лошадь и подняли колеса.

— Будет, дяденька, и на них суд, — подхватил Мотэль, нужно только самим захотеть.

¹⁾ Чтобы легче было следить за крестьянами Западной Беларуси, польская власть приказала каждому крестьянину иметь на повозке свой номер.

— Ишь ты, какой нашелся! — усмехнулся дядька с насмешкой, но видно было, что замечание эта ему понравилась.

Ребята готовясь были взяться за агитацию, но мужик сел на телегу и спросил.

— Вы куда? Может подвезти?

— Мы в посёлок.

— А я в другую сторону. Будьте здоровы, детки. Благодарю за помощь.

Хотя подобные явления были обычными для ребят, но это все-таки поразило их. Мотэль возмущался, ругал всех господ в мире, угрожал революцией. Максимка смотрел на мир безнадежно, но ненависть его была даже сильнее. А Юзик размышлял в целом да представлял, как это в Советском Союзе живут без панов.

— Может, дед мой ездит там на автомобилях, как эти господа, сказал он шутливо.

— А что ты думаешь? — уверенно сказал Мотэль. — И ездит!

Над головой загудело. Взглянули—летит большой пассажирский самолет.

— Глянь, дед твой летит! — засмеялся Максимка.

Местным жителем было известно, что над ними проходит воздушный путь из Советского Союза. Все привыкли к регулярным рейсам, как к поезду.

— Может и так, — усмехнулся Юзик, — но, к сожалению, я его не знаю.

Вот показались посёлок и стройка нового костела.

— Не думал я, что придется поработать на пользу бога, да еще христианского, — со смехом сказал Мотэль.

— Зато заработанные деньги мы используем для того, чтобы послушать черта, — тоже ответил Юзик.

Дорога шла через посёлок. Дома вокруг были большие, хорошие. Некоторые не хуже, чем в большом городе. Но рядом попадались и совсем бедные хибарки. Особенно в боковых переулках, которые даже были немощеные. Там копошилась еврейская беднота. Висели старинные вывески: "портной", "сапожник", "жестянщик" и т. д. Но все эти ремесленники возможно не имели работы, так как фабричное производство давало столько товара, — и достаточно дешевого — что к кустарям никто не обращался. На главной улице были видны эти товары в огромных магазинах. На вывесках были польские надписи: "Варшавский магазин А. Завадского», «Магазин утвари М. Шнеерсона", мануфактурный магазин М. Сидорика".

Около одного такого магазина стоял важный седой еврей. Напротив него, с шапкой в руках, худой оборванный крестьянин в серой свитке и лаптях.

— Пожалейте господин! — говорил он. — Это же первый случай. Ну, высчитайте с меня, а то так сразу ... Куда ж я пойду?

— Нет, нет! Хватит—сурово ответил еврей. — Что из тебя высчитаешь? Ты сам не стоишь того ущерба, который можешь причинить по твоей халатности. Еще бы минута, — погибла бы моя лучшая корова. Нам таких не надо.

В этот момент подъехал автомобиль. Еврей сел в него и двинулся.

А мужик несколько минут стоял с шапкой в руках и смотрел во след автомобилю.

— Вот ты удивлялся, — обратился Мотэль к Юзика, — что белорусские и еврейские газеты стоят за господ. А вот этот господин чем лучше польского? Чем ему хуже живется? Вот они и стоят за современный порядок.

Против такого примера Юзик ничего не мог сказать.

Вообще надо отметить, что везде очень четко ощущалось разделение на богатых и бедных. Как на селе, так и в городке, почти совсем не видно было так называемых середняков. Или богатый, —либо совсем бедный. В поселке, например, выделялось человек десять богачей, которые всю торговлю захватили в свои руки. Мелкому торговцу нечего было и думать с ними тягаться, так как они всегда могли: приобрести товара и больше, и быстрее, и дешевле, и лучше.

А те хозяева, которые в городке занимались земледелием, едва могли прокормить себя, так—как продавать продукты они должны были меньше себестоимости. Ведь на рынке были продукты из имений, где все это производилось фабричным способом и поэтому стоило куда дешевле.

К стройке уже подъезжали автомобили с кирпичами, цементом и другими материалами. Но сама стройка велась старинным методом, без никакой механизации. Ведь вокруг было столько бедноты, что она соглашалась работать дешевле, чем стоило бы привезти оборудование. Поэтому и кирпич носили вверх на спинах.

Максимка подвел ребят к дяде Атрахиму.

— Ну, держитесь, щенки! —сказал Он ни то сурово, ни то ласково.

Началась работа. Первый час была для ребят словно игрой. Они брали с собой кирпича больше, чем надо и бежали быстрее, чем нужно.

— Легче, легче, ребята! —предупреждал дядя Атрахим. —А то скоро устанете.

Но те и слушать не хотели.

Через час они уже утомнились. Через второй — работали размеренно, медленно, через третий—окончательно потеряли юмор и чуть дождались отдыха. А после отдыха и вовсе не хотели браться за работу.

— Нет, не могу! — сказали Мотэль и Юзик. — На этот раз хватит.

Только Максимка держался более бодро,

— Ну, еще хоть час поработаем, — уговаривал он товарищей.

Взялись снова. Понемногу втянулись и работали еще два часа. А дальше уже не могли.

— Семьсот пятьдесят! — подсчитали они результаты рабочего дня. Осталось только двести пятьдесят.

— Нет еще, — грустно сказал Максимка. — Не забывайте, что нам нужно полторы тысячи.

— Пусть хоть заплатит за эти, — сказал Мотэль, — а там увидим.

Максимка подошел к Атрахиму.

— Вы уже совсем больше не будете? — спросил тот.

— Завтра закончим.

— Ну, тогда завтра и получите деньги.

— Пожалуйста, дяденька, дайте теперь, — начал проситься Максимка. — Нам очень нужно.

Атрахим подумал, порылся в кармане.

— Ну, вот вам три злотых, — сказал он, когда закончите, получите все.

Домой ребята едва тащились. Только три злотых немного придавали бодрости.

— Нет, завтра так рано уже не пойдем, — сказали они и разошлись, договорившись встретиться в часов десять—одиннадцать.

Неприятно было Юзику врать, когда мать начала спрашивать, где он весь день пропадал. Хорошо еще, что отца дома не оказалось. Кое-как отговорился и тотчас лег спать. Заснул сразу и сильно проспал до следующего дня.

Но когда Максимка пришел в обозначенное время, Юзик и Мотэль начали просить, пропустить этот день, так—как

чувствовали они себя, словно попали под колеса: и руки, и ноги, и спину—все ломило.

И только через два дня они осмелились снова пойти на работу.

— А за это время стены поднялись выше, — бурчал дорогой Мотэль, — Нам придется лезть уже выше, чем в прошлый раз.

— Но ведь зато последний —утешал Юзик.

На этот раз они взялись за работу более разумно, серьезно. Ни одного лишнего движения не делали с самого начала. Считали не то, сколько перетасили, а сколько осталось.

Четыреста пятьдесят ...

Триста ...

Сто пятьдесят ...

Пятьдесят ...

И с каждой цифрой ребята чувствовали себя все более и более бодрыми. А когда принесли последние кирпичи, казалось, вся усталость исчезла.

— Ура! —запрыгали ребята.

Атрахим улыбнулся.

— Ну, вот вам ваши заработанные честной работой деньги, —сказал он.

— А вот ты то положил себе в карман пять злотых, вовсе не честно заработанных, —буркнув Юзик, когда они отошли.

Здесь же в городке они купили пару хороших наушников и побежали домой так, словно сегодня совсем не работали.

Собственно говоря, не было такого закона, который запрещал бы гражданину иметь свой отдельный радиоаппарат. Но какие там граждане были наши ребята? Да крестьян из деревни никто не считал за граждан. Для того и проведен был им громкоговоритель, чтобы им не пришла

мысль иметь собственное радио. За несколько лет перед этим был случай, когда один взрослый парень захотел было поставить себе собственный аппарат и начал хлопоты о разрешении, но к нему так прицепились, что он и сам был не рад.

— Для чего тебе свой отдельный аппарат, если рядом стоит лучший? А? Какие такие специальные сношения ты имеешь в виду? С кем? Для чего? Даже денег не жалеешь. Знаем мы все это ...

Поэтому наши ребята делали все это тайно В Максимковом сарае выбрали уголок, вывели на крышу проволока, а там приспособили две жерди таким образом, чтобы их легко было поставить и снять.

Никто не обратил особого внимания, что ребята, товарищи по школе, вместе играют. Тут Юзик в первый раз хорошо познакомился и с деревней, которою он до сих пор совсем не знал.

Черные старые домики с соломенными крышами едва липли. Половина из них имела в середине земляной пол, а где и была деревянная, то хуже земляной. Окна маленькие, заткнутые тряпками и бумагой. Хозяйственные здания, хлева, сарай, конечно, были не лучше. За ними тянулись крестьянские поля, которые издалека напоминали вспаханную редкими бороздами сплошную пашню. В действительности же эти борозды были границами между отдельными крестьянскими участки. Много лет крестьяне делили землю между членами своей семьи, и, наконец, до делились к тому, что хозяйское "поле" имела 1—2 шага ширины.

Бедность села была видна на каждом шагу. Но ведь век был культурный, поэтому местная власть позаботилась, чтобы и эта деревня не отставала от времени. С обеих сторон улицы были выкопаны рвы для воды, а добрый господин Загорский даже дал доски, чтобы крестьяне сделали тротуар. Кроме того,

по сторонам улицы были посажены деревья, и каждый крестьянин: отвечал за целостность их. На всех домах были прибиты белые окрашенные дощечки с номерами и фамилиями хозяев.

Во всей деревне только один Захаров дом выделялась своим видом. Большой хорошо построен дом, с крыльцом, разрисованные ставнями, садом, стоял на холме и словно господствовал над деревней. На этом холме был и громкоговоритель. И тут-же рядом была Захаров магазинчик. Не земля обогатила Захара, а его ловкость. Он был словно представителем от деревни. Местная власть по делам всей деревни обращалась к нему. Торговцы—тоже. Если нужны были рабочие, —тоже обращались к Захару и тот подряжал на работу со "своими" людьми. Он нанимал крестьян, а те свой заработок оставляли в Захаровом магазине, лучше сказать, не в магазине, а в таверне, так важнейшим товаром была водка. Этого Захара крестьяне не любил больше, чем пана Загорского.

Никакого учреждения в деревне не было. По всем делам надо было ехать в соседнюю деревню, где была гмина (волость).

И вот однажды засуеилась вся околица, запрыгали стражники, явился в деревню войт¹⁾, приказал "прибраться", подчистить улицы, детинцы.

К господину Загорскому приехал сам министр внутренних дел и выразил желание ознакомиться с подвластным народом.

На другой день двинулась в Смаляки экспедиция: впереди жандармы, за ними автомобиль, в котором сидели министр и Загорский, за ними второй автомобиль с другими чиновниками.

¹⁾ *Председатель волости.*

У ворот деревни стоял "радостный народ в праздничной одежде" и приветствовал власть.

На площади автомобили остановились. "Представитель крестьян", Захар, выступил "от имени народа" с речью:

— Благодарим светлейшего господина министра за честь. Благодарим за внимание и заботу о пользе народа. Мы все будем помогать власти во всех мероприятиях на благо нашего отечества—Польши.

Министр поблагодарил, сказал, что все заботы власти направлены на пользу народа, отметил, что в их деревне наблюдаются следы культуры— палисадники, тротуары, водосток, —но его удивляет, что и в ней не видно такой простой вещи, без которой не может обойтись ни один культурный человек — как уборные.

— Это же стыд! —закончил он. В наше время, да еще в Польше, такое явление позорно. Ия должен приказать, для вашей же пользы, чтобы через неделю все хозяева построили уборные. Ответственность за исполнение возлагаю на войта.

— Так не из чего построить! —загудели крестьяне. — Досок нет, не за что купить. Даже подправить хаты не можем.

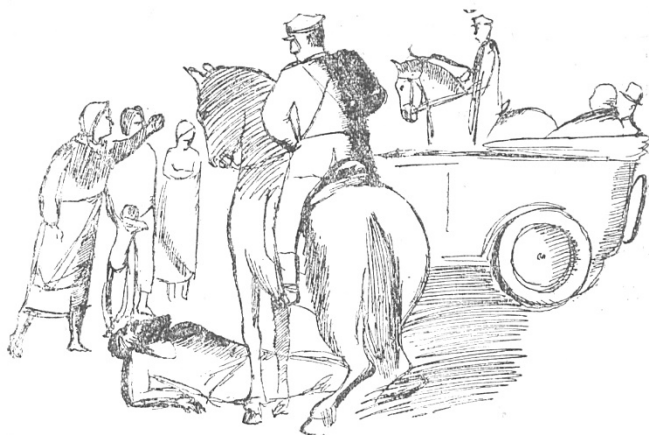
На такую вещь много средств не надо, —ответил министр, —на водку, наверное, хватает. Откажитесь от нее один—другой раз—и будут средства.

Здесь встал пан Загорский и заявил:

— В честь такого дня, в честь господина министра, я даю на это дело доски бесплатно.

Захар, войт, чиновники, даже сам министр приветствовали это заявление аплодисментами.

— Благодарите светлейшего пана Загорского! Большое счастье, что у вас есть такой великодушный протектор! — торжественно сказал министр.

Но тут произошло нечто такое, что испортила всю музыку. Степан, Максимов отец, высокий хмурый мужчина, вдруг выступил и сказал:

— Искренне благодарим, господа, за ласку. Но мы. просили бы еще пана министра позаботиться, чтобы приехал второй министр, который дал бы возможность использовать эти уборные, ведь нам не за чем их посещать ... ¹⁾

На минуту все вокруг стихло ...

Потом послышался сдержанный смех с одной стороны и возмущённый шум с другой.

— Хамы! — крикнул министр, и автомобили двинулись из деревни.

А на Степана набросились стражники, избили плетью и поволокли в гмину, где он просидел с неделю.

Вернулся еще более хмурым, но не жалел, что так поступил. А на селе еще долго хохотали с этого происшествия

...

¹⁾ Вся описанная сцена—исторический факт.

Начинались первые осенние дни, когда ребята сделали свое радио. Дождались темноты, забились в свой угол и начали прислушиваться. Особенно трудно было распределить два наушника на трех человек. Каждый раз один должен был сидеть и страдать, хотя менялись они и часто.

— Ну, ну? — затаив дыхание, спрашивал третий.

— Пока ничего ...

Покрутили ручки.

— Ну, ну?

— Тихо! Есть! ..

— Что, что? Говорите ...

— Тьфу, проклятые! — крикнул Мотэль. — Про матку боску!

— Значит, это Варшава, — с разочарованием сказал Юзик.

— Тихо, тихо! По-немецки заговорили! — заволновался Максимка, который не отнимал телефон от уха.

Это было уже интереснее, хотя и непонятно.

Потом началась какая-то музыка, но откуда неизвестно. Потом то и другое вместе.

Так в первый вечер ничего не добились. Кроме того, и долго сидеть было нельзя, чтобы не заметили.

С нетерпением ждали следующего вечера. Снова слышали обрывки и мешанину из разных передач. Потом кое—что подправили, изменили в аппарате. И вот, наконец, слышали белорусские слова:

"Слушайте, слушайте! Говорит Минск, на волны в 700 метров. Товарищи радиослушатели! Слушайте дальше нашу газету:

ПЕРЕХОД НА ПЯТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

ЦИК рассмотрел и утвердил план перехода части предприятий на пятичасовой рабочий день. До конца текущего года во всем СССР не останется ни одного предприятия с шестичасовым рабочим днем. Если в некоторых случаях, например, в совхозах предстоит работать летом более пяти часов, то лишние часы должны будут отняты от следующих рабочих дней. Но ни в коем случае увеличенный рабочий день не может быть более восьми часов и, кроме того, таких дней у рабочего не может быть более двенадцати в год, при этом ни в коем случае увеличенных рабочих дней не должно быть более трех один за другим.

НОВОЕ ПТИЦЕВОДЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

В колхозе Курычи закончена постройка птицеводческого предприятия. Оно состоит из инкубаторного корпуса, который может давать два миллиона цыплят за раз, корпуса для выращивания цыплят, корпуса для старых кур и холодильники для яиц. Постройка стоила восемнадцать миллионов рублей.

— Курычи! — воскликнул Юзик. — Это же наша деревня, где живет дед!

— Тихо, ты! Не мешай! — накинудись на него товарищи.

ДЕКРЕТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ДЫМА

В настоящее время вопрос об уничтожении дыма настолько разработан и практически подготовлен, что уже есть возможность полностью воплотить его в жизнь. Поэтому Совнарком издал декрет, чтобы в течение года ко всем

дымоходам были приспособлены установки для выделения из дыма угля и окисла углерода, которые тотчас снова возвращаются в печь, а двуокись углерода идет на технические нужды. Таких установок, небольших и дешевых выпущено уже достаточно.

НОВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Через две недели будет пущена в ход ...

—Максимка! Иди домой! —послышался снаружи голос отца.

И ребята вынуждены были прекратить свое слушание ...

Максимка побежал домой, а Юзик с Мотэлем пошли в поместье околицами.

— Курычи—это деревня, откуда папка, —не мог успокоиться Юзик. —Но здесь говорится о каком—то колхозе. Что это такое?

— Не знаю, —ответил Мотэль. —Да и вообще много незнакомых вещей: инкубаторы, Совнаркомы, ЦИКа.

— А работать в день будут только пять часов! Наши родители по двенадцать и более работают. Неужели и пенсия полная?

— Конечно. Иначе никто не захотел бы работать только пять часов. На то есть разные машины.

— А у нашего пана то же разные машины, а работы всё равно много.

—Так у нас не все работают. Папка говорил, что, если бы все люди работали вместе, для себя, тогда всем можно было бы и еще меньше работать.

Вечером, когда отец вернулся домой после четырнадцатичасовой работы, Юзик заметил:

— А в Советской стране работают пять часов в день.

— Да у нас есть люди, которые работают даже меньше,
— сказала мать,

— Нет, там все рабочие работают по пять часов.

— А ты откуда знаешь? — недовольно сказал отец.

— Да слышал ... говорили ...

— Не Антэк ли? — блеснул глазами отец.

— Нет. Я его и не видел.

— Нечего зариться на чужие края, — сказал отец, готовясь к ужину. — Мало ли что могут говорить? Там хорошо, где нас нет. А если познакомишься поближе, то увидишь, что нигде даром хлеба не дают. Вот в Америке, говорят, тоже хорошо, а сколько наших людей убежало оттуда? Народу на земле столько, что всё равно все панамы не будут. Лучше небольшой кусок хлеба, но определенный.

С нетерпением ждал Юзик следующего дня, чтобы послушать дальше интересные вести. Но не так легко было снова найти. Опять пошли разговоры на разных языках, музыка, пение. И хуже всего то, что слышалось все это вместе.

— Словно ярмарка какая—то в воздухе, — говорил Мотэль.

Только дней через пять поймали они еще отрывок

"Советская власть в Китае закрепилось окончательно" ...

А дальше ничего нельзя было разобрать.

Как ни прятались радиослушатели, но соседние парни заметили. И наши товарищи вынуждены были принять в компанию Винцуся, а потом и Тимоха.

Через два дня удалось услышать, что в Сосновицах идут бои между рабочими и войсками, что в Варшаве и Лодзи тотчас начались забастовки, но какие-то ППС помешали.

Вместе с этим и среди рабочих в имении начались какие—то тайные перешептывания и беседы.

А вслед за этим в усадьбу приехало двадцать человек гусаров. На второй день пошли слухи, что Антэк арестован и куда-то увезен.

Прибежал Мотэль, встревоженный, бледнея.

— Сегодня ночью трясли нас, все перевернули. Но ничего такого не нашли. Хотели было арестовать и отца, но почему-то оставили. Наверное, потому, что избили плетью. Теперь придется сидеть тихо-тихо, так как они следят.

Как же жалел Юзик, что арестовали Антэка! Юзик постоянно собирался поговорить с ним побольше, серьезно; сказать, что они уже многое знают, признаться, что слушали Минск. Он надеялся, что Антэк объяснить все то, что им было непонятно, а может даже даст какое поручение ...

И вот не успел! Да самого Антэка жаль— такой хороший был парень.

— Давно этого следовало ожидать, — сказал отец, услышав об аресте Антэка. — Сам виноват. Нечего было соваться, куда не надо.

Две недели стояли солдаты. В это время и парни не собирались возле своего радио.

Тем временем начались занятия в школе. Ксендз гремел:

— Берегите, дети, ваши души. Нечестивые—коммунисты хотят погубить и отчизну, и всех добрых христиан. Отрава их протекает везде. Наблюдайте за всеми врагами, помогайте вскрывать их.

Учитель сказал, что Польша самая большая и счастливая страна, что в ней всем людям живется хорошо, что в ней лучшие порядки и что вся прежняя история ее свидетельствует об этом.

Если раньше все эти разговоры иногда интересовали Юзика, потом тошнило, то теперь уже Юзик чувствовал какую-то злобу и едва удерживался, чтобы не сказать, чего-нибудь против. Но он был в четвертой классе, учился

последний год и утешал себя, что недолго уже осталось слушать эти приевшиеся поучения.

А что дальше?

В пятнадцать лет Юзик мог размышлять об этом более серьезно, но придумать ничего не мог. Он чувствовал, что вокруг что—то делается, что есть люди как Антэк, которые делают что—то определенное, большое, полезное для всех трудящихся. Но что? Как?

Даже, если добиваться такого же положения как в Советском Союзе, так и то Юзик не мог себе представить, какое там положение. Одно только он знал—там творится что-то интересное и необычайное.

Эх, если-бы попасть к деду!

7. РАЗГРОМ РАДИОСТАНЦИИ

Однажды жители деревни увидели у себя молодого польского офицера. В блестящем военном мундире, с сигарой в зубах, заломив конфедератку¹⁾, шел он по улице и хлопал по голенищам стэкам²⁾.

— Взгляните: Чесь, Захаров сын! — удивлялись люди.

— Ишь, каким паном стал!

— На эти деньги везде будешь паном.

Сейчас и не подходи к нему.

Но один прежний товарищ Чеся, Коля, подошел.

— Здорово, Чесь!

— Добрый день! — ответил тот добродушно, но руки не подал.

— В гости приехал?

— Надо посетить дом.

¹⁾ *Четырехугольной шапка.*

²⁾ *обшитые кожей прут.*

— Надолго ли? Может, опять будем рыбу ловить как когда? — льстиво сказал Николай.

— Вряд ли.

— Куда идешь?

— Да надо посетить господина Загорского, — безразличным тоном ответил Чесь. Обижаться будут: два дня как; приехал, и не был еще у него.

— О! ...— Произнес Николай ни то с ужасом, ни то с необычным почтением.

А Чесь пошел дальше.

И сразу же по всей деревне загудели, что Чесь пошел в гости к самому пану ...

Пан Загорский сидел в своем кабинете за стаканом кофе и пересматривал газету. Иногда звонил телефон.

— Варшава? Алё, я. А кто говорит? Пан Пржэсмьцки? Бардзо пшыемне. Да ... да ... очень рад. Благодарю пана за беспокойство. Довидзэня.

Вошел лакей.

— Там к пану офицер пришел.

— Какой?

— Господин Купрейчик.

— Купрейчик? Не знаю такого.

— Захара из деревни сын.

— А ... Что ему нужно?

— Просто говорит, что вас хочет видеть.

— Ну, пусть идет.

Чесь остановился перед дверью, поправил свои ремни, воротник, кашлянул и переступил порог.

Прежде всего ему бросился в глаза огромный портрет Пилсудского, потом ряд королей. Огромные шкафы с книгами, письменный стол и за ним пан Загорский, важный, бритый мужчина. Как передовой и деловой человек, он даже брил официальные барские усы.

Чесь ударил сапогом о сапог и чуть не поскользнулся на блестящем паркете.

— Мои приветствия пану! — промолвил он, быстро склонив голову.

— Проша, — сказал пан Загорский, неохотно поднимаясь с кресла. — Садитесь.

— Оказавшись в этих краях, посчитал необходимым засвидетельствовать почтение господину, — говорил Чесь, усаживаясь в кресло.

— Благодарю пан. Надолго к нам?

— На неделе две.

Помолчали.

— Где пан служит? — справился Загорский.

— В семнадцатом полку.

— Да ... да ..., — произнес господин Загорский, не зная, что дальше делать с своим гостем.

Чесь то—же чувствовал себя как-то неловко.

— Где ваш полк стоит? — наконец спросил хозяин.

— В Сосновицах.

— Может, пан принимал участие в последних событиях?

— А как же, — оживился Чесь. — Много положили мы этих забастовщиков.

Оживился и пан Загорский.

— Хорошая вещь! Хорошая вещь! — сказал он, потирая руки. — А то, знаете, за последнее время они слишком осмелели.

— Да. Каждый месяц идут стычки в разных городах. Но мы с ними справимся. Плакали московские деньги.

— Хо-хо-хо! — затрясся животом пан Загорский и даже похлопал Чесю по колене. — Хорошо сказано! Хо-хо-хо!

В этот момент в кабинет вошла красивая барышня, дочь господина Загорского. Увидев гостя, она остановилась у порога. Чесь встал и еще раз хлопнул сапогами.

— Знакомьтесь, — сказал, Загорский, — моя дочь... Панна Мальвина. Пан ... пан ...

— Купрейчик, — падсказал Чесь.

Он взял паненкину руку и осторожно дотронулся к ней губами.

— Проша в гостиную, — предложил Загорский.

Они вошли в богатый комнату. Огромные окна, бархатная мебель, картины в золотых оправках, ковры, пальмы, художественные столики из разноцветного мрамора, статуэтки и много разных дорогих вещей, все это так поразило Чесь, что он едва не лишился всей своей смелости.

Панна Мальвина тотчас засыпала Чесь вопросами, давно ли он из Варшавы? Который там теперь театр? Видел ли он Ягодека в роли Отелло? и др. и пр.

В кабинете позвонил телефон. Пан Загорский попросил извинения и пошел к себе.

Чесью очень трудно было отвечать на вопросы панны Мальвины, так как он редко и мало был в Варшаве, да и во всех этих делах мало что понимал.

Барышня начала терять интерес.

— К кому вы приехали? — спросила она наконец.

— Да ... родители ... — нерешительно произнес он.

— А где ваш отец?

— Здесь ... в деревне ...

— Кем?

— Э ... э ... гмм ... кре ... крестьянин ...

— А—а! ... — продолжила барышня и перевела взгляд куда—то в угол.

С минуту никто ничего не говорил. Барышня перебирала пальцами по столику. Чесь ковырял сапоги своей саблей.

— Извините, я на минуту к папе, — вскочила девица и побежала в кабинет.

— Папа! — кинулась она к отцу. — Что же это ты наделал? Принял в дом хама, да еще познакомил его со мной. Посмотрел бы хоть на его руки. Неужели мы до того дожили, что вынуждены дружить с холопами?

— Да он же офицер польской армии, — оправдывался отец, — он же воевал за нас с бунтовщиками.

— Ради этого он служит и деньги получает! — крикнула дочка. — Неужели с каждым, кто служит, я должна знакомиться? Этак со всеми служащими холопами придется дружить. Или Загорским недостает соответствующих знакомств?

— Да никто не собирается вести с ним знакомство. Он зашел случайно. Неужели было гнать его, офицера польской армии?

— Ну, так возись с ним сам! — топнула ногой панна Мальвина и вышла через другую дверь.

Пан Загорский почесал затылок. Он сам видел, что дал маху.

Официальную беседу, которая ни к чему не обязывала, он, конечно, мог вести. Но зачем было знакомить с семьей? Этот хлоп может взять себе в голову, что им ровный и захочет продолжить знакомство. Может даже сунуться и тогда, когда здесь будут настоящие гости. А случилось все это потому, что пану Загорскому понравились слова этого человека: "Плакали московские деньги".

Пан Загорский в плохом настроении вышел к Чесю. Тот сидел, весь красный и ругал себя за то, что так легко и быстро признался в происхождении.

— Извините, — начал пан Загорский с добродушной усмешкой. — У панны Мальвины разболелась голова. Придется уже мне заменить ее, если пана удовлетворить такое замещение.

— Не волнуйтесь, сударь, — сказа Чесь. — Я только на минуту, по дороге. А занимать ваше время я ни в коем случае не имею права. Я же сам вижу вашу работу, сам слышу непрерывный телефон.

— Увы, — вздохнул довольный пан Загорский. — Работать приходится за всех. Даже с добрыми друзьями поболтать нет времени.

Чесь встал и простился. Пан Загорский проводил его до самого крыльца.

Хмурый возвращался Чесь домой. Стеганул своим стеклом свинью, которая попалась па дороге. А когда тот же Николай опять встретил его на улице и обратился, то Чесь только буркнул— "отстань", — и пошел дальше.

— Вот что значит познакомиться с самим господином! — промолвил Николай, глядя вслед своему бывшему товарищу.

Уродливым показался Чесю и свой дом, и бородатый пузатый отец, и простая баба—мать, и испачканная сестрица. Он не мог им простить того, что они— простые мужики, что ему приходится краснеть за них.

А в результате всего этого настроения в нем закрепилась мысль достичь, заслужить состояния, чтобы господа ценили его, несмотря на его происхождение, чтобы быть с ними, как равный с равным ...

Жизнь в имении давно уже вошло в свою колею. Снова казалось, что везде тихо и спокойно. Ребята опять стали возиться со своим радио.

Сидят в темноте, прислушиваются.

Вот слышат однажды разговор. Ближе и ближе ...

— Кажется сюда? — прошептал Тимофей.

Шаги остановились у дверей. Раздался шепот.

"Не, сюда ли!" — мелькнула мысль у каждого из ребят. Мурашки побежали по спине.

Вот скрипнула дверь.

Блеснул электрический фонарик.

И ребята увидели ... Чеся и войта!

— Вы что здесь делаете? — крикнул войт.

Ребята—кто куда.

— Ах, вы, бездельники! — снова крикнул войт и толкнул кулаком Максимку так, что тот полетел на землю.

А Юзик почувствовал, что ему обожгло лицо ... вскрикнул! оглянулся: стоит перед ним, улыбаясь, Чесь и снова замахивается своим стеклом.

— У-у гад! — вскрикнул Юзик и побежал к дверям.

Мигом исчезли ребята, а победители беспрепятственно завладели "радиостанцией" ...

Мотэль и Юзик неслись во весь дух; им казалось, что за ними гонится целый отряд врагов. Приостановились только тогда, когда убедились, что никакой опасности нет.

— Почему явился этот Хлюст? — удивлялся Юзик. — Разве это его касается? Даже Максимкову отцу не сообщили.

— Наверное, ни с кем не хотели делить честь великой победы, — сердито сказал Мотэль. — Наверно надеются на большую благодарность.

— Что же теперь будет? — с ужасом думали ребята.

А дело вышло достаточно серьёзное. Даже с формальной стороны было преступление: "станция" была тайная, без разрешения, незарегистрированная.

Но куда важнее были все другие обстоятельства, которые можно было связать с этим делом. Станция была в здании Степана, того самого Степана, который тогда оскорбил министра. Кроме того, ходили слухи и о его старшем сыне, который куда-то пропал ... Наверное, здесь замешан и сам Степан, а дети только прикрытие.

Да еще тут оказался и еврей Мотэль, отец которого еще более подозрительный, чем Степан. Наверное, отец и управляет этим делом.

Юзиков отец казался надежным человеком, но, по—видимому, притворялся. Вторые два парня тоже, наверняка, что—то знают.

И на второй день арестовали пять детей и пять родителей, отвезли в уездный город в тюрьму и посадили в камеры по отдельности.

8.СЛЕДСТВИЕ

"В имении пана Загорского вскрыто коммунистическая организация, которая даже имела свою нелегальную, хорошо оснащенную, радиостанцию. Чтобы отвести глаза делу был присвоен характер детской забавы. Но за детьми стояли такие личности, как Самуил Ригер и Степан Сапрончык. За первым давно уже следит полиция, а другой проявил себя в бунтарском выступлении во времени приезда министра внутренних дел. Кроме того, старший сын его пошел в бандиты. Принимал участие и работник пана Загорского, Михал Кухаренак, который, когда—то перешел от большевиков, но постоянно поддерживал с ними связь. Все это определяет те события, которые за последнее время происходили в имении пана Загорского. Перед этим были арестованы еще один работник и кузнец. Организация вскрыта, благодаря поручику 17 полка, пану Чеславу Купрэйчыку, который приезжал в отпуск к своему отцу, уважаемому гражданину деревни Смоляк".

Такое сообщение могла прочитать польская общественность в газете "Курьер Поранны".

В этом направлении шло и следствия. Прежде всего взялись за детей.

Ребят приводили по очереди и задавали вопросы:

—Кто сделал вам радио? Кто дал деньги? Что делали здесь родители? Где другие детали от радио? Откуда родители доставали прокламации? С кем они встречались? Где старший

сын Стефана? Приходил ли к вашему отцу кузнец, Антэк? и т.д..

Скоро выяснилось, что Тимофей и Винцусь не только ничего не знают в этом деле, но совершенно не понимают, о чем идет речь. Они только ревели, дрожали и повторяли:

— Ей-богу, больше не буду, сударь.

Так их и выпустили.

А через некоторое время выпустили и их родителей. Немного больше возились с Юзиковым отцом. Но что с него взять? Он так искренне клялся, что даже жандармы готовы были поверить. А после того как дали свой отзыв эконо и другие служащие имении, даже сам пан Загорский, — его сразу же выпустили.

Но сына пока что задержали. Этот мальчишка имел очень тесную связь с преступным элементом и наверняка что—то знает.

Про радиостанцию " " больше уже не спрашивали. С первых же шагов следователи убедились, что это была за станция. Первые ответы Мотэля, Юзика и Максимка полностью подтвердились. И Атрахим и еще несколько человек подтвердили, что ребята ходили на заработки. А это в свою очередь указывала, что родители действительно могли не знать об этом деле. Экспертиза "аппаратуры» так или иначе должна была признать, что "радиостанция" не могла наладить "связь с соседними государствами". Не могла не показать экспертиза и того, что все устройство очень напоминает детскую игрушку, хотя кое-как слушать на ней и можно.

Но оставался другая сторона дела: не скрывается ли за знакомством детей знакомство родителей и какой—нибудь след организации? Неслучайно же участвуют дети таких опасных лиц, как Самуил Ригер и Степан Сапрончк!

— Слушай, парень! —обратился К Юзику следователь, молодой человек с длинным конским лицом. —Твой отец

пожондны человек, и мы его выпустили. А ты просидишь всю свою жизнь, если не будешь говорить правду.

— Я говорю все, как было, — промолвил Юзик.

— Ну, а куда ты дел те прокламации, которые тебе давал Мотэль?

— Я ... ки ... я ... прокламации? Повторил Юзик удивленно, а у самого, как молнии, замелькали в голове мысли: "Неужели знает уже о прокламациях? Откуда? И почему он говорит о множестве прокламаций, да еще якобы их давал ему Мотэль?"

Следователь тем временем говорил:

— Или ты забыл? Те, что тебе Мотэль давал.

— Никаких он прокламаций мне не давал! — Уверенно ответил Юзик. Следователь весела засмеялся.

— А почему же он сам признался?

В Юзика закружилась голова. Как-же это так? Может, следователь перепутал? Может, он имеет в виду ту прокламацию, которую они нашли, и ту, что Максимка принес? Нужно объяснить ...

— Только ты один такой упрямый, — добавил следователь, — а остальные ребята все рассказали.

Приготовился было уже и Юзик объяснить, в чем дело, что Мотэль не давал, а были найдены в разное время две прокламации. Но придется тогда и Максимку вmeshать ...

Вдруг "блеснула мысль:", наверное, он врет!

Поймать хочет. Не может быть, чтобы Мотэль это говорил! Не такой он! "И тогда уже пожав плечами ответил:

— Ничего не понимаю. Не понимаю, как мог он говорить то, чего не было. Пусть мне в глаза скажет.

Следователь взглянул на жандарма.

Тот подошел к Юзика, взял на голове его тонкую прядь волос и накрутил на карандаш.

— Может теперь вспомнишь? — сказал он, потянув за волосы.

— Ай! — вскрикнул Юзик.

Тот тащил все сильнее и сильнее.

— Ну, говори!

— Ай-ай! Ничего не знаю! О-о! ...— и зашелся слезами.

Жандарм со злости дернул последний раз и вырвал волосы ...

Юзика отвели назад, а на его место привели Мотэля.

— Откуда брал прокламации, что передавал Максимка на деревню? — сразу обратился к нему следователь.

— Никаких прокламаций я не видел и не передавал! — твердо ответил Мотэль.

— Зря ты отрекаешься, паршивый щенок! — засипел следователь. — Нам уже все известно. Сам Максимка признался.

— Как же он мог признаться в том, чего не было. — спокойно ответил Мотэль.

— Значит, по—твоему, мы врем? Да? — аж поднялся с места следователь, — Сразу видно, что за птица, хоть и мал. Но напрасно—признаешься! Ну, а часто ходил к вам Степан Сапрончык, Максимов отец?

— Я не видел ни разу.

— Это отец научил тебя так отвечать?

— Я говорю то, что знаю.

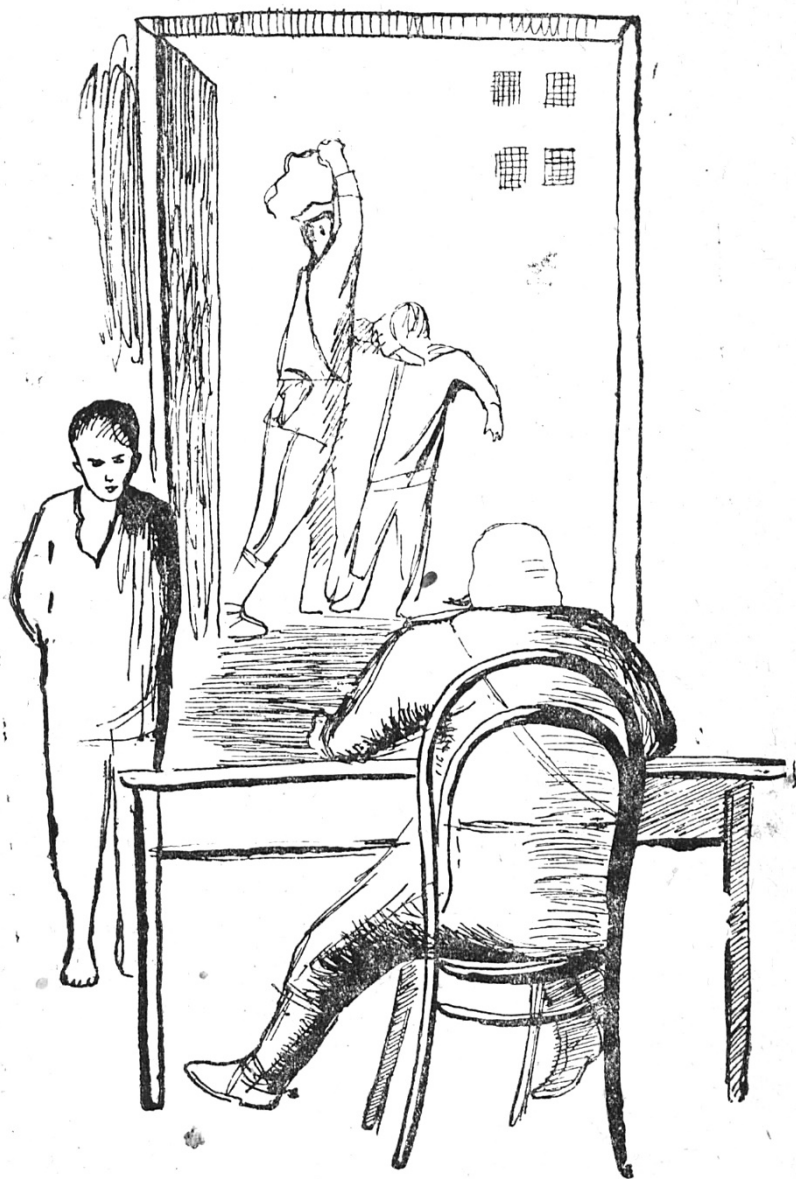
— А тот работник, Антэк Барковский часто у вас бывал?

— Встречались с ним также, как и с другими работниками, — спокойно отвечал Мотэль.

— А отец твой ходил к Сапрончыку.

— Не знаю. Кажется, они были незнакомы.

— Но ведь ты отвечаешь, как настоящий преступник! — сердито усмехнулся следователь.

Надо отметить, что такие, ответы— "нет" и "нет" —точно напоминали ответы искушенных людей.

Но мы знаем, что все это была правда (кроме общения с Антэком). Правда было даже то, што Мотэлев отец был незнаком со Стефаном Сапрончыкам ...

— Ну, а если мы познакомим тебя вот с этим, — ты также будешь отвечать? —и Следователь указал на плеть с несколькими концами, который висел на стене.

Мотэль вздрогнул, побледнел.

— Ну, что же мне говорить больше, когда я сказал все, что знаю? —прошептал он.

— Ну, так вот! —крикнула следователь. —Последний раз спрашиваю: какие поручения давал тебе отец в деревне, кому ты давал прокламации?

— Ничего такого не было, —опустивши голову, ответил Мотэль.

— Ага!

Жандарм взял кнут, подошел к Мотэлю. Тот с ужасом бросился в сторону. Жандарм схватил его за шею и начал ...

Сначала Мотэль хотел сохранить свою честь и молчал. Но с каждым взмахом кнута он вскрикивал все сильнее и сильнее ... Потом начал кричать благим матом ... Потом уже и голоса не хватило ...

Назад его отнесли на руках ...

Дошла очередь до Максимки. Он, как и все другие арестованные, слышал крики и стоны своих товарищей и готовился к страданию.

Опять началась такая же история.

— Ну, так кому ты раздал прокламации, что получил от Мотэля? —спрашивал следователь.

— Не было ничего такого.

— Поздно уже отречься: Мотэль сам признался.

— Не знаю.

— А может также не знаешь, где твой старший брат и что он делает?

— Не знаю.

— А часто приходил к вам Мотэлев отец?

— Никогда.

— Ты в этом уверен?

— Никогда не видел.

— Ах ты, щенок! — стукнул по столу кулаком следователь. — Как ты смеешь лгать, когда мы уже все знаем?

— А я не знаю.

— Помоги ему вспомнить! — обратился в ярости следователь к жандарму.

Тот степенно подошел и ударил Максимку по плечах плетью. Раз, другой ... Максимка сжал зубы и молчал ...

— Скажешь? — переспрашивал следователь.

Максимка молчал.

Снова свистнул кнут ...

Максимка со сдержанным криком упал на пол.

— Скажешь?

... Через несколько минут бесчувственного мальчика вынесли из комнаты.

А затем взялись за родителей ... Только не так, а в тысячу раз хуже.

Когда началось все это "дело", представители власти надеялись найти организацию, сношение с советами, склады нелегальной литературы, одним словом, то, что было напечатано в газете. Надеялись выпытать от ребят что-нибудь такое, за что можно было бы зацепиться и добраться до старших.

За все это надеялись получить честь и награду.

Можно себе представить, как они свирепствовали, когда, кроме самодельного детского аппарата, не было за что

ухватиться. А за этот аппарат, ну, скажем, можно оштрафовать хозяина на несколько злотых—и все.

А меж тем вокруг, вот тут, возможно, существуют преступники, которые подстрекают холопов и батраки против господ. И, наверное, этот Самуил Ригер и Степан Сапрончик принимают в этом участие.

Как же после этого не "нажать"? Это же стыд будет, если с такого объявления в газетах ничего не выйдет!

И "нажали" ...

Но всему бывает конец. Закончились и страдания наших заключенных. Из них всех только Мотэлев отец знал то, чего добивались жандармы. Но он выдержал страдания и ничего не сказал. Ребята, хотя ничего определенного не знали, но могли бы сильно навредить, если-бы сказали те обрывки, которые им были известны. Однако и они героически выдержали страдания. А Максимков отец отстрадал за старшего сына, о котором знал только те же слухи, что и Максимка. Зато теперь, он был бы даже доволен, чтобы узнал, что Иосиф действительно ушел в партизаны: по крайней мере будет кому отомстить этим проклятым панам.

Как-бы там ни было, но судебное дело начать было невозможно, и через некоторое время все арестованные были выпущены.

— Вот до чего доигрался! —с укором встретил Юзика отец. —Мы для тебя старались, а ты в такие годы успел и сам попасть в тюрьму и отца родного посадить. И что с тебя будет дальше? Хорошо еще, что господин пощадил и не прогнал нас.

Юзик чувствовал себя очень плохо: и отца жалко было. И сам никакой вины не чувствовал, да еще и настрадался, и товарищей жаль. Теперь он впервые почувствовал, что есть. "Они", все те, что имеют силу и власть и заботятся лишь о том, чтобы других людей держать в покорности. Юзик чувствовал

ненависть к "ним" всем, даже к пану Загорскому, который ничего плохого им не сделал и которого так хвалит отец.

А на другой день пришел к нему Мотэль. Это был уже не тот веселый, живой мальчик, которого знал Юзик, это был уже хмурый серьезный пацан.

— Ну, прощаемся, братец! — сказал он— Наверное, никогда больше не увидимся.

— А что?

— Отца уволили и предложили сразу же выехать.

— Куда?

— Не знаю.

— Кто бы мог подумать, что из нашего радио выйдет такая история. —грустно сказал Юзик.

— Э! —махнул рукой Мотэль. —Радио тут ни при чем. Не тот, так другая повод всегда нашлась бы. Все равно им нужно подавить нас, особенно, когда мы посмели показать, что и мы люди.

Друзья искренне поцеловались.

— Напиши мне, где и что будет с тобой, —попросил Юзик.

— Обязательно напишу. Ну, прощай.

Словно какая-то нить порвалась, словно имение опустел, когда Мотэль скрылся с глаз Юзика. Несколько лет интересной детской жизни отошло вместе с ним куда-то далеко. Впереди было что-то новое, неизвестное ...

Максимка больше в школу не ходил. Он остался с отцом, который еще больше помрачнел, еще глубже спрятал свою обиду и злость.

Юзик теперь уже редко встречался с Максимкой. Юзик продолжал свое обучение, но оно для него было мукой. В школе он был словно чужой. Не было в ней других таких друзей, как Мотэль и Максимка. К тому же учитель и священник часто укоряют Юзика его поступком. А Юзик

ничего плохого в своем «действия» не видит. Этот последний год для него показался более длинным чем три предыдущих года.

Месяца через три Юзик получил от Мотэля письмо:

"Дорогой товарищ!

Только теперь я собрался написать тебе письмо. До сих пор не было возможности. Все кочевали с места на место в поисках работы. Потеряли все, что имели. Сейчас попали в Вильнюс. Отец работает в шорной мастерской. Я так же работаю с отцом, но бесплатно. Хозяин только потому и согласился принять отца на работу, чтобы еще и я работал, бесплатно, да еще упрекает, что я зря учусь. А учить меня не он, а папа. Очень трудно работать. Часов по двенадцать—четырнадцать сидим. Живем в каком—то подвале...тесном, темном, влажном. Но папа не скучает. Он познакомился с хорошими товарищами—рабочими, часто беседуют, спорят, куда—то ходят. Жизнь здесь более кипучая и интересное. Папа словно не видит нашей бедности. Я уже значительно больше знаю, чем раньше. Жаль, что нельзя тебе обо всем написать. Могу только сказать, что жизнь вовсе не такая, как казалась нам в поместье. Кланяйся Максимке и другим нашим союзникам".

Хотя с письма видно было, что Мотэлю там хуже живется, чем было здесь, но Юзик почувствовал словно зависть. Мотэль по крайней мере больше видит и знает, что делается в мире, а тут вроде всё спит. После того как исчез Антэк, как выехал Мотэль и откололся Максимка, Юзик совсем потерял связь с "тайными" делами и готов был подумать, что все это было случайным происшествием, что везде так спокойно и скучно, как здесь.

Наконец пришла весна, закончились занятия, началось лето. Юзик ожил, все время бродил по окрестностям, даже охотно пас барскую скотину. А больше всего пользовался

возможностью чаще встречаться с Максимкой, хотя отец ворчал, что "снова выдумают какое—нибудь лихо".

Важнейшим вопросом в Юзиковой семье, был вопрос о дальнейшей судьбе Юзика, но судьба это сама решилась.

9. ГОСТИ С НЕБА

Однажды под вечер, по имению пошли слухи, что в поле, у дороги, спустился пассажирский самолет, из тех, что летели в Советский Союз. В самолете что-то испортилась, и он вынужден был спуститься.

Разумеется, все побежали посмотреть на непредвиденных, необычных гостей. А впереди всех— Юзик.

У дороги стоял большой самолет с двумя моторами и красными звездами на крыльях. К нему бежали со всех сторон местные жители, но раньше их примчалось на мотоциклетах, автомобилях и на лошадях все окрестное начальство, полиция, жандармы. Все они мигом окружили самолет и отделили от него публику.

В середине круга остались только пассажиры и команда самолета. Пассажиров было человек пятнадцать. По виду большинство из них были чужеземцы—немцы, англичане, французы. Они кружками стояли вокруг самолета и горячо, взволнованно, о чем-то беседовали. Пилот и механики суетились вокруг мотора, механизмов.

Так прошло с полчаса. За это время приехал еще один польский начальник, видимо, какой-то генерал. Пассажиры окружили его, началась резкий разговор, споры. Пассажиры что-то доказывали, генерал кивал головой, потом что-то приказал своим—и на дорогу вылетел мотоциклист.

Пассажиры успокоились и начали чего-то ждать. Некоторые уселись на траву. Только механики с пилотом возились с машиной.

Охране тоже хватало работы. Народу собиралось все больше и больше, каждый тиснулся вперед.

— Не налезать! Расходитесь! — кричали жандармы, направляя на людей своих коней; но каждому хотелось взглянуть на самолет и на гостей.

— Пся крэв! Я же тебе говорил! — раздался мощный голос, потом свист кнута, всплеск—и женский плач.

Генерал в это время разговаривал с каким—то важным англичанам в пестром пальто с ремнями и сумками через плечо. Англичанин удивленно посмотрел в ту сторону, где раздался плач.

Но генерал повернулся еще быстрее. Его глаза, губы и все лицо, сжатые кулаки—проявляли такую злобу, что даже Юзик испугался.

— Кто позволил себе такой поступок? — прогремел он.

— Да вот эта баба, проше пана! — сунулся войт услужливо.

Генерал покраснел, позеленел ...

— Дурак! — буркнул он так, чтобы не слышали чужеземцы, а потом добавил громче: — Я спрашиваю, кто это позволил себе драться?

— Извините ... Эта баба ... — начал было виновато жандарм.

— Сейчас же на неделю на гауптвахту. Марш! — Крикнул он, и старательного жандарма повели на отсидку.

Народ словно окаменел от такого чрезвычайно происшествия. Никогда они не слышали, чтобы жандармов за это наказывали!

И среди тишины из толпы послышался сдержанный голос:

— Эх, если бы чаще прилетали чужеземцы! Может, тогда чаще воздерживались бы жандармы.

— А ты думаешь, его действительно накажут? —
Отозвался второй голос. —отведут немного и отпустят, даже похвалят. Все это для глаз Европы делается ...

Генерал вздрогнул, но не подал виду, что слышал. А прислужники его смотрели яростными глазами, но тоже вынуждены были молчать. Выказали злобу только тем, что больше расширили круг, но уже "нежным способом".

Вот уже солнце скрылось за лесом. Зрители начали расходиться. На шоссе показались два автомобиля. Подъехали, остановились. В них начали размещаться пассажиры. Сел и генерал в свой автомобиль и важнейшие чиновники, приготовились к отъезду мотоциклисты. Около самолета остались пилот с помощником и два механики.

В самый последний момент пилот подбежал к генеральскому автомобилю, что—то начал говорить и после этого к пассажирам присоединился один механик.

Автомобили тронулись и исчезли в пыли.

Около самолета остались три человека из команды и вокруг них человек двенадцать полицейских и жандармов. Совсем мало осталось и зрителей.

Среди них Юзик увидел и Максимку.

— Интересно посмотреть, что будет дальше, —сказал Юзик. —Куда они поехали, и что эти будут делать?

Максимка уже знал из разговоров, в чем дело.

— Пассажиры—сказал он—поехали на станцию и оттуда поедут по железной дороге. Ехать недалеко. А механик поехал за новой частью для машины. Эти будут ждать его, а потом починят и улетят. Подождем и посмотрим, как они полетят.

Совсем стемнело. Публики осталось совсем мало, в основном молодежь и дети. Жандармы все более решительно наседали на них.

— Чего вам? Насмотрелись. Хватит! Пора расходится!

Но тем очень не хотелось идти. Они отошли подальше и смотрели издали.

Время шло, а изменений никаких не было. Команда спряталась в своей каюте, охрана расположилась вокруг. Вот уже и все зрители разошлись; остались только Юзик и Максимка.

— Пойдем, что ли? — промолвил Максимка. — Может так вся ночь пройдет?

— Еще немного подождем.

Шагах в пятнадцати—двадцати от самолетаросло несколько кустов. За ними и скрылись ребята. Ночь была теплая, но очень темная. В этой темноте неясно определялись смутные очертания огромной сказочной птицы. Ребята смотрели на нее, и им припоминались различные фантастические байки, что приходилось им слышать.

Жандармы принесли с имения дров и развели костер. Заблестели металлические части самолета, но зато те части, к которым не доходило свет, еще более скрылись в темноте.

Двери кабины—вагона остались открытыми. Черная дыра влекла к себе ...

— Слушай! —дрожащим голосом прошептал Юзик.

—Я попробую подползти и пробраться в эти двери.

— Куда ты? Следят! ..

— Можем улучшить удобный момент. Команда в своем помещении, а вагон пуст.

Сердце забилося сильнее у парней. Рискованно, но возможно ... Особенно, когда разожгли костер. Большинство стражи сидела у огня и только время—от—времени обходила вокруг самолета. Некоторые даже начали дремать!

Ребята стали дрожать, словно от холода ... Сон отлетел совсем. Возвращаться домой уже не думали. Удастся или нет, но теперь уже сидеть и ждать есть смысл.

— Если что, прошептал Максимка, — Так я в тот момент покажусь с противоположной стороны и обращаю их внимание на себя.

— Драться будут.

— Ради такого случая стоит и потерпеть. Привыкли.

И парням вспомнился допрос ...

Юзику захотелось обнять и поцеловать Максимку. Но для "мужчин" это было неприлично.

Для обоих ребят было понятно, что попытку улететь должен сделать Юзик, а не Максимка. Ведь Юзик хочет увидеть своего деда и давно "собирается" туда, а Максимка чего?

В течение нескольких часов ребята были в напряженном состоянии. Несколько раз наступал момент, когда, казалось, можно уже попробовать, но каждый раз то одно, то другое мешало.

А тем временем приближался конец ночи. Было уже часа два после полуночи. Вот по шоссе затарахтел автомобиль. И охрана, и ребята вздрогнули.

— Ближе, ближе ... Останавливается ... Значит, сюда.

Услышала и команда, вылезла из каюты.

Внимание всех было сосредоточено на приезжих ...

Момент настал! ..

— Валяй! — шепнул Максимка.

Юзик выполз из куста.

Но не успел продвинуться и на пару шагов, как услышал крик: — Кто здесь? Куда?

Юзик вскочил и бросился назад за куст. А в этот самый момент сорвался с места Максимка и побежал на глазах у всех мимо костра.

Жандарм, что заметил Юзика, бросился за Максимкой. Прочие же люди, конечно, не могла не посмотреть туда.

Мало нашлось бы людей, которые бы могли подумать, что это побегал второй парень ...

Юзик сообразил, в чем дело, и снова ринулся вперед, уже не обращая внимания, видят ли его или нет.

Через минуту он лежал в кабине под лавкой и с ужасом ждал, что будет дальше. Никакого особого переполоха снаружи не было. Что же тут удивительного, если сунулся деревенский мальчишка, наверное, пастушок, что пас коней?

Прошла минута—другая, и Юзик убедился, что на этот раз его не заметили. А что дальше будет— другая вещь. Только вот сердце и виски так стучат, что люди могут снаружи услышать. Юзик даже сжал руками грудь, чтобы удержать этот стук.

Затем в течение двух часов слышался ремонт, стук молотков. Потом ужасно загрохотал и затрясся весь самолет. Опять притих: видимо, испытывали. Потом затрещал автомобиль, и самолет зашевелился и пополз по земле, медленно неуклюже: это тащили его на шассе, откуда подняться легче.

Вот послышались голоса у дверей. Свет идет оттуда, по—видимому, уже рассвело. Дверь стукнула. ... Юзик затаил дыхание ...

Ничего! Дверь закрыли—и больше ничего.

Слышно, как команда садится в свою кабину.

— Запускай!

Снова загрохотал и затрясся самолет. Слышно, как поехал по шоссе. Быстрее, быстрее ... Вместо грохота мотора слышен один только сплошной гул. Самолет подсакивает, легче, легче ... Наконец чувствуется, что он не прикасается к земле ...

... А на шоссе стоял Максимка и пристально следил за каждым движением самолета. Все выше и выше поднимается он, все меньшим и меньшим делается. Не верится, что эта

маленькая красивая птица и есть та самая огромная неуклюжая махина, что стояла на поле.

Остатки тумана поднимаются с земли, цепляются за самолет, разрываются на куски. Вот загорелись, засветились они и начали таять под острыми лучами солнца. Заблестел и самолет, но солнце еще не видно. Только зарево и золотые стрелы над лесом определяют место, где находится оно. Наконец, зажглись верхушки деревьев, —и оттуда появилось солнце, огромное, растопленное.

И навстречу ему радостно полетела стальная птица ...

Максимка повернулся и тихонько пошел обратно. С этой стороны небосклон был еще темный; чем ближе к земле, тем чернее было небо. Туман недовольно шевелился, словно потревоженный зверь в своем логове. Видимо, ему очень не хотелось покидать деревню, которую он охватил. Но мощный благотворный свет неуклонно вытеснял его оттуда.

Только панский дворец, казалось, задорной высовывался вверх, словно говоря: «а ну, попробуй!"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ЭМИГРАНТ

Как же хотелось Юзику посмотреть в окно, что там делается внизу! Он даже представить себе не мог, какой выглядит земля, лес, деревни, река с высоты.

Прошло несколько минут. Моторы гудели так, что никакого другого звука не слышали бы, даже если-бы Юзик петь и прыгать начал. К тому же он был один на весь вагон.

Понемногу привык, успокоился и высунул из-под скамьи нос, потом всю голову. Никакой опасности нет!

Наконец, вылез, жадно прильнул к окну и забыл обо всем на свете.

Внизу проплывали разноцветные поля, словно сшитое из кусков одеяло. Чернели деревни, словно насыпаны кучки земли. Леса казались темной шерстью. Вот большая зеленая лощина, заливные луга; серебряной нитью вьется по ней ручей, накручивает петли; на холме белеет имение; кажется, его как игрушку, можно было бы поместить на ладони.

Людей не было видно. А может те две точки, что двигаются у реки и есть люди? А может животное? Кто его здесь разберет. А вон сбоку железная дорога, и по ней ползет маленький червячок. Дым идет из головы. Неужели это грозный мощный поезд?

И все пространство беспрерывно мелькает, шевелиться, иногда и вовсе напоминает обои: это тени от облаков гуляют по земле.

Вот почему-то чаще забелели поместья. В разных местах одновременно, видны в зелени группы белых строений. По окнам можно увидеть, что здания не маленькие, а в два, три, даже больше этажей. В некоторых местах таких зданий

насчитывается сразу десять—пятнадцать. И везде торчит одна, а то и два фабричные трубы. А деревень совсем не видно.

Что это значит? На поселки не похоже, на имения—тоже, потому что в каждой группе по несколько одинаковых панских дворцов, а других домов вокруг нету. Неужели одни только фабрики? А где-же деревни, крестьяне, обрабатывающие эту землю? Да и не видно совсем, крестьянских полей, нет тех полос, а все огромные площади или зеленого, или темного, или желтого цвета.

Юзик даже забыл, где он находится, что его ждет. И в этот момент он почувствовал, что кто-то положил на его плечо руку ...

Словно ото сна очнулся парень, оглянулся: стоит перед ним механик и сурово что-то говорит, а что— не слышно за грохотом мотора.

— А ты как сюда попал? —услышал наконец Юзик, когда тот склонился к его уху.

Юзик только опустил голову.

Механик еще раз грозно взглянул на него и вышел через незамеченную Юзиком дверь в свое помещение. Юзик снова остался один. Он уже не смотрел в окно, а ждал, что вот снова откроются двери, войдут люди и, может, выкинут его вниз ...

Он даже не следил, как самолет опускался, да и в целом все путешествие заняло ни более получаса.

— Ну, так что мы будем с ним делать? —сказал лётчик своему товарищу, входя в вагон к Юзику.

— Отведите куда положено, пусть там разбираются, — ответил второй.

— Страх у Юзика считай совсем пропал: не выбросили, не бьют, а хуже не станет. А когда вылез, то и совсем забыл о своем положении. Он устался на огромную площадь аэродрома, на низкие здания-ангары для самолетов, на какие-

то странные мачты, приспособления, фонари. Интереснее всего была огромное строение с продолговатой округлой крышей и такими большими дверями, что у них влез бы весь дворец господина Загорского. В этом строении, под потолком, помещалась что-то длинное, круглое, вроде огромную сигары. Возле нее, словно муравьи, сустились люди.

— Цеппелин! — сообразил Юзик.

— Пойдем, братец! Услышал он возле себя голос и увидел нового, незнакомого человека, похожего на военного. Летчик—же возились возле своего самолета и не обращаем больше на Юзика никакого внимания.

Было часов шесть утра. Крашенные здания, мачты блестили на утреннем солнышке. А когда Юзик повернулся идти, то чуть не вскрикнул от восторга.

Впереди, километров в шести поднимался город. Белые здания, один другого лучше поднимались вверх, словно наперегонки. Косые лучи солнца сверкали в окнах, сверкали, пылали огнем. Некоторые здания, казалось, не имели никаких стен, а состояли из одних окон. Они уже полностью были охвачены лучистым пожаром. Только многочисленные фабричные трубы чернели в этом свете.

— Ну, пойдем! — повторил провожатый.

Они прошли площадь и вышли на улицу. Тут подошел трамвай. Они сели в него и поехали по широкому зеленому асфальтовому проспекту. Юзик прижался к окну трамвая.

По бокам улицы, среди зелени, раскинулись красивые дома—дачи. Балконы, башни, огромные окна, порою ровные, огороженные крыши, на которых стояли стулья, столы, даже цветы в коробках росли. Вокруг домов—сады с дорожками, цветами, как в имении пана Загорского. Да и вообще все эти дома напоминали панские хоромы. Особенно поражала Юзика

то, что их так было много и что за все время не попало ни одной простой хаты.

"Вишь, сколько панов здесь живет! — думал Юзик. — Почему же это говорили, что господ здесь совсем нет?"

С каждого дома, почему—то одновременно, выходило по несколько человек мужчин и женщин. С веселым гомоном и смехом они или садились в трамвай, или направлялись в сторону.

Юзик с интересом присматривался к этим людям. Одетые они были, на взгляд Юзика, также, как все мужчины в их местности. Может только сам господин Загорский и его дочь одевались лучше.

Но все поведение, все движения этих господ были какие-то непонятные. Юзик знал, что господа держат себя на людях серьезно, солидно, а эти шутили, толкались, как в своем доме.

— Ну, как твои исследования? — спросил один из них своего товарища.

— Все шло хорошо, но в последнюю минуту катализатор забастовал. Видно отравился, чтобы его утки.

— А ты пробовал увеличить вольтаж?

— Поднял до ста тысяч.

— Ну, так увеличить до ста пятидесяти и больше. Чего смотреть?

— А я думаю, не сегодня так завтра будет врыв, — слышался женский голос с другого угла вагона. — дифференциация общества и консолидация пролетарских сил достигли такой степени, что дальше некуда идти. Возьмите вы лейбористов: там, кроме социал-фашистов, собрались и все лорды, капиталисты и другие зубры, которые ранее составляли консервативную партию, а теперь, видите ли, они лейбористы. На другом фланге мы видим единую коммунистическую партию. Середины нет. Классы выкристаллизовались.

Эти ученые разговоры окончательно убедили Юзика, что с ним едут господа. Их даже здесь больше, чем Польше. На пять километров тянулась улица, и везде одни, только панские дачи. Отсюда выходили люди и втискивались в трамвай. Скоро и сидеть было негде, хотя трамвайных вагонов было много и все они ходили по два вместе. А рабочих, крестьян или вообще простых людей так и не видно вовсе. Наверное, дорого нужно платить, если они не едут. Паны—же и денег не платили, а совали какие билеты.

“И почему же это говорили, что у большевиков нет господ”? — ломал голову Юзик.

Даже вагоном управляла молодая красивая барышня. Юзик видел сзади изящную маленькую фигуру молодой девушки с голой шеей и руками, и как-то странно было наблюдать, как эти маленькие нежные ручки смело и твердо управляют машиной, как она ревет, дергается, останавливается и слушает девушку, словно кроткий зверь.

Юзиков провожатый сидел напротив него и бессмысленно смотрел в окно. Но публика все чаще и чаще поглядывала на нашего парня. Босые ноги, длинные, широкие, латанные штаны, такая же рубашка, вислоухая шапка, подвижные глаза и напряженное лицо, — все это не соответствовало общему фону и должно было обращало на себя внимание.

Наконец, кто-то не выдержал:

— Неужели у нас есть беспризорные?

Провожатый отвернулся от окна.

— Эмигрант, — промолвил он, улыбнувшись.

— Как? Что? Откуда? — заинтересовалась публика.

— С запада. Только что прибыл. Даже на самолете прилетел.

"Беспризорный" сразу стал героем. Посыпались вопросы, —ким образом, почему, кто он такой, как там живет? Юзик

чуть успевал отвечать. Сначала он краснел, путался, чувствовал себя как-то неудобно, сделавшись центром внимания со стороны всех этих господ. Потом увидел, что все они такие нежные, сочувственные, простые, и быстро освоился.

— Как там ваши паны? — со смехом спросил один важный господин в очках. Юзик взглянул на него, на других господ, и остановился. Кто его знает, как лучше ответить? Если ответишь пренебрежительно, могут обидеться. Что ни говори, а все они одним маслом мазаны.

— Ничего себе! — ответил он наконец.

Раздался такой хохот, что на минуту заглушил гул трамвая. Юзик испуганно озирался: чего они?, наверное, не попал ...

Но паны смотрели на него ласково ...

Публика менялась. Одни выходили, другие заходили. Вот уже и город. Здесь уже дома были разнообразнее. Рядом с огромными строениями попадались и небольшие, старые дома, из красного кирпича. Такие он видел даже в своем городке.

Пошли улицы асфальтовые, ровные, чистые. Ни одного камешки, щепки, ни одной бумажки, ни песка, ни пыли.

Вот человек держится за какое-то устройство, похожее на тачку на двух колесах. Он возит им по улице, а устройство стучит, рычит, из него течет вода, крутятся какие-то щетки, а в итоге—смывается с улицы грязь и стекает вместе с водой в сторону, в дырки с решетками.

А вот грандиозный многоэтажный серый дворец, по сравнению с которым даже дворец господина Загорского казался бы ничтожной хижинкой. Аж дух захватило у Юзика перед этой постройкой. Люди возле нее казались мухами. То ли двор, то ли площадь гладкая и чистая, словно пол, врезалась в фасад дворца. Посреди площади статуя какого-то человека с

поднятой рукой; казалось, он что-то горячо говорит и призывает куда-то людей. Два красные флага на башнях горели под солнцем, а посередине, под крышей, сверкали огромные золотые буквы "Дом Правительства БССР".

Юзику так бы хотелось остановиться и лучше рассмотреть этот дворец, но трамвай поехал дальше.

Еще одна-две остановки—и провожатый встал.

— Вылезаем, —сказал он Юзику.

У дверей дома, где они остановились, стоял военный с ружьем и шапкой с острым концом и красной звездой. Провожатый привел парня в комнату, что-то сказал сонному человеку, сидевшему за столом и оставил парня.

— Здесь тебе придется подождать.

Юзик сел на скамью у стены и стал ждать. Человек за столом не обращал на него внимания. Посидел немного парень и растянулся на скамье. Через минуту он уже храпел, как у себя дома.

Прошло наверно, часа три, когда его разбудили. Не сразу понял Юзик, где он и что с ним происходит. Долго зевал и возился, пока совсем опомнился.

Повели его по лестницам, коридорам; наконец, завели в комнату к какому-то человеку, и оставили его там.

— Садись, сказал этот человек Юзику и указал на стул.

Юзик нерешительно присел на край. Хотя этот пожилой дядька и вежливо смотрел на него своими глубокими глазами, но Юзик чувствовал, что наступает самый решительный момент, что сейчас решится его судьба.

— Ну, расскажи, каким образом и почему ты оказался здесь? —промолвил дядька. —Говори все, не бойся.

От этих простых спокойных слов Юзик почему-то еще больше заволновался.

Мужчина заметил это и улыбнулся.

— Чего же ты боишься? Или ты не понимаешь, что мы должны знать, кто такой, откуда и почему к нам прилетел? Говори только всю правду, и ничего плохого тебе не будет.

Юзик начал рассказывать. Об отце, о деде, о жизни в имении, о радио, о допросе, о Мотэле и Максимке и, наконец, о том, как спрятался в самолете.

— А ты знал, что так самовольно, нельзя поступать?

— Не думал об этом, сконфуженно ответил Юзик. — Очень мне хотелось к деду, посмотреть, как здесь живут.

— А поручений каких-либо тебе никто не давал? — сказал дядька и взглянул на Юзика так, словно насквозь все видеть.

— Каких поручений? — не понял Юзик.

— Ну, с кем ты виделся перед отлетом, кому сказал об этом, может кто просил тебя о чём-нибудь узнать, кому-то что-то передать.

— Нет! — честно ответил Юзик. — Никто об этом не знает, даже родители. Да и сам я не знал до последней минуты. Мне эта мысль пришла только в то время, когда мы следили за самолетом. Куда я делся, — знает только один Максимка.

— Ну, так придется тебя отправить домой.

Юзик заплакал.

— Паночку! Пустите меня к деду! Я не хочу обратно ехать! Я хотел бы, чтобы папка с мамкой сюда приехали.

— Ну, братец! — засмеялся мужчина. — Если каждый сам начнет так судить, то никакого порядка не будет. За произвол наказывать надо, а не потакать.

— Паночку! Я-ж ничего ... Пустите меня к деду! ... Сквозь слезы бормотал Юзик, потом вскочил со стула, схватил руку мужчины и поцеловал ее.

Странная вещь: тот вскочил, словно его укусила змея.

— Что ты?! С ума сошел, что ли? — крикнул он.

Юзик испугался. Наверное, это такой большой пан, что такой мальчик, как Юзик, не имеет права целовать ему руки.

Наверное, только взрослые могут. А он Юзик, оскорбил его, думал, что такой же пан, как Загорский или эконо́м.

— Извините, сударь! — бормотал Юзик. — Я не знал ... Больше не буду ... Пустите меня к деду.

Мужчина успокоился и засмеялся.

— Слушай, парень! Пока ты здесь, забудь слово "господин" и на ваши рабские привычки. У нас нет ни рабов, ни господ.

Хотя и не до того было нашему парню, но он не мог не обратить внимания на слова "у нас нет господ": То же самое он и дома слышал, но на деле увидел, что господ здесь больше, чем в Польше. По крайней мере до сих пор ни одного простого человека не видел, кроме солдата.

— Имеешь какие-либо документы, бумаги?

— Имею только письмо Мотэля.

— Покажи.

Дядька внимательно прочитал письмо и задумался. Потом опять расспросил подробно обо всей жизни Юзика и сказал:

— Мы посоветуемся, что с тобой делать, а пока погости у нас немного.

Снова повели мальчика по лестницам и коридорам, вывели двор, привели в другое здание. Юзик увидел помещение с котлами, машинами. Но все эти устройства обрабатывали продукты: картофель, морковь, мясо и др.

— Товарищ Шторм! — обратился провожатый к одному из работников, видимо, заведующему фабрикой. — Может возьмете себе на неделю две помощника?

— Давайте, понадобятся, — ответил тот — как раз товарищ Зорин пошел в отпуск.

Дальше уже Шторм повел Юзика по коридорам и привел в маленькую, чистую и светлую комнатку с кроватью.

— Вот твоё помещение. Но сначала нужно придать тебе культурный вид, — улыбаясь, сказал дядька.

И началась "чистка". Юзика остригли, привели в комнату, где были ванны, краны с тёплой и холодной водой, души. Пол, стены, ванны белые чистые, изразцовые. Дали чистое бельё, короткие брюки и блузку-хаки, длинные чулки и ботинки.

Когда взглянул Юзик в зеркало, даже застеснялся: барин, да и только! Не хуже Зыгмуса Загорского.

— Поживёшь у нас немного, будёшь помогать по работе, — сказал дядя Шторм, — но выходить на улицу не должен.

— Почему? — удивился Юзик.

— Ты арестован, — засмеялся дядя.

Мальчик выпучил глаза.

— Не пугайся, — успокоил дядька. — Это временно.

— Кто тебя знает, откуда ты и почему приехал? Может тебя кто подослал? Может, ты какой вредитель?

— Да я же ничего такого ... — со слезами начал парень.

— Видно, тебе поверили, когда так приняли. Но в таком деле веры мало. Нужно убедиться, как следует. Наверное, расспросят о тебе там на месте. И если всё, что ты говорил, правда, то и выпустят. Недели—две пройдёт, не более.

Юзик понял и успокоился.

С какой охотой взялся он за работу! Какая интересна она была! Сначала он только подносил и подавал продукты старшим и следил, как те пускают их в обработку. Вот высыпали несколько мешков картофеля в большой бак. Закружились в нём какие-то толкачи, полилась вода; через минуту грязная вода вытекла вниз, а в стороне остался чистый картофель. Открыли с боку окошко—и картофель оказалась в какой-то машине, где вращаются ножи. Ещё несколько минут—и оттуда посыпалась белый порезанный картофель. Через каких-нибудь десять минут насыпалась такая куча, которую не сделала бы и сотня женщин.

— Каким же образом машина приспособливается к величине каждой картофелины? — удивлялся Юзик.

— Так картофель уже одинаковый, — ответили ему. — Когда его копают, то сразу же на месте сортируют, пропускают словно через решета и выпускают по номерам, соответственно, величине.

— Но очень уж толстую кожу срезает машина, — заметил Юзик, — портит много.

— Ау вас не кормят картошкой животных? — спросил работник.

— Кормят.

— Ну так вот этими очистками и корми. У нас ни одной крошки не пропадает зря.

Тоже было и с морковкой, и с свеклой, и со всеми другими продуктами. Там из машины идут равные лоскуты мяса, там идет мясо, порезанное на котлеты, там стоят мешки с сухими чистыми костями: их отправляют на фабрики, где мелят на муку для удобрения или делают клей.

Там сами толкачи бьют тесто на блины, а пекутся эти блины на плитах, где ни огня, ни дыма не видно. Казаны, в которых готовится еда, похожий на паровозы, с различными устройствами, блестящими ручками, циферблатами, и стоят эти котлы не на огне, а просто на земле, и никакой пар из них не идет. Только, когда открывать их, чтобы кое—что добавить, — тогда только вырывается пар, тогда только можно узнать, что в них что-то готовится. Но открывают их редко, так как ухаживать не надо; пригореть не могут, потому что их касается не огонь, а горячий пар; следить не надо, так как точно известно, через сколько времени блюдо приготовится; не надо и помешивать, так как это тоже само делается.

А как интересно моются тарелки! Поставишь их в сетку, а они сами идут в воду, умываются, проходят через какие-то трубы, сушатся—и выходят совершенно чистыми.

Человек в белом халате и капюшоне тихо и спокойно ходит среди этих машин, взглянет туда, взглянет сюда. Ни гомона, ни суеты, только глухой шорох машин и шипение блюд. Помещение чистое, светлое; и воздух чистый, только легкие, вкусные запахи дразнят нос.

Через некоторое время и Юзику поручили работу на машине—резать хлеб. Он вставлял в машину буханки хлеба, а оттуда шли ровные тонкие куски.

Свободного времени у Юзика было больше, чем ему было нужно. Но это свободное время было для него мучительно. Болтаться и ничего не делать— неприятно для каждого человека. Поэтому Юзик постоянно крутился на кухне, помогая и первой и второй смене работников.

Зато он хорошо ознакомился с работой на кухне, с машинами и устройствами. Знал показания манометра в котлах, сколько времени готовится каждое блюдо, как остановить и пустить машину, как идет процесс приготовления. Все чаще и чаще ему поручали более самостоятельную и ответственную работу.

Эта неожиданная учеба значительно сократило ему время "ареста". Но об окружающей жизни, вне стен помещения, он мало чего узнал. Для работников жизнь эта была такой обычной, простой, что и объяснять, казалось, нечего было. Им казалось, что каждый это знает. Характерно еще было то, что работники эти, кажется мало интересовались личностью мальчика; вообще не удивлялись, как он здесь оказался, и не очень расспрашивали. Казалось, будто все это для них является обычным делом, что они уже привыкли к подобным вещам.

Через несколько дней дядя Шторм даже запретил ему много работать.

— Нельзя у нас так работать. Узнают—попадет нам.

—Я же ничего плохого не делаю, —оправдывался Юзик.

— У нас пятичасовой рабочий день, а для детей—трехчасовой.

— А если кто добровольно хочет работать?

— Все равно нельзя, —ответил дядя.

Юзик недоверчиво улыбнулся; шутит дядя! Где ж это видано, чтобы запрещали работать даже тогда, когда человек сам хочет? Дядя Шторм заметил это.

— Чего удивляешься? Это тебе не Польша, где рабочие работают по пятнадцать часов. У нас все работают, поэтому на каждого приходится работы меньше. Ты лучше займись чтением; я тебе дам газет и журналов.

Жадно набросился Юзик на газеты и журналы. Хотя он и мало видел газет в своей жизни, но все-же и дома ему не раз удавалось пересматривать их. Он приблизительно знал, о чем обычно пишут в газетах: о том, что у министра был бал и в каком одежде были гости, о том, что у графини украли ожерелье, как искали вора, как его нашли, как происходил кражу, даже портрет вора помещался, —одним словом, в газетах пишется о различных интересных происшествиях.

А в тех газетах, что дали Юзику, ничего такого не было. Здесь писалось про какие—то задачи, планы, постройки с интересными рисунками, "Соевый¹⁾ комбинат", "электрификация Камчатки", "рыбный фронт", "посевная компания", "социалистический город в тайге» и много подобных незнакомых вещей. Вместо министров и воров здесь были портреты рабочих, который лучше выполнили свою работу. Статьи такие громкие, бодрые, к чему-то призывают. Больше половины материала Юзик не понимал, но и остатков хватило для того, чтобы закружилась голова. У Юзика сложилось такое впечатление, словно за стеной движутся миллионы людей и машин, что они что—то крошат, строят, куда—то несутся, что вся страна кипит, и среди всего

этого движения даже трудно заметить отдельного человека, отдельное происшествие, хотя об этом тоже писалось.

Иногда Юзик спрашивал дядю Шторма:

— О какой это посевной компании пишут в газетах?

— А это, чтобы сеялись.

— А разве без этого у вас не сеют? Да и рано еще.

— Надо, чтобы вовремя, и чтобы выполнить план.

Но такое объяснение ничего Юзику не объясняло. А дядьке Шторму казалось, что он объяснил.

Оставалось только ждать, когда выпустят отсюда, когда можно будет поехать к деду. Тогда он обо всем узнает, все увидит ...

И время это пришло через двадцать дней.

Юзику дали бумажку, "заработанных" денег на дорогу, объяснили, куда и как ехать, и выпустили на волю.

С большим волнением переступил он порог и вышел на улицу незнакомого города незнакомой страны.

1) Соя—растение, похожее на горох, очень ценное.

2 К ДЕДУ

До этих пор Юзик только один раз видел город, когда был в тюрьме. Но этот город, где он сейчас оказался, не имел ничего общего с тем. Прежде всего здесь все было ни одного магазина с вывесками какого-нибудь Завадского или Шнеерсона, а все с какими-то непонятными словами и буквами- "Книжный магазин БГИ", "ДЭТ", "Миншвей".

"Неужели это фамилия такие?" - думал Юзик.

Не видно было и ни одной лошади, а только автомобили. На улице было большое движение, но никакого грохота не было, асфальт поглощал и шум, и пыль.

Юзик повернул направо, как ему говорили, и пошел в ту сторону, откуда приехал. Хотя сейчас он и не поражал людей своей одеждой, но многих удивил тем, что шел, разинув рот и задрав голову. Вот по улице идет отряд детей с красным флагом впереди. Идут стройно, словно солдаты. Одеты в короткие синие брюки и белые рубашки без рукавов. На шее красные галстуки. И девочки также одеты, только штаны их шире. Вот они все запели. Вот их объезжает блестящий большой автомобиль весь в цветах, а в нем штук двадцать маленьких детей, лет по пять. Они одеты так, что сами подобны цветам. Кричат, смеются, машут руками.

"Наверное, панские дети, — подумал Юзик. — Только почему их собрали вместе?"

Вот тот самый дворец, около которого он ехал. Теперь уже Юзик знал, что статуя на площади — это Ленин. Ну и строение! Даже шея заболела, пока он его что осмотрел. А напротив другой здание! "Университет" — прочитал Юзик. А там дальше видно еще много таких же зданий.

Потом прошел он под железнодорожным мостом, а через некоторое время уже над железной дорогой и наконец дошел до станции, откуда нужно ехать на Слуцк.

На станции было тихо, ни гудков, ни свистка, ни паровозов. Взял Юзик билет до "Курычей" и вышел на платформу. Вместо поезда там стояли четыре трамвайных вагона.

— А на Курычи поезд скоро пойдет? — спросил Юзик у кондуктора.

Тот удивленно посмотрел на мальчика:

— Откуда ты взялся? Этот и идет на Курычи. Садись.

Трамвай тронулся. Опять пошли красивые дачи. Юзик с нетерпением ждал, когда выедут из города, чтобы посмотреть, какие здесь деревни. Наверное, и они лучше, чем их Смоляки. Наверное, с деревянными крышами.

Положение Юзика с самого приезда сюда осложнялась тем, что он вынужден был до всего доходить сам, что ему не было у кого спросить. Обращаться с вопросами ко всем этим незнакомых господам он не решался. Будут ли они с ним говорить? Вот, например, эти два сидящих напротив него.

Один из них напоминал учителя из имения пана Загорского, а второй был похож на эконома.

Как у вас в этом году пшеница? —спешивал "эконом".

— Ничто. Думаем снять центнеров тридцать пять с гектара, —ответил "учитель".

— Много засеяли?

— Шесть тысяч гектаров. А ваш стадо значительно увеличилось?

— В этом году будем иметь тридцать тысяч коров, — безразличным тоном ответил "эконом".

Юзик с ужасом взглянул на них. Вот так господа! Шесть тысяч гектаров одной только пшеницы! Тридцать тысяч коров! Сам господин Загорский имеет только пятьсот, а тут тридцать тысяч! Это же сказка! Вот тебе и "нет господ!"

Двухколейная линия трамвая терялась на небосклоне. Столбы казались забором. Через каждые полчаса проходил встречные трамваи.

Чаще всего это был не трамвай, а товарные вагоны без паровоза. А километра на два в сторону виднелась еще железная дорога.

Рядом с трамваем шло шоссе. По нему движение было еще сильнее. Больше всего было грузовых автомобилей, полных всякими товарами. Беспрерывно пролетали мотоциклы и велосипеды. Среди этого движения единственная пароконная подвода обратило на себя общее внимание. Даже Юзику она показалась не к месту.

А деревенских подвод так и не было ни одной. Да и вообще ни одного крестьянина Юзик не увидел. Наверное, из городских окрестностей еще не выехали, — подумал он.

Окрестности действительно были городские. Кое-где стояли группы белых каменных строений, высывались фабричные трубы. От главного пути туда направлялись боковые шоссе, часто с трамвайными рельсами. По ним вливались на главное шоссе автомобили с грузами.

Поля делились не на полосы, а на огромные площади, засеянные одним каким-либо растением. Вот вся возвышенность занята одной только картошкой. Среди окружающих зерновых она кажется черной, словно дым. Вот ячмень, густой, широколиственных, тянется на несколько километров, словно море, а там овес, в котором человек стоя может спрятаться. По всему видно, что имения больше и богаче даже чем имение пана Загорского.

И нигде ни одной деревни!

Вот уже километров сорок проехали, несколько остановок сделали, проехали два значительных города, а вокруг все имения и поместья.

И все совершенны, куда лучше, чем Загорского.

Вот на картофельном поле шевелиться много машин. Когда трамвай подъехал ближе, Юзик увидел, что они обсыпают картофель. Одна машина впереди ведет четыре машины позади, и за один раз они обрабатывают площадь, которая составила бы половину земли деревни Смоляки.

Дорога вошла в лес. А лес словно сад. Деревья идут ровными рядами, все как один; никаких сучьев на земле. И лес так—же пересекают шоссе-ные дороги.

За лесом большая низменность. Опытный глаз Юзика сразу заинтересовался, чем она засеяна? По виду казалось—пшеницей, только слишком уж она высокой была: весь

трамвай мог бы в ней скрыться. Но Юзик сразу-же узнал, что это—трава.

— Вот и мой дом, сказал "эконом», — готовясь к выходу.

— Сено ничего себе, —заметил "учитель".

Здесь Юзик заметил, что на лугу уже работают машины. Сенокосилки резали траву так, что она свистела, словно дерево в лесопилке. Скошенное сено покрыла землю сплошным толстым слоем, так что машинам трудно было повернуться. В другом месте трактора тащили грабли, в третьем—какие-то странные машины с длинными шеями бросали стога. И эти огромные стога стояли также густо, как копны на обычных лугах.

"Это же один гектар даст столько, сколько у нас сто!" — чуть ли не вскрикнул Юзик.

— Кто бы подумал, что когда-то здесь были непролазные болота! —задумчиво произнес "учитель".

— За то и работали! — с гордостью сказал его товарищ.
— Даже и сейчас мы не довольствуемся одной, пусть и хорошей, почвой. Мы и сейчас подсыпаям те или иные удобрения.

Теперь Юзик понял, что значат эти ровные каналы и рвы с водой, что пересекали поле, как шахматную доску. Это они превратили трясины в такой богатый сенокос.

— А вот и наше богатство! —показал рукой "эконом".

Юзик тоже глянул в ту сторону и увидел возле леса какое—то пестрое море. Это и было то тридцатитысячное стадо, о котором говорил "эконом".

Огромная площадь была разделена оградками на отдельные площадки, в которых и находилась скотина. Некоторые площадки были пусты. Тут-же протекали каналы, но в этих местах они были расширены и обложенный цементом. В этих каналах—сажалках коровы купались. Для молодняка были отдельные выгородки.

— Они у нас сейчас на даче, —добавил хозяин.

— Неужели выгоднее их так держать и кормить, чем пасти на свободе? —спросил "учитель".

"Эконом" рассмеялся.

— Если пустить всю эту армию пастись, то она истоптала бы все поле, и сама была бы голодной. А теперь нам хватает травы и на лето, и на зиму. А кормить их не так уж трудно. Видишь, у выгородок идут рельсы? Да вот как раз и сам увидишь.

Откуда-то из-за холма выползла какая-то змея и начала разделяться на части и обнимать выгородки. Через несколько минут с каждой стороны, возле самого забора, она остановилась, а вся скотина ринулась к ней и высунула головы сквозь забор. Теперь только Юзик разглядел, что это были вагончики—кормушки с кормом.

— Не только трава, но и приготовленный корм, — послышался голос.

Людей почти что не было. Не было видно и никакой машины, которая везла бы эти вагоны.

— Зимой эти самые поезда также обслуживают хлева. Вагончики проезжающие через фабрику—кухню, по дороге нагружаются и, не останавливаясь, едут дальше. Вся операция занимает ровно столько времени, сколько нужно на переезд поездов через кухню.

— А как же-ж доить их? —не удержался Юзик.

Мужчина посмотрел на него, улыбнулся и сказал:

— Для этого нужно только насадить на вымя резиновые трубки, а дальше уже работает электричество. Если вымя выдоится, трубки автоматически выключаются. А все молоко по трубкам течет в общую трубу и через нее вливается прямо в молочную, где сразу же идет в обработку.

— Это же будет молочная река!

— Так оно и есть, —усмехнулся "эконом".

— А как сейчас? Летом? Также с поля идет молоко?

— А как же-ж? Разница лишь в том, что трубка немного длиннее—только и всего. Вот в той будке она начинается.

— А почему те выгородки пустые?

— А туда перегоняем скотину, когда он загрязняет эти. А когда тут очиститься, зарастает, — снова перегоняется сюда.

Трамвай проехал низину и остановился у главных зданий этой животноводческой фабрики.

На взгляд Юзика это было не фабрика, и не имение, а город. Да еще со зданиями длиной не менее километра каждый. Еще интереснее были многочисленные башни, напоминавшие башни в средневековых замчищах, о которых читал Юзик в книгах.

Только позже узнал Юзик, что это—силосные башни, в которых квасится корм для скота. Туда летом бросают всякую траву, даже такую, которую животное обычно не ест, а из нее потом делается чрезвычайно хороший корм.

Среди прочих зданий выделялись молочная фабрика, бойня, консервная фабрика.

— Наш белорусский Чикаго ¹⁾, — говорил "эконом", выходя из вагона. — Не только свою скотину мы забиваем и обрабатываем, но и из соседних хозяйств. Десять тысяч голов в сутки мы можем обработать.

Трамвай поехал дальше.

Наконец Юзик услышал, что следующая остановка и будет Курычи. Только теперь парень начал тревожиться и более серьезно думать о том, что сделал. Откуда он взял, что дед обязательно жив? А может он давно умер? Ему же сейчас должно быть лет более шестидесяти. Правда, это еще не такие большие годы, но ведь не каждый доживает до них.

¹⁾ Чикаго—американский город, издавна известный своими бойнями и мясными фабриками.

Ну, если что, то должны быть еще дяди, двоюродные братья. Не выгонять же они Юзика из дома. Он им поможет в хозяйстве, а может и в каком из этих имений работу найдет. Но наскучили ему поместье. Он охотнее пожил бы в деревне, как Максимка. Папка говорил, что Курычи лучше Смоляков; и земля, и местность не такая болотистая. Он будет ездить на ночлег с деревенскими ребятами. В имение ему не доводилось ездить. Напишет родителям, чтобы и они приехали. Может, получат свою часть земли и заведут свое собственное хозяйство.

С такими мыслями доехал он до станции.

Вылез.

Оглянулся.

Несколько зданий городского вида. От них аллеи в поместье с огромными строениями, подобными тем, что он видел в животноводческом поместье. Опять едут автомобили, нагруженные какими-то ящиками.

Вот бежит мальчик лет десяти. Юзик к нему.

— Не знаешь, брат, какой дорогой пройти к деревне Курычи?

— Курычи? Да вот они и есть.

— Нет. Мне в деревню надо.

— Деревню?

— Да.

— А что это такое "деревня"?

— Ну, где люди живут.

— Да вот они тут и живут.

— Нет. Где хозяйева живут.

— Какие хозяйева?

— Ну, вот, что на земле работают.

— Да все здесь работают, кто на земле, кто на предприятии.

Юзик аж вспотел. Что он? Дурак что ли?

— Мне нужно деревня, где живут крестьяне.

— А что такое "крестьяне"?

Юзик рассердился.

— Если не хочешь сказать, сам не знаешь, то так бы и говорил. А то чего дурака ломаешь?

И пошел дальше.

Мальчик посмотрел ему вслед, свистнул и крикнул:

— Сам ты дурак!

По дороге, неспешно прогуливаясь, идет барышня, красиво одетая, с газетой в руке. Может обратиться к ней? Но боязно. Как это приставать к паненке?

Юзик нерешительно топтался, оглядывался.

Девушка заметила это.

— Чего, мальчик, ищешь? — спросила она добродушно.

— Пожалуйста, скажите, как пройти в деревню? — обрадовался Юзик.

— Какую деревню? Что это значит?

— Да деревню Курычи.

— Вот это Курычи и есть.

— Мне нужно в деревню, а не сюда, — повторил Юзик и еще больше удивился, что и девушка, пожалуй, тоже говорит, как и тот мальчик.

Девушка посмотрела на него внимательно, видимо, удивилась и спросила:

— Откуда ты и кто тебе нужен?

— Я из Польши и ищу своего деда.

— Что?! — широко раскрыла глаза девушка даже склонилась к Юзика.

— Я прилетел из Польши к своему деду, который живет в деревне Курычи.

Девушка еще внимательнее посмотрела на парня, а потом звонко расхохоталась.

—Это что значит: игра которая—то, что ли? —сказала она через смех.

— Ей—богу правда, паничка! —стыдливо ответил Юзик. "Паничка" Прилетел из Польши! Деревня Курычи! Ха—ха—ха! —хохотала девушка.

Юзик совсем смутился.

—Ну, хватит играть, —сказала она серьёзно. —Объясни, в чем дело.

— Да я же говорю серьезно. Спрятался в самолете и прилетел. Сейчас меня отпустили. Вот и бумажку дали.

Девушка взяла бумажку, прочитала.

— Вот странная вещь! —хлопнула руками. —Никогда не подумала бы. А как твоего деда зовут?

— Андрей Кухаренко.

— Есть такой. Ну, пойдем. Я тебя отведу.

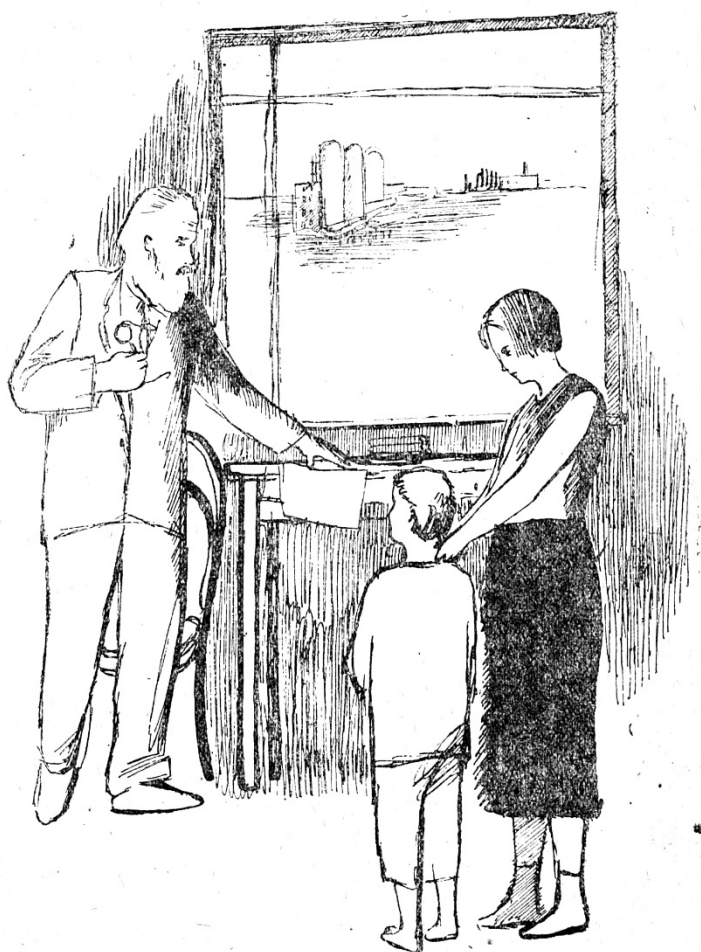
И быстро побежала вперед.

По дороге она каждого останавливало и говорила, что к дяде внук прилетел из Польши. Люди сначала тоже считали это шуткой, но потом так заинтересовались, что даже присоединялись к ним. Юзик не успевает отвечать на вопросы.

Вошли во двор, или лучше сказать, сад. Деревья, подстриженные кусты, клумбы с цветами и чистые, белые дорожки, посыпанные галькой. В зелени—трехэтажный дворец. Огромное крыльцо с широкими каменными ступенями с трех сторон. Огромные окна, отделанные балконами. Одним словом, дворец, как у каждого хорошего пана.

Юзик прижимался к своим провожатым, боясь, что ему не разрешат пройти через господский двор. Наверное, деревня находится на той стороне, за дворцом, как Смаляки около имения.

Но ... его повели прямо в дворец! Ни к пану ли? Зачем?

Через стеклянные двери с медной оковкой вошли во внутрь. Большая передняя с колоннами, люстрами, электрическими фонарями. Направо и налево идут коридоры, а вверх—широкие лестницы. Поднялись на второй этаж, завернули в коридор налево и пошли вдоль дверей с номерами.

То из одной, то с другой комнаты выходили люди, выбегали дети, но все это почти не нарушало тишины.

Ширина и высота коридора, разосланные посередине дорожки скрадывали звуки.

Наконец, остановились перед № 47. Девушка постучалась в дверь.

— Входите! — слышался голос.

С сжатым сердцем переступил Юзик порог.

В небольшой высокой комнате, у огромного окна, через которое виднелись верхушки деревьев, около стола, с газетой в руках сидел почтенный господин с седой бородой и в очках, в "городском" гарнитуре. Юзику почему-то показалось, что это доктор.

— Вот, дядя Андрей, к вам внук прилетел из Польши! — весела крикнула девушка.

Старый снял очки и удивленно посмотрел на вошедших.

Юзик стоял у порога и не знал, что делать.

— Ну, иди познакомься со своим дедом, — сказала девушка, взяла его за руку и подвела его к столу.

Старик встал и недоуменно поглядывал то на девушку, то на парня.

— Что все это значит? — наконец спросил он у девушки.

— Да то, что говорю, — засмеялась она. — Или не узнаете своего родного внука?

— Не знаю такого, — ответил дед, присматриваясь к мальчику.

— Вот так дед! — с шутливым упреком сказала девушка. — Своего родного внука признавать не хочет. А он же так летел к своему деду!

— Кто ты такой? Откуда? — обратился дед к Юзику.

— Сын Михала, из Польши, — сказал парень.

— Михася ?! Сына? Так он живой? — взволнованно воскликнул дед.

— Живет в имении пана Загорского, батраком.

— Так вот почему недавно спрашивали, есть ли у меня кто в Польше! —сказал старик.

Он схватил обеими руками Юзика за плечи, наклонился и засмеялся.

— Вот так история. А я давно считал, что его на свете нет. В самую бурю попал. И вестей никаких о нем не было. Садись, брат, рассказывай.

Девушка увидела, что ей здесь больше нечего делать, и пошла к двери.

— Прощайте. Знакомьтесь здесь. А потом и нам расскажете.

3. ДЕД И ВНУК

Часа два расспрашивал дед о своем сыне, об их жизни, о самом Юзике. Юзик заметил еще, что дед интересовался не только их семьей, но и вообще о жизни там, в Польше. Дед часто задавал такие вопросы, на которые Юзик не знал, как ответить.

У самого Юзика было тоже много вопросов, но пока что он не решился задавать их этому незнакомому "доктору". Да и если—бы решился, то не было возможности вставить свой вопрос, ведь самому надо отвечать.

Наконец дед хлопнул руками по коленям и вскочил.

— Что же это я? Заболтался и забыл, что ты, наверное, есть хочешь. Будет еще время пообщаться. Сейчас поищу.

Ион вышел из комнаты.

Оставшись один, Юзик попробовал собрать свои мысли, но, вместо этого, еще больше запутался. Каким образом дед сделался каким-то доктором, когда отец сын его, до сих пор остается неграмотным батраком? Где остальная родня? Почему так трудно наткнуться на след деревни Курычи, которая должна быть здесь, так-как и имение называется

Курычи? Даже что-то тайное чувствуется, когда спрашиваешь о деревне.

Вошел дед с мисками.

— Мы уже пообедали, — сказал он, — осталось только кое—что. Ну, ничего, подкрепись.

"Кое-что" состояла из котлет и сладкой манной каши. Этот обед окончательно убедил Юзика, что его дед великий пан. Наверное, он служит в имении доктором. А может и сам хозяин имения? Кто его знает?

— Это ваш имение? —отважился, наконец, спросить Юзик.

— Наше. А то чьё же? —спокойна ответил дед. Сейчас как раз мне не надо идти на службу, но я покажу тебе наше хозяйство.

— А вы ... вы ... слу ... жите? —удивленно спросил Юзик.

— А как же-ж? Каждый должен работать.

— Какую должность вы занимаете.

— Да мне, старику, легкую работу дали: навоз убирать в курятнике.

Дзы-нь! —покатилась ложка по полу, а вслед за этим шлепнулось из рук Юзика и блюдо с кашей ...

Глянул дед на Юзика. А тот сидит, выпучив глаза и разинув рот, словно сумасшедший, и смотрит на деда, как на страшилище какое.

— Что с тобой? —испугался дед. —Заболел?

— Нет ... Я ... я ... не понимаю ... Как это такая служба и ..., и ...— забормотал Юзик.

— Что же тут такого? — еще больше удивился дед. — Служба, как служба. Даже лучше другой. Возьмешь машинку, ведешь ею по полу—и через недолгое время пол чистый, вымытый.

— А я думал, что вы ... доктор какой, что ли.

— Почему так? —засмеялся дед.

— Да ... все по-барски.

— А-а! Вот что? —затрясся от смеха дед. Я забыл, что ты явился из другой мира и думаешь по—вашему. Нет, братец. У нас панов нет, или, лучше сказать, все у нас одинаковые господа. Каждый человек живет по—человечески, каждая работа полезна и нужна. Для доктора тоже нужна наша работа, как для нас докторская. Почему же тот, кто ухаживает за курами или коровами, должен жить хуже? Эх, рано я на свет родился, не успел наукой овладеть! Вот подучился немного— и все. А некоторые помоложе выучились, на докторов и профессоров, и это вовсе не мешает им пахать землю. Даже наоборот, —помогает.

Слушая эту лекцию Юзик вспомнил тех ученых "господ", которых он впервые увидел, когда ехал из аэродрома, и только сейчас понял, в чем было дело. По—видимому, это и были все те рабочие, о которых говорит дед.

— А как живут крестьяне? —задал вопрос Юзик.

Дед опять засмеялся.

— Так же, как я. Я же крестьянин.

—Нет. Те, что в деревнях живут.

— Да я же никуда не уезжал. Так всю жизнь и живу в своих Курычах, —шутил дед.

— Улыбнулся и Юзик, видя, что дед шутит.

— А где Курычи?

— Да вот здесь, где ты сидишь.

—А деревня где? —уперто спрашивал парень.

— Ну, так знай, —уже серьезно сказал дед: — тех Курычей, о которых ты думаешь, давно уже и следа нет. Таких деревень, как ваши Смоляки или как их там, во всей нашей стране не найдешь. Много лет, как наша деревня объединилась в одно хозяйство. Сначала мы жили по своим домам, а в это время строили совершенные, общие хозяйственные строения: сарай, хлева. Приобрели машины,

подняли свое хозяйство и разбогатели не хуже, за вашего господина Загорского. Тогда мы, вместо наших халуп, построили вот этот каменный дом, где и поместились все шестьдесят семейств нашей деревни. Таким образом, как видишь, я правду говорил, что деревня Курычи находится вот здесь, где ты сидишь.

Юзик даже оглянулся по сторонам.

— Каким образом вы так смогли? — промолвил он задумчиво. — Если-бы можно было, то и наши Смоляки так сделали.

— На то наша страна Советская! — с гордостью ответил дед и даже погладил свою бороду. — Своими только Курычанскими силами, и мы не сделали бы. Но у нас такой строй, что каждый работает не для себя, а для всех. Нам дали машины и строительные материалы, чтобы быстрее поднять наше хозяйство. А построив его, мы вернули все это своими продуктами, и стараемся дать, как можно больше, чтобы и другие тоже подняли свое хозяйство. А кто поможет вашим Смолякам? Может пан Загорский досками для уборных?

— Мы по радио слышали, — сказал Юзик, — что в Курычах построен какой-то большой курятник. Миллионы стоит. Это здесь?

— Здесь. Ты увидишь этот "курятник", — улыбнулся дед.

— Неужели вы и миллионы набрали для его строительства?

— Это государство построило.

— Он, значит не ваш?

— Как тебе сказать? — задумался дед. — И наш и не наш. Так же, как и этот дом и все, что ты видишь вокруг.

— Значит, правда, что здесь никто ничего своего не имеет, как говорили у нас? — с каким-то разочарованием сказал Юзик.

Дед посмотрел на него с улыбкой.

— Опять ты по—вашему рассуждаешь! Ну, какую собственность ты хотел бы? Кусок земли? Но он нужен только для того, чтобы получить хлеб. Ну, так ешь хлеба сколько хочешь. Корову, чтобы было молоко? Молока каждому из нас хватает. Лошадь? Я и без её могу поехать, куда мне нужно. Дом? Я думаю, каждый ваш крестьянин согласился бы поменять свою халупу на это помещение. Ну, какую еще собственность ты хотел бы?

— Только все это не свое.

— А чем хуже этот обед, хлеб, комната за свое?

— Если человек сам себе хозяин, он может делать, что хочет. Вот папка хотел бы иметь хотя бы такую хозяйство, как Максимков отец.

— А этот Максимков отец лучше живет, чем мы здесь? — подмигнул дед.

Юзик ничего не мог ответить. В голове его образовалась путаница. Он убедился, что действительно здесь не имеют собственности, как и говорили. Но вместе с тем видел, что имеют все, что нужно. Как-же это так? И имеют, и не имеют!

Но рассуждать об этом он не собирался. Что ему до того? Или он хозяин кокой, что ли? В любом случае видно, что он попал из ада в рай.

Тревожил еще только один вопрос:

— Правду папка говорил, что вы сами были недовольны новыми порядками, даже ругали большевиков?

Дед забавно поскреб себе затылок.

— Было, внучек, было. Даже не я один! а многие из нас. Конечно, глупые были. Мог ли кто думать, что так будет? Но зато теперь, если кто пойдет на нас войной, то я первый схвачусь за ружье, чтобы защитить наш строй. А тем временем давай напишем письмо к твоему отцу. Вот и тебе отдельный кусочек бумаги, напиши от себя.

Дед и внук уселись за стол и начали писать. Дед описал историю и судьбу своей деревни, смерть матери, жизнь братьев и других родственников и знакомых, которых Михал должен был помнить. Спрашивал о некоторых сторонах их жизни, чего не мог объяснить Юзик. И наконец написал, что думает поднять ходатайство о разрешении приехать и им сюда.

Юзик-же письмо состоял в основном из нескладных охав да охал по поводу различных «чудес», которые он здесь увидел. Чтобы он один послал такое письмо родителям, то те наверняка плюнули бы и выругалась на белиберду. Но вместе с серьезным точным письмом деда эти ахи были более-менее понятными. Конечно, в первую очередь Юзик звал сюда родителей. Не забыл он и Максимку. Ему он написал отдельное письмо с самыми искренними приветствиями и благодарностью. При этом настоятельно советовал также прилететь или пробраться сюда каким-либо другим способом.

А вслед за этим Юзик вспомнил Мотэля и ему написал письмо.

Было уже часов семь, когда дед с внуком закончили свои письма. Письмо к Михалу получилось даже слишком толстый.

— Придется, наверное, две марки клеить на него, — заметил дед. — А теперь пойдем "на деревню", познакомимся с "крестьянами", посмотрим на «посиделки», а там может и поужинать дадут.

Они спустились вниз и вошли в большую комнату, в котором стояло несколько длинных столов, покрытый белыми скатертями. На столе цветы, стаканы, металлические корзинки и фарфоровые миски с хлебом, булками, сухарями, тарелки с маслом, сыром, колбасой, яйцами, стеклянные вазочки с сахаром, цветные фабричные кувшины с молоком. За столами сидели паны и пили чай или кофе; одни подходили, другие уходили.

Юзик вспомнил ресторан в своем городе, где он раз наблюдал через окно, как господа ели.

Дед осмотрелся и подошел к одному пану около которого было два свободных кресла.

— Вот, Симон, тебе племянник, Михала сын, — обратился к нему дед, а потом сказал Юзику. — Это старший брат твоего отца.

— Слышал, слышал уже, — ответил дядька. — Только что собирался идти к вам. Ну что, братец, как тебе нравится, "деревня Курычи"? — обратился он к Юзика и похлопал рукой по плечу.

Юзик стоял ошеломленный и как—то криво улыбался.

— А вот и еще "крестьяне" идут, все родственники, — сказал дед, кивнув головой в ту сторону, откуда направлялись несколько людей, мужчин, женщин и детей.

— Вот тетя Агата, вот твой двоюродный брат Ким, сестра Римма ...— знакомил дед.

Вся эта родня обступила Юзика, приветствовала, обнимала, целовала. Подошли и другие "крестьяне".

— Михася сын! С Польши! —слышались голоса.

— Это тот, что исчез в двадцатом году? Помню, я с ним как раз тогда был в поле.

Одним словом, Юзик оказался в своем родном окружении. Много людей знало его отца, вместе свиней пасли, в ночное ездили. Действительно, это сельчане с Курычей.

Но ведь нет ... Это, наверное, сон ...

Неужели эта почтенная дама, так хорошо одетая, с таким лицом, такими руками—неужели она родная сестра его отца? Или этот господин, похожий на какого-то артиста неужели он вместе с отцом свиней пас? Неужели этот двадцатилетний барин со странным именем "Ким" сын отца брата? А на сестрицу и взглянуть страшно. Таких барышень он видел только через забор в саду господина Загорского.

— Ну, хватит! —прокомандовал дед. —Дайте ему поесть. Будет еще время пообщаться.

Но легко ему говорить—есть! Юзик лучше согласился бы совсем не есть, чем садиться за этот стол. Кто его знает, как тут подступиться! Полез руками в тарелку за сыром, а дед толкает—бери вилку! Полез за куском сахара, а дед говорит—бери ложечкой! Смущен Юзик, наконец, в яйцо начал тыкать вилкой и опрокинул стакан с чаем ...

— Эх, брат! —засмеялся дед. —Сразу видно, что ты из Западной Европы! Давай я тебе помогу пока научишься.

Кончились страдания, и дед повел Юзика на другую сторону здания. Уже стемнело и засветились электрические лампы. В одной комнате с зеленым светом было много шкафов с книгами, а за столами сидели люди и читали. Тихо здесь было, говорили шепотом. В другой комнате собрался более живой народ; слышался смех, играли в шахматы и другие неизвестные Юзику игры. Третья комната была оборудована мягкой мебелью и там на диване сидели Ким и Рима.

—Поручаю его вам! —сказал дед, подводя Юзика.

— Нам сразу же на лекцию надо идти, —ответили они. — Захочет ли он с нами скучать?

— Нет, я очень хочу! —ответил Юзик.

— Ну и хорошо! —сказал дед и вышел из комнаты.

Юзик, словно волчонок, взглянул на своего брата и сестрицу. Девушка заметила это и весело засмеялась.

— Что? Боишься? Страшные? —сказала она.

Юзик устыдился.

— Нет ... Но ...— пробормотал он.

— Что "но"?

— Да как—то странно все это.

— А что тебя удивляет? —спросил Ким.

— Да как—то не похоже все.

— Кто? Мы непохожи?

— И вы.

— На кого?

— На людей, —как-то невольно вырвалось у Юзика.

Рима и Ким аж склонились к полу от смеха.

— А на кого мы похожи? —еле выговорил Ким.

— На господ, —буркнув Юзик.

— Ну так что же? Плохо ли это?

— Нет. Но я думал ...

— Ну, что же ты думал?

— Что здесь свои люди.

Снова хохот:

— А почему же ты сейчас не хочешь признавать нас за своих?

— Я—ничего. Но вы не будете признавать.

— Почему так?

— Да вы—паны.

Ким подмигнул Риме и произнес:

— Но теперь, если ты будешь жить с нами, то и ты будешь пан. Вот и будем свои.

— Я простой. Я пастухом был у пана.

— А я еще более простой! —комично вздохнул Ким. —Я за свинарником ухаживаю.

—А я коров дою! —тоже вздохнула Рима, сложила руки между колен и подняла глаза вверх.

Юзик недоверчиво посмотрел на них, а потом вспомнил "докторскую" профессию деда и пожал плечами:

— Кто здесь вас разберет ...

— Хочешь, я тебя научу, как сразу все это разобрать? —уже серьезно произнес Ким.

— Как?

— Забудь ты про свою Польшу и не ровняй их строй с нашим—вот и все. Смотри у нас на все, как оно есть—и больше ничего. А если ты будешь постоянно сравнивать, то

постоянно будешь смешить людей. Так наши куры весь век могут удивляться, если начнут сравнивать свои ноги, перья, голову, скажем, с лошадиными. Понял?

— Немного понимаю, но не привык еще.

— Вот и привыкай. Но уже время идти на лекцию. Пойдем.

Они вошли в комнату без окон, с рядами кресел с экраном впереди. Видно было что это—кино, только перед креслами стояли столики—пюпитры для писания. Постепенно кресла заполнялись людьми, главным образом молодежью, но были люди и более тридцати годов.

Юзик никак не мог понять, что здесь: или кино, или кино, и с интересом ждал, что будет дальше. Вот свет погас. На экране появился человек, рядом с ним классная доска. Человек пошевелился немного, оперся о свой стол и ... заговорил! Заговорил обычным голосом, как каждый человек:

"В прошлый раз мы с вами остановились, кажется, на разложение в ряды различных трансцендентных функций, если не ошибаюсь, синуса гиперболикума и косинуса гиперболикума. Теперь перейдем к обратным круговым функциям. Ну вот, пусть мы имеем (и он написал на доске: $Y = \arctg x$). Эта функция периодичная, и поэтому означает соединение бесконечного количества значений переменной x , удовлетворяющих этому уравнению. Если разлагать эту функцию по обычным правилам, в ряд. Тэйлера или Маклерэна, то это было бы очень трудно, потому что, как вы знаете, выводимые высших порядков от аркустангенса определяются очень сложно. Поэтому мы применим здесь несколько искусственный способ. Продифференцируем уравнение и развернем выводимую простым делением (и он снова написал на доске $d \arctg x + \frac{dx}{1+x^2} = (1 - x^4 + x^4 - x^6 + \dots dx)$ теперь проинтегрируем это уравнение от нуля до x (здесь уже профессор написал еще более хитрую штуку: $\int d \arctg x = \int \frac{dx}{1+x^2} = \arctg x = x - \frac{x^3}{3} + \frac{x^5}{5} - \frac{x^7}{7} + \dots$).

И пошел, и пошел крыть...

Перед слушателями на столах были маленькие лампочки под капюшонами. Если их включить, они освещали только тетради и больше света не давали. Каждый раз, когда надо было записывать, слушатель зажигали эту лампочку. А Юзик сидел, раскрыв рот, и поглядывал то на профессора, то на слушателей. Он не знал, чему больше удивляться: или тому, что профессор на экране говорит, или тому, что на свете существуют такие хитрые науки, или тому, что слушатели, видимо, понимают ее.

Прошло десять—двадцать минут, полчаса.

Умная лекция всё идет да идет. Наконец, Юзик не выдержал и ... уснул.

Если его растолкали, в зале было светло. Перед ним стояли Ким с Риммой, и другие слушатели и весело смеялись.

Подошел дед отвел Юзика в свою комнату. Ложась спать Юзик спросил деда:

— Что это за школа такая?

— Это—университет.

— Как—же это профессор говорит на экране? Он настоящий?

— Самый настоящий. Читает лекции в Минске, а здесь видят и слушают. Наука давно уже соединила радио и кино. Или у вас там не было?

— Слышали мы, как сказку, что в панском доме есть такая штука, но мы не видели. А на кого учатся Ким и Рима?

— На людей, —улыбаясь ответил дед.

Юзик недоуменно взглянул на него.

— В университетах учатся или на доктора, или на инженера, или на профессора, а тут как это—на людей? — промолвил парень.

— Если надо будет, они и инженерами будут, а если нет, то и впредь будут убирать свинарник и доить коров. Или нет всё равна? Наука никогда не повредит.

— И Рима может быть инженером?

— Конечно, может. Возможно, она и пойдет дальше учиться, так как имеет к этой науке и большие способности и большую охоту.

— Так она же девушка! — воскликнул Юзик.

— Опять ты со своими старыми глупостями! — покачал головой дед. — Разве не все равно, мужчина или женщина? У нас во всей стране не найдется ни одного человека, которому могло бы прийти в голову такая ерунда.

— А если каждый захочет быть инженером или профессором?

— Ну нет, братец! Таких желающих не очень уж много. Работа инженера или профессора более тяжелая и ответственная, чем наша. А какую лучшую жизнь он может себе придумать? Или больше, чем нас съест масла, мяса и других вещей? Или в лучшем доме будет жить? На ту работу идут только те, кто проявил лучшие способности и желание. А если таких наберется больше, чем надо, то выберут самых способных к этой работе. Прочие ничего не теряют, так как живут так же, как и инженеры, и могут себе заниматься наукой, сколько хочется. Вот у нас есть один скотник, коров кормит. Он ученый не менее профессора, но свою должность не бросает. Отработает свои пять часов и сидит в лаборатории над различными своими химическими исследованиями. Изучает, что и как добавить в корм для скота, чтобы больше было пользы, постоянно возится с этим делом. Напечатал много научных статей, которые принесли большую пользу другим хозяйствам. У нас нет такого разделения труда на худшую и лучшую, как вы там привыкли думать. Худшей работой у нас считается та, которую человек хуже выполняет,

а самая лучшая та, которую человек лучше выполнит. Когда я досконально буду удирать свой курятник, я буду пользоваться большим уважением, чем инженер, который свое дело сделает кое-как. Вот поживешь и увидишь, что ничего удивительного здесь нет. Куда более удивительно то, что за границей делается. Вот это действительно чудо!

Юзик долго ворочался в постели с боку на бок. В голове было столько необычайных впечатлений, столько мыслей, что и сон шел. А когда он как-то случайно вспомнил, что приехал только сегодня, да еще после полудня, то даже вскочил и сел на кровати. Не может быть! Неужели это правда? Он же ж тут много дней, даже недель, месяцев!

Не зря говорят, что жизнь человека измеряется не количеством лет, а количеством впечатлений, которые он пережил.

4. ПТИЧЬЕ ЦАРСТВО

Утром открыл Юзик глаза, глянул: большая белая комната, широчайшее окно, море света, щебетание птиц почти над самым ухом, кровать у другой стены. Где ж это он?

В этот момент открылась дверь, и вошел дед бодрый, веселый.

— А ты уже проснулся? — сказал он. — А я уже свою утреннюю работу сделал. Вставай, пойдем умываться, а потом завтракать.

Дед повел Юзика вниз, в комнату, где были умывальники, ванны, краны.

— Раздевайся, становись под душ! — скомандовал дед.

Юзик стал под какое-то решето, дед покрутил краны, и парень запрыгал под довольно холодным дождем.

— Ничего, ничего! — подбадривал дед. — Это очень здорово. Я каждый день так делаю, зато чувствую, что проживу еще не менее сорока лет.

— А я чувствую, что проживу сто лет! — пошутил Юзик, когда вытерся и оделся.

— Не сразу, — ответил дед. — На сто лет одного этого не хватит. Нужно еще немного физкультурой заняться. Почти все наше население занимается вот в той соседней комнате, по группам соответственно возрасту. Даже тетя Агата не отстаёт.

— Неужели и тетя?! — воскликнул Юзик.

— А почему нет? Конечно, она не прыгает и не выкручивается так, как ваш брат. Для каждого есть — соответственные упражнения, которые укрепляют и берегут тело. Даже я некоторое время занимался, да, к сожалению, оставил и теперь только каждый день вот так купаюсь. Вот присоединишься сам и увидишь.

Зашли в ту самую столовую, но людей там было значительно меньше, чем вчера.

— Завтрак подают от семи до десяти часов, — говорил дед. — Каждый ест, когда ему выгодно. Вот тебе кофе, бери хлеб, масло, яйца, что хочешь, только попроторнее.

На этот раз Юзик был уже куда увереннее.

— А я попрошу жареного мяса, — говорил далее дед. — Тебе не предлагаю, потому что не стоит детям есть много мяса.

— Да я и не хочу, — сказал Юзик, толкая булку с маслом и с голландским сыром.

Когда немного поел, то спросил!

— Откуда это все берется? Кто дает? Кто платит?

— А зачем же наше хозяйство, зачем же мы работаем? А платить самим себе не нужно.

— А если кто будет есть — больше, будет есть только булки с маслом?

— Ну и пусть ест себе на здоровье! — засмеялся дед. — Больше, чем нужно человеку, никто не съест.

— А как одежда и другие вещи? — спрашивал Юзик.

— Также, как у вас там в семье. Что человеку нужно, то ему и приобретают.

— Как же всего этого хватает? — удивлялся парень.

— Вот в этом и все дело! — подхватил дед. — Если бы ваш пан Загорский все свои доходы с имения распределил между всеми своими работниками, так и у вас хватило бы на всех. А у нас, кроме того, и вся промышленность, вся работа поставлена лучше. У нас оборудование лучшее, работа более научная, мы работаем уже лучше, быстрее, — потому и прибыли у нас еще больше, чем у ваших панов, поэтому на всех еще больше приходится.

— А если кому нужны деньги на свои собственные дела?

— Э, да ты, брат, как я вижу хозяин! До всего доходишь! — сказал дед и похлопал внука по плечу. — Ну так вот. Таких потребностей уже немного. Все основное содержание каждый из нас имеет. Придет время, когда деньги и вовсе отменят. Но пока что они нужны для расчётов. Еще не все хозяйства одинаково работают, одинаково производят. Кто лучше хозяйствует, тот больше имеет. Каждое хозяйство меняет, продает свои продукты, чтобы купить себе другие нужные вещи. Для этих расчетов и нужны были деньги. Нужны они и для общих подсчетов и расчетов по всему государству, нужны в торговле с зарубежными странами. И, наконец, нужен каждому из нас на личные дела. Один любит, например, шоколада, другой хочет приобрести себе собственный фотоаппарат, велосипед, третий любит путешествовать и т.д. Удовлетворить каждого всем, что придет ему в голову, конечно, пока еще невозможно. Эти дополнительные нужды каждый устраивает на свои собственные средства, ради чего мы получаем еще и пенсию.

— А пенсия тоже одинакова, как и все прочее?

— А вот здесь уже есть разница. Пенсия, кроме того, служит для регулирования, распределения профессий. Если, скажем, набирается много желающих быть инженерами, а мало желающих быть учителями, то учителям увеличивается пенсия—и люди направляются на эту работу. Если очень много народа хочет быть и учителями, и инженерами, а не хотят пахать землю, то увеличивается пенсия за эту работу, больше чем инженерам и учителям. Да и вообще пенсия служит для того, чтобы придать охоты в каждой работе.

Только теперь Юзик в первый раз почувствовал, что немного начинает понимать этот удивительный мир, в котором он чувствовал себя, словно в лесу. Но понимание было еще очень смутное. Что там ни говори, а на протяжении всей своей хоть и небольшого жизни он ежедневно находился под влиянием совершенно иных условий, впечатлений, воздействий. И вот в течение нескольких дней все это летит вверх тормашками. То, что для здешних людей было мелочью, обычным явлением, для Юзика было чрезвычайным, сложным вопросом.

Больше всего мешало то, о чем говорил вчера Ким, это—сравнение с тем миром, в котором он до сих пор жил. Хотя и умный совет дал Ким, но выполнить ее было не так уж просто.

— Неужели во всей стране так живут? Неужели нигде нет ни одной деревни? —спросил он еще.

— А как тебе кажется? —улыбнулся дед. —Могут найтись дураки, которые добровольно согласились бы жить рядом на своих мизерных хозяйствах, вместо того, чтобы жить так, как мы?

— А может не все так живут? —сомневался Юзик. —У вас же есть какая—то большая птичья фабрика?

— А у других есть свиная или коровья фабрика, у третьих картофельная фабрика, хлебная, льняная, яблочная и т.д.

Каждому хозяйству даются все возможности обустроиться как следует. А наши индустриальные фабрики дают нам для этого все, что только нужно. Не использовать эти возможности может только ленивый. А разве может быть, чтобы в коллективном хозяйстве собралось, скажем, пятьсот человек и все лентяи? Ну, пойдем, покажу тебе нашу фабрику.

Вышли из здания, прошли двор—сад и оказались словно в каком-то другом городе. Огромные здания, бетонные, железные, с трубами, вышками, надстройками поднимались по сторонам площадей и улиц, вымощенных цементом равных, как стол. По внешнему виду никак нельзя было догадаться, что это за здания. Вот то высокое здание—возможно фабрика почему-то без окон. Это низкое, но занимает такую площадь, что на ней поместилась—бы большая деревня. Там окна занимают всю стену, а там они прилажены почему высоко- высоко, а в некоторых так и вовсе без никакого порядка: со стороны криво, наискосок.

— Пойдем посмотрим на наших наседок, —сказал дед и направился в одно из широких низких зданий. Вошли в него, а в нем словно улицы, а по сторонам этих улиц тянутся новые здания, железные, длинные-длинные, узкие и без окон. Они немного напоминали склады на железнодорожных станциях.

Никаких наседок пока что не было слышно.

Около каждого из этих складов ходил человек, глядя на градусники и другие устройства, которые были на стенах, кое-где к чему-то прикасался. Дед подошел к одному из них, о чем-то переговаривал, и они направились к передней стенке одного из этих длинных зданий. Теперь только увидел Юзик, что здесь были двери, но так плотно подогнанные, что сам бы он никогда не заметил.

Отворилась дверь, и они вошли в какой—то темный, теплый закуток. Вторые дверь открыли—и вошли тоже в

темное помещение, но такое теплое что Юзик готов был подумать, что это—баня.

Зажгли свет —и Юзик увидел коридор, который тянулся, казалось, на несколько километров, а по сторонам его в ящиках ровными рядами лежали яйца. Но и здесь никаких наседок не было видно.

Но тем временем дед начал объяснять:

— Вот это и есть наша наседка—инкубатор. Он дает такое же тепло, как тело курицы, это значит сорок градусов. Из—за того, что курица греет яйцо сверху, здесь тоже яйца снизу немного охлаждаются. Кроме того, курица, как ты и сам, наверное, знаешь, время-от-времени поворачивает яйца. Поэтому и здесь они переворачиваются два раза в день.

— Как можно столько яиц перевернуть—прервал Юзик.

— Конечно не руками. Даже заходить внутрь не надо. Там снаружи нужно только кнопку нажать, и каждый ряд перевернется. Видишь, они в желобках. Кроме того, каждые шесть дней нужно проветривать всё помещение. И через три недели вылупятся цыплята, как положено. Здесь пятьсот тысяч яиц.

— Неужели из всех них вылупятся цыплята ?!

— Пожалуй из всех, потому что есть способ заранее узнать, с каких яиц проклянутся, а с каких нет.

— Ну, и додумались! —с восторгом произнес Юзик.

— Э—э, браток! Это старая штука! —вмешался человек, который ухаживал за этим инкубатором. Китайцы и египтяне уже две-три тысячи лет назад знали об этом. Только, вместо электричества, они употребляли печки, даже навоз.

Вышли. Миновали еще три таких инкубатора.

— В каждом из них столько же яиц. Только одни положены раньше, другие позже. Вот в этот уже стоит заглянуть: здесь как раз вылупляются цыплята.

Тут уже работало около двадцати женщин, в белых халатах, словно сиделки в больнице. Они выбирали "готовых" цыплят. Во всем помещении слышалось тихое музыкальное цвikanье, словно кто дергали тысячи струн. Одни чуть пробивались, другие освободились наполовину, а некоторые героини даже бегали. Женщины ловили этих героев, ухаживали за другими, помогали им освободиться, собирали скорлупу. Все это они клали в коробки, которые медленно двигались рядом на платформах.

Эти платформы обходили кругом и терялись; в конце коридора-инкубатора.

Дед повел Юзика в тот конец, и конвейер привел их в другое помещение, где другие женщины брали коробки с цыплятами и "сыпали" их в загородки вдоль стен, аж в три этажа. Скорлупа же от яиц шла дальше.

— Около двадцати тысяч килограммов этой скорлупы собирается у нас за год, — заметил дед, — и ни одной скорлупки не пропадает: ее моют, мелят в муку и добавляют в корм тем—же курам.

Но Юзик даже не услышал этого замечания. Он с восхищением следил за этим морем желтоватеньких комочков, которые забавно шевелились, щебетали, теснились друг к другу. По краям этих полатей были приспособлены желобки-кормушки, а у стены низенькие навесы, обшитые снизу мягкой фланелевой материей. Цыплята теснились под эту крышу и чувствовали себя словно под крыльями матери.

— Здесь они живут тридцать пять дней, — объяснял дальше дед. — Температура всё время—двадцать пять градусов.

В некоторых кормушках были уже насыпаны крупинки творога. Некоторые цыплята пробовали уже клюнуть их, но так неуклюже, смешно, что каждый улыбнулся бы, глядя на это.

— Как набраться на всех их творога? — сказал Юзик.

— А это творог из сои, гороха такого. В нем даже больше жирности, чем в молочном твороге.

Оттуда они перешли в помещение, где были цыплята—подлетки. Огромное, высокое здание имело стеклянную крышу. Много стекол наверху было открыто. Таким образом в помещении было солнца и воздуха, пожалуй, столько же, сколько и на воле. Кроме того, уют цыплятам создавало множество жердей наверху.

Здесь уже был большой шум и столпотворение. Особенно старались петушки. Несколько пар их билось внизу, на бетонном полу. Другие забрались как можно выше и смешными сиплыми голосами старались петь, как взрослые. Птиц было столько, что каждое движение, взлет, звук в общей сумме составляли такой шум, будто гудели от ветра верхушки деревьев в лесу во время грозы.

— Здесь начинаются мои служебные обязанности, — сказал дед. — Два раза в день нужно очищать пол от навоза. Видишь, вот это устройство ...

— Знаю, — прервал Юзик, — Я видел, как в городе мыли улицу.

— Она самая и есть. А потом вот по этим рельсам привозят в вагонах ячмень и сыпят им.

— Но как вам заниматься своей работой, — засмеялся Юзик, — если сверху постоянно словно град сыплет.

Дед тоже засмеялся.

— Ну, что ж! — сказал он, — Нужно надевать специальную одежду—и больше ничего. А над самой серединой, как видишь, и жердей нет. Сюда сыпется ячмень. А там видишь и корыта с водой для них. Зимой помещение отапливается. Таких помещений для подлетков есть несколько. А теперь перейдем к взрослым.

Помещение для взрослых кур было такое же, как и для подлетков, только вдоль всех стен в несколько рядов шли корыта с соломой. Сотни куриных голов высывались оттуда. Беспрерывно то в одном, то в другом месте вылезали куры, что уже снесли яйца, становились на ребро корыта и начинали кудахтать так, что аж в ушах звенела. Иногда таким образом кудахтали кур двести сразу! Вместо них садились новые куры, толкались, ругались. А вверху покрикивали петухи, словно ругаясь на женский шум. Чтобы куры сверху не загрязнили корыта, над ними сверху жердей не было.

— Вот наша фабрика яиц—сказал дед. —Здесь двести тысяч кур, да еще рядом таких помещений девять.

— Почему они все белые?! — вскрикнул Юзик.

Действительно все они были белые, и от этого казалось, словно все вокруг, особенно вверху, было покрыто снегом.

—Это порода такая—леггорны. Они очень носки. Каждая курица несет в год, двести пятьдесят—триста яиц – бывали случаи, когда курица давала триста пятьдесят девять яиц в год, почти каждый день по яйцу. Но ухаживать за ними нужно хорошо, чтобы была чистота, свежий воздух, а зимой помещение отапливалось. Специальный доктор следит за их здоровьем. Вот как раз едут за яйцами.

По узеньким рельсам к воротам двигалась десятка два вагончиков. Их толкали женщины. Рельсы завернулись в сторону, вдоль стен. На вагончиках были коробки со стружками. Женщины быстро и ловко начали собирать яйца и запаковывать в коробки.

— Сегодня вечером за многие сотни километров отсюда будет уже ужинать этими яйцами, —заметил дед.

Потом дед повел Юзика в здание, где забивали в основном петухов и цыплят на мясо. В первой комнате с двух сторон у стены стояли два человека в фартуках и резиновых

перчатках. С десяток ребят подвозили к ним связанных кур и давали в руки.

Люди в перчатках брали их, касались куриной головой каких-то кнопок и бросали дальше уже мертвыми. Ни крика, ни возни, ни крови. Десять парней чуть успевали подвозить и совать в руки кур.

— Как это так! — удивился Юзик. — Неужели всё кончено, больше ничего?

— Дело просто: они убивают электричеством, — ответил дед. — Эти два работника за пять часов таким образом могут убить двенадцать тысяч кур. Куда более сложное дело поймать их и подать в руки. К сожалению, нет еще машины, которая бы сама это делала. Также, как нет машины, которая бы щипала перья. Видишь, там сколько людей должно этим заниматься.

Но более удивительной была другая операция— потрошение. В комнате, похожей на больницу, с блестящими сложными машинами, стояли четыре "доктора", брали ощипанных кур, что—то такое делали возле машины и бросали курицу дальше, такую же целую, но уже без внутренностей. Внутренности по трубе шли куда—то вон. Эти четыре человека потрошили за тот-же самое время столько кур, сколько первые два убивали.

— На этот раз хватит, — сказал дед, когда они вышли из фабрики. — Далее убиты куры идут в холодильник, а если близко, и нужно, тогда отправляются сразу, свежими. Также делается и с яйцами. Внутренности сушатся, и из них делается мука для корма и удобрения.

— А где ваша электрическая станция?

— Да ее у нас и нет вовсе. Районная электростанция находится более ста километров от нас и обслуживает весь район на сто километров вокруг.

5. А Д ССР

Юзик возвращался домой словно из большого путешествия. Инкубаторы, красивые цыплята, подлетки, несушки, бойня, — все это было таким чрезвычайным, огромным, что охватить сразу и не было возможности. Все это казалось сказкой.

— Дедуня! Услышите он голос рядом, и увидел, как к деду подбежала красивая девочка лет пяти.

— Ах ты, цыпленок мой! — сказал дед и поднял ее на руки.

— Пойдем к нам играть, — сказала девочка.

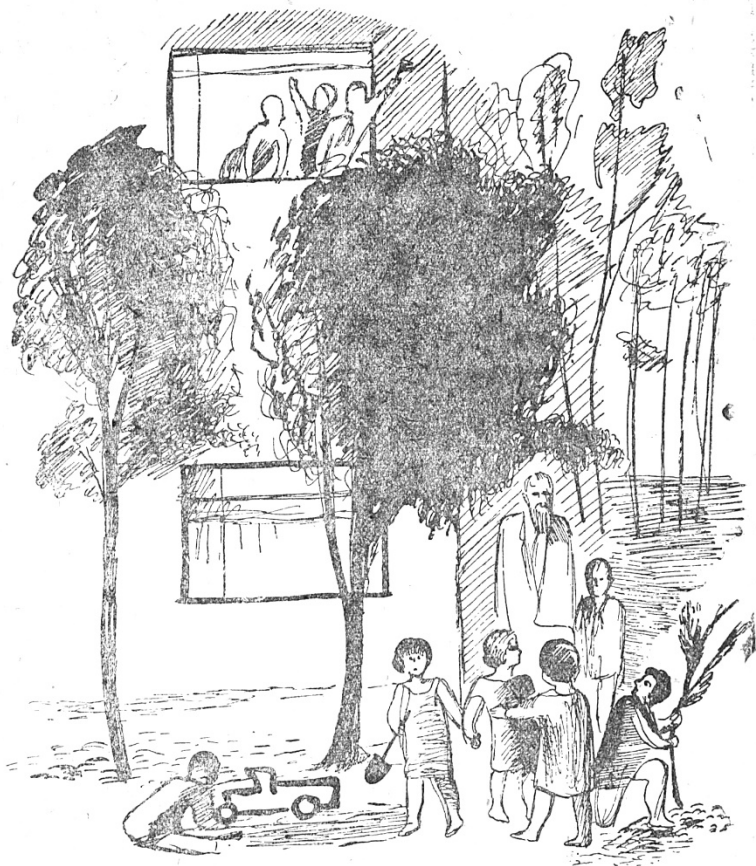
— Придется пойти, — обратился дед к Юзику. — Твоя сестра, дочь Агаты, зовет.

Они в это время были в саду, с той стороны дома, куда выходило окно дедовой комнаты. Здесь среди деревьев было отдельное двухэтажное здание, которое соединялось с главным корпусом коридором.

— Здесь находится автономная советская социалистическая детская республика, — смеясь, сказал дед.

Населения республики было занято упорным трудом: копались в песке, возили его, сажали сады, строили хозяйства. А сколько здесь было строительных материалов и всякой другой собственности! И бревна, и целые части зданий, и автобусы, и поезда, и пароходы, и животное всякое, и инструменты разные.

— Посмотри, какой мы коровник сделали! — сказала девочка, сидя на руках у деда и указывая на свое строительство.

— Чрезвычайно хорошо! — наклонился дед и спустил внучку. — Только зачем вы сюда и волков, и медведей напустили?

— Ничего, они домашние, добрые, — ответила девочка и дед с внуком вошли во внутрь. В больших комнатах было не меньше света, чем снаружи. Тут также работали дети, рисовали, рассматривали книжки, рисунки; кружок постарше был из железных частей считай, что настоящих машин.

Воспитательница ходила от кружка к кружку, делала замечания, объясняла, выходила в сад, снова входила.

В нижнем этаже было две комнаты для занятий, работы и игр, столовая, оборудованные маленькой красивой мебелью и, наконец, купальня. Эта купальня понравилась Юзику больше всего. Большое, светлое помещение, с изразцовые полом и стенами окруженные низенькими скамьями. В середине было углубление, бассейн, с широкими и низкими степенями. Этот бассейн был такой глубины, что через него, как говорят, курица могла бы пройти, но это не мешало детворе чувствовать себя здесь лучше, чем в каком—либо другом месте.

Вот и сейчас здесь собралось под присмотром воспитательницы человек двадцать детей. Что они здесь делали, как барахтались, подрагивали, кувыркались, "плавали", кричали! Воспитательница ходила по этому бассейну, даже не подняв платья, и едва успевала наводить порядок.

— Вода сюда пускается только во времени купания, — начал объяснять дед, —и всегда с определенной температурой, которая в данный время нужна. Вода, как видишь, не стоит, а постоянно течет.

— Может и зимой здесь можно купаться? —спросил Юзик.

— Конечно. Весь год они купаются также, как сейчас. Разумеется, определенное время, а то, чтобы им дать волю, то они так и просидели бы здесь весь год. Тоже самое мы собираемся построить и для взрослых, но пока что не могли. Нужно много воды и тепла. В других местах это есть.

Подошла воспитательница.

— Сейчас начинается самая тяжелая работа, —сказала она, —вытянуть их из воды. Когда наступает это время, никакого совета не дашь. Прямо хоть за уши тяни. Ну, детки, вылезай! Пора уже. Хватит!

— Тётя! Милая! Еще минуточку! Ну что вам стоит! Чуть-чуть только! — закричали со всех сторон и еще больше начали плюхаться и дурачиться.

— Нет, нет. Хватит, будет. Вредно. Вылезайте! — и она поймала двух детей и вытащила их на берег. — Одевайтесь!

Те неохотно начали вытираться. А когда воспитательница отвернулась, они снова бросились в воду.

Дед и Юзик не могли удержаться и рассмеялись. А детвора еще больше начала стараться. Воспитательница делала строгое лицо, но по губам и глазам: было видно, что и ей весело.

— А! Вот вы как? Воскликнула она внезапно — Ну тогда я тогда по—другому сделаю! — И она покрутила какой—то кран.

Тотчас вода в бассейне начала уменьшаться. Потихоньку, медленно, но неуклонно воды становилось всё меньше и меньше. Вот уже ее осталось на два пальца, на палец ...

Крик и писк усилились. Детвора еще больше зашевелилась, используя последний момент ползала на животе, хлопала руками по полу.

И, наконец, осталась на суше, словно рыба в высохшей луже.

Тогда только начали выходить из бассейна, да и то не сразу. Надо было еще напоследок попрыгать по влажной полу.

Дед смотрел на эту сцену, и, казалось, каждая морщинка на его лице светилось внутренним светом.

Поднялись на второй этаж. Там были спальни для детей. Чистые полы, кровати, ни пылинки, ни

одной мухи. Воздух—будто в лесу. Идя по стеклянному коридору, Юзик заметил, что с одной стороны окна выходят не просто в сад, а в какую-то отгороженную часть его с стеклянной крышей.

— А это для чего? — спросил он деда.

— Это—зимний сад. Половина здания не имеет второго этажа и во всю высоту отведена под зимний сад. Это помещение зимой отапливается, и здесь растут растения весь год. Дети зимой, играют в саду, как и летом.

— И сад и купальня! —с восторгом воскликнул Юзик.

— Да. И зимой, и летом условия почти одинаковые. Мало того: они и солнцем пользуются также, как и летом, даже загорают.

Хотя и достаточно чудес насмотрелся Юзик за это время, но тут остановился, разинул рот и уставился на деда.

— Каким образом?! — сказал он, наконец.

Дед улыбнулся.

— Если ты хоть немного грамотный, то должен был слышать, что давно уже, лет, наверное, с тридцать назад, изобретено стекло, которое пропускает полезные солнечные лучи, которые обычное стекло не пропускала. Кажется, лучи эти называются ультрафиолетовыми. Так вот, все окна здесь из этого самого стекла. Если дети сидят или спят в комнате, то это то же самое, что и на солнце. В других зданиях стекло пока обычное, так как заменить все стекла еще не можем. Но это еще ничто по сравнению с тем, наши электрические лампочки служат нам вместо солнца, даже зимой. Они тоже сделаны из этого стекла, и через него электричество дает те-же самые ультрафиолетовые лучи, что и солнце. Если час-другой полежать под этим домашним солнцем, то будет, то же, что и под настоящим солнцем, даже загорись, как на юге. И это еще не все: вычислено, что за эти два часа лампочки дают больше полезных лучей, чем наше солнце за несколько летних недель. Таким образом, в зимние морозы, или в осенние дождливые вечера мы можем пользоваться солнцем, как на лучших южных курортах. Вот тут над кроватями на некоторое время спускаются лампочки на полметра от детей, и они голые спят себе, словно под солнцем. Этим и мы все пользуемся.

Юзик слушал деда и ему припомнились сказки, что он читал: про какую-то лампу Аладдина, про Марысю и маленьких подземных человечков—гномов с фонариками. Но и эти сказочные вещи были ничто по сравнению с тем, что говорил сейчас дед. Ни в коей сказке никто не мог додуматься до собственного домашнего солнца. А дед говорит об этом, как о самой простой, обыкновенной вещи.

— Неужели все это правда? —прошептал Юзик.

— Вот чудак! —засмеялся дед. — Да это же самая обычная научная вещь, как, скажем, электричество, радио и так далее. Удивительно только, как это ты не слышал о ней. Подожди немного и сам увидишь и почувствуешь на себе.

Когда они возвращались к своему дому, их окликнул голос сверху:

— Ну, что? Показал нашему иностранца хозяйство?

Юзик поднял голову. На балконе среди цветов, в красивом платье, с голыми руками, сидела в кресле-качалке тетя Агата с книгой в руках и вежливо улыбалась. Юзик вспомнил, как однажды через забор видел в таком состоянии госпожу Загорскую, как смотрел на ее издали и старался представить себе, как ощущают себя паны. А эта госпожа, говорят, родная сестра его отца, крестьянка деревни Курычы... А ее брат—темный, безграмотный батрак...

— Немного показал, — ответил тем временем дед. — Видел и твою доченьку. Играет во всю.

— Надо будет навестить. Соскучилась по ней, — сказала мать.

— У тебя сегодня выходной?

— А то.

Когда поднимались на крыльцо, Юзик не выдержал спросил:

А тетка Агата также воспитывалась, как и мой отец? Каким образом она сделалась паняй?

Дед остановился и весело захохотал.

— Опять ты свое? Она—же никакой паняй не сделалась! Ту же самую работу делает, как и раньше, также свиней кормит, только в лучших условиях. И еще подучилась, будучи уже взрослой, и живет по-людски, как и все мы. Да и вообще, что значит "барин"? Барин это тот, кто ничего не делает, живет работой других людей и считать своей собственностью все хозяйство. А таких в нас нет ни одного. А когда ты привык считать барином каждого человека, который живет культурно, тогда считай себе всех нас панами, ведь каждый из нас может и должен быть культурным. А лучше всего в нашей стране забыть на слово "пан". Э-эх! Смотрю я на тебя и думаю, какие в тебя старые дедовские взгляды! Если-бы тебе мою седую бороду, то ты мог-бы быть дедом, а я твоим внуком. Обедать хочешь?

— Нет еще.

— Ну, так походи сам, присмотришься.

Дед пошел в дом, а Юзик остался на крыльце. Постоял чуть, потом присел на ступеньку. И к месту был ему этот перерыв, ведь голова не могла переварить столько новых, необычных впечатлений. Вот, если—бы сюда еще папку! Вот—бы подивился на свою родную "деревню Курычы", познакомился со своим отцом, братьями, сестрами, племянниками и товарищами. Надо будет все подробно описать ему, но как тут опишешь. Да и не поверит, скажет—врешь. И Максимку и Мотэля сюда. Знал ли Мотэлев отец и Антэк про все это? Видимо, нет, ведь говорили все вообще: панов нет, всем хорошо живется, а что и как—неизвестно. Вот чтобы еще учителя и ксендза сюда! Что—бы они запоют, смотря на этот "ад"? Но они ученые, они, видимо, знают все это, но врут, ведь не хотят, чтобы и простым людям хорошо жилось, они хотят, чтобы только они одни были панами. Не

спроста они все там свирепствуют у себя... А может ничего такого совсем и нет? Может он снит все это?

И Юзик даже ущипнул себя.

Не, кажется не спит.

— Что этот ты, браток, тут сидишь один? Пойдем, я тебе найду приют.

Перед Юзиком стоял Ким, веселый такой, резвый.

— Да уж я насмотрелся сегодня, — сказал, Юзик.

— А что ты видел?

— Кур, ребят.

— Ну, так я тебя покажу еще нашу школу.

— А что, в ней и летом занимаются?

— Малыши, что учатся читать и писать, не занимаются.

А такие-то, как ты, занимаются весь год.

— Я уже закончил школу, — гордо ответил Юзик.

— Боюсь, что она тебе ничего не дала, — улыбаясь, сказал Ким.

Оны направились к строению, что виднелся поодаль меж деревьев. Опять большое, красивое двухэтажное каменное здание, в которой даже и стен не было, а все окна.

Когда Юзик шел смотреть школу, то совсем не собирался удивляться. Достаточно уже надивился! Конечно, будет школа, как школа, только в сто раз лучшая за ту, в какой он учился.

Но на самом деле он увидел нечто, совсем непохожее к школе. Это был ряд комнат, оснащенных обычными столами и стульями, шкафами и полками —с разными учебными инструментами. В одной комнате две девчонки и мальчик сидели над одной книгой, что-то в ней разбирали, записывали себе в тетради, спорили. Во второй комнате, оснащенным, как аптека, три-четыре человека нечто готовили; если-бы не открытые окна, от вони нельзя было-бы сидеть, но для зимы тут были широкие вытяжные трубы. В третьей комнате

возились с какими-то машинами, а дальше по-видимому была мастерская. Одним словом, тут было все, кроме парт, скамеек и всего того, что определяет школу. Одна только вещь, огромная черная доска в каждой комнате, чуть напоминала школу.

— Это и есть школа? — спросил Юзик в Кима. — А где — же парты, ученики, учитель?

— Ученики, видишь, занимаются, а учителя поищем. Он должен быть где-то тут. И вот он, в саду.

Юзик увидел через окно несколько учеников с учителем, которые возились на грядках около растений.

— Неужели ученики занимаются без учителя? — удивился Юзик.

— Почему нет? — не понял Ким. — Видишь, вон учитель.

— Но ученики одни. И они не учатся, а просто чем-то занимаются.

— Это просто и есть настоящая наука. Каждый из этих учеников изучает определенный научный вопрос. Учитель уже объяснил им его и, кроме того, они в процессе работы обращаются к ему, когда что непонятно.

— Таким образом они могут и не учиться, когда никто не заставляет, — со взрослым видом промолвил Юзик.

— Вот оно что! Вы там привыкли учиться только тогда, когда кто с тростью стоит над зашейком? А когда ты мастеришь себе какую-нибудь вещь, заставляет ли кто тебя?

Это для себя, ради интереса и игры.

— Ну, так, наука тоже: и для себя, и для интереса, и, кроме всего для пользы. Каждый нормальный и здоровый ученик не может не интересоваться этим. А когда кто — то не хочет учиться, значиться, он больной, ненормальный, значиться, его надо лечить, давать другие занятия. У нас таких почти что нет, а когда один-второй найдется, так и для его найдутся соответствующие занятия. Когда его не интересу

физика и химия, так наверняка есть что-либо другое, к чему он имеет охоту. Надо только выявить это и направить на полезный путь.

— Неужели-же ученики летом совсем не отдыхают?

— А эти занятия и есть их отдых. Каждый работает, когда хочет и сколько может.

— А зимой?

— И зимой также.

— А младшие?

— Тех уже надо собирать вместе, приохочивать.

Постепенно вокруг их начали собираться ученики, спрашиваться Кима: откуда этот парень? Ким сказал. Ребята заинтересовались и начали звать своих товарищей:

— Квант! Хризантема! Электрон! Вулкан! Гляньте, к нам чужеземец явился.

Пришел и учитель.

— Товарищ Макейчик! —обратился к нему Ким. — Не ли возьмете вы нового студента? Эмигранта.

И он рассказал учителю историю Юзика.

— С большой охотой! —ответил учитель. —Мы сейчас—же поставим его доклад о положении в западной Европе, —со смехом добавил он.

— Боюсь, что докладчик провалиться, —сказал Ким.

— Напрасно. Поддержим, —сказал учитель и положил руку на плечо Юзика. —Сделаешь доклад, камрад? А?

— Не знаю, —ответил Юзик смутившись.

Ему удивительно было смотреть на этого сорокалетнего почтительного мужчину, который стоял перед им в запачканных штанах и какой-то сетке без рукавов, вместо сорочки и другой одежды, и еще по-товарищески положил руку на плечо. Совсем не такой был его прежний учитель.

— Заходи чаще. Найдем интересную работу, —добавил учитель,

— Когда Юзик с Кимом возвращались к своему дому, то Юзика кроме всего, в особенности занимал один вопрос, который он, наконец, и задал Киму:

— Скажите, откуда и почему такие удивительные имена в ребят: Квант, Хризантема? И даже ва...ва...ша...

— Во-первых, очень плохо, что ты называешь меня, своего брата, на "вы". Брось это. И Риму не называй. А имена не хуже за Никиту, Евдоха, Пантелея и т. д.?

— Да таких имен, как у вас, совсем нет на свете.

— Как такнет, когда ты сам слышал и говоришь про их?

— Они придуманные.

— А "Пантелеи" и "Харитоны" откуда взялись? Они также вымышленные, только вымышленные более глупыми чем мы людьми тысячи лет назад. Зачем нам их имена, когда мы можем иметь свои, лучшие. А может ты веришь в святых, которые в старых календарях назывались этими именами? — сказал Ким, насмешливо взглянув на Юзика.

— Нет! — ответил Юзик. — Очень уже надоедал нам закон божий в школе. Мы даже издевались над ним.

— Молодчина, когда своим умом дошел — похвалил Ким. — У нас даже старики давно уже оставили эти суеверия, хотя и носят еще стародавние имена. Эти старые греческие или латинские слова в переводе означают определенные понятия, например, "терпеливый, злой, хромуша" и т. д. Так на какое лихо нам называть парня по-гречески "хромуша", когда можно назвать его по-ученому "Электрон"?

Юзик пожал плечами и улыбнулся. Удивительно как-то с непривычки, но выходить совсем просто и разумно.

Вместе с Кимом пошли и обедать. Опять Юзик почувствовал себя неудобно в этом "барском ресторане", на людях.

— Что ты себе возьмешь на обед? — спросил Ким.

Юзик испуганно взглянул на его.

— А что дадут.

— Есть много блюд. Выбери, что хочешь. Вот карточка.

Юзик нерешительно взял в руки карточку, взглянул на ее и промолвил:

— Мне все равно. Что дадут.

Ким сам выбрал для него молочную лапшу, курицу и кисель из ягод.

Вкусный был обед, но Юзик лучше согласился—бы съесть в своем уголке хлеба с салом, чем тут эти барские блюда. Очень уж было неудобно.

После обеда он пошел в комнату к деду.

6.ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

— Надо уже начинать думать о твоей работе— сказал дед. — Недели две ты еще можешь поиграть, пока осмотришься, познакомишься с нашей жизнью, а там нужно будет приискать для тебя работу. С четырнадцати лет каждый у нас работает. Правда, работа небольшая, легкая, часа на два день и каждый пятый день свободный, но все-же такой надо и приучаться к работе и пользу приносить хозяйству. Да что тут говорить? Мы с восьми лет работали в своих собственных хозяйствах по целым дням. И те ученики, которых ты видел, имеют определенные обязанности в хозяйстве.

— Да я ничего лучшего и не желал-бы, как иметь работу,—сказал Юзик. —Я да с радостью работал на фабрике—кухни.

— Ага! Я и забыл! —подхватил дед. —Ты-же уже имеешь специальность. Вот и работай в этом направлении.

В нас такая-же кухня. Сегодня я переговорю с товарищами. Сегодня будет общее собрание. Стоит и тебе пойти. Послушаешь, как мы решаем свои дела.

Еле дождался Юзик время, когда надо было идти на собрание. В большом театральном зале, на нижнем этаже, собралось человек пятьсот. Юзик никогда не видел такого большого и красивого зала. Стены и потолок были разрисованы какими-то рисунками, которых и понять то нельзя было, но строгие простые линии невольно создавали впечатление чего-то могучего. Интереснее всего было то, что никаких лампочек видно не было, а между тем было светло, как днем.

Долго ломал голову Юзик, пока сообразил, что лампы спрятанный вокруг всего зала под потолком за перегородкой в стене. Они незаметно освещали потолок равным светом, а оттуда он отражался на весь зал.

Дед и внук протискивались к группе, где сидели Ким с Риммой, тетка Агата и дядя Симон. На сцене за столом, покрытым красным сукном, сидело несколько человек, за ими на стене—огромный портрет Ленина, около его—два красные флага. Особенно заинтересовали Юзика огромные ленты над сценой и на стенах. На ких было написано:

*ПОКА СУЩЕСТВУЕТ НА СВЕТЕ КАПИТАЛИЗМ—
СУЩЕСТВУЕТ ДЛЯ ТЕБЯ ОПАСНОСТЬ*

НЕ СМОТРИ НА ТО, ЧТО СДЕЛАНО; ВСЕГДА
ПОМНИ О ТОМ, ЧТО НАДО ЕЩЕ СДЕЛАТЬ.

ВЫПОЛНИЛ ЛИ ТЫ СВОЕ ЗАДАНИЕ?

**ТОТ НЕ ГРАЖДАНИН, КОГО НАДО ЗАСТАВЛЯТЬ РАБОТАТЬ И
УЧИТЬСЯ, —**

и еще ряд похожих лозунгов.

После некоторых подготовительных формальностей совещаний, замечаний, выступил оратор:

— Товарищи! Среди вас есть много людей, которые родились, воспитывались, жили здесь в те допотопные времена, когда на этом месте была мизерная, деревня Курычи. Эти живые свидетели могут вам рассказать, каким образом мизерная деревня превратилась в совершенную сельскохозяйственную фабрику. Они могут вам рассказать о той борьбе, которую пришлось вести сначала с контрреволюционными армиями и бандами, потом с кулаками, бескультурьем, отсталостью и другим наследством, оставшимся от старого строя и всяческими способами препятствовавшим перестройке жизни на новый лад. Вам расскажут, как бедные хозяева упорно держались за свое жалкое, "собственное" хозяйство, жили, как дикари, но не хотели жить так, как мы сейчас живем; как бабы ревели, когда тракторы запахали их разбросанные кусочки земли и огород. Когда коров согнали в общий, хороший сарай. Сто человек, каждый на своей полосе, с первобытными инструментами возились с утра до вечера и производили столько, сколько у нас сейчас делает один человек за пять часов. А когда им предложили устроить другое хозяйство, такое, как у нас сейчас, — то они и слышать не хотели.

— Не может быть! — послышался какой-то молодой голос в зале.

— Ох, сыночек, было! — громко сказал дед. Я сам такой был.

В зале засмеялись.

— Вот видите, — улыбнулся и докладчик. — Сейчас молодежь даже не верит этому. Но ей более, чем кому-либо нужно знать и помнить тот путь, который мы прошли до сих пор. Ведь многие считают, что сейчас борьба и трудности уже закончены, что сейчас остается только легко и спокойно жить. С таким настроением нужно решительно бороться. Отдыхать еще очень и очень рано. Хотя и большие у нас успехи, но мы

сделали еще не все то, что можно и нужно сделать. До полного коммунизма остается еще большой путь. Для полного использования природы, для полного овладения техникой нужна еще работы и упорство не меньшее, чем до сих пор. А самое главное—мы каждую минуту должны быть готов до последней решительной борьбы с мировым капитализмом, который не сегодня так завтра, перед своей смертью, сделает попытку напасть на нас. А потом будет работа по перестройке на новый образ жизни трудящихся всего мира. Вот о чем мы должны постоянно думать, вот к чему мы должны готовиться. А это требует постоянной, напряженной работы, не меньшей, если не большей, чем до сих пор. Я посчитал нужным оглянуться на прошлое и напомнить будущее в связи с тем, что наши Курычи в этом процессе закончили определенный период и переходят к новому. Этот период начинается с построения в нашем колхозе огромного птичьего комбината. Комбинат построен на общие государственные средства, но рядом с ним остается и наше прежнее хозяйство. До последнего времени мы и сеем, и коров держим, и свиньи растим. Все это вносит только путаницу в дело. Одни из нас считаются работниками комбината, другие—колхоза. Организационный аппарат, расчёты—усложняются, а все вместе мешает обратить внимание на одно дело, специализироваться. Поэтому мы предлагаем ликвидировать наше хозяйство: пашню и сельскохозяйственные машины передать зерновому хозяйству—Иржишчам, свиней отдать в Копачи, коров, всех, или часть, отдать в Бурычи. Вот этот: вопрос и предлагается на обсуждение общему собранию. Кто хочет высказаться?

— Да нечего тут и полагать: —встал Ким. — Давно уже надо было это сделать. В наше время заниматься несколькими делами нерационально. Да и не нужно.

Тогда встал дядя Симон, потупился и нерешительно произнес:

— Это да. Но ведь мы сразу лишимся своего хозяйства. Столько лет жили, строили—и в один момент все это так себе отдать. Может, кто захотел бы выделиться и вести дальше свое хозяйство.

Юзик увидел, как дед зашевелился на своем стуле, а потом вскочил:

— А какая тебе разница? —обратился он к Симону. — Или иначе работать, или иначе жить будешь. Если захочешь работать на земле, можешь работать и в Иржишчах. Каким это образом у тебя, братец, сохранилось еще слово "свая"!

Симон стеснительно что-то забормотал, а присутствующие рассмеялись и начали хлопать деду.

В дальнейшем же никто не возражал. Все единодушно соглашались с предложением. Только остановились немного на вопросе, отдавать всех коров, или оставить часть для своих нужд. Когда выяснилось, что смогут привозить на автомобиле свежее молоко через 15 минут, то постановили отдать всех коров. Более сложным был вопрос, кому придется переехать в другое место, а кому можно будет остаться здесь. Но и этот вопрос решился легко. Ведь расширение, птичьего хозяйства требовало даже больше людей, чем было до сих пор во всех Курычах. Даже тех двенадцать человек, которые сами пожелали переехать в Иржишчи, отпустили неохотно. Среди них был и дядька Семен.

Юзик очень удивился и шепнул Киму:

— Чего же это твой отец уезжает? Разве ему здесь плохо? А ты с Риммой что будешь делать?

— Мы будем жить так же, как и жили. —А отец переезжает, наверное, потому, что в Курычах привык к работе на земле. Да фактически и никаких перемен не будет, так как

эти Иржишчи находятся за четыре километра отсюда. Автомобили постоянно ездят туда и сюда.

Когда дело о ликвидации хозяйства было решено, председатель встал и сказал:

— Теперь нам нужно обсудить дело нашего товарища, Пархомчика. Вы, наверное, все слышали уже, что с ним у нас много заботы и возни. Товарищи все время жалуются, что с ним никакого сладу нету: к работе относится небрежно, часто опаздывает, к собственности относится невнимательно, из-за его халатности четыре раза портились устройства и машины, продуктивность и качество работы плохая, задание свое он, кажется, ни разу не выполнил. В дополнение ко всему несколько раз был пьян. Администрации не слушает, ругается, угрожает кулачной расправой.

— Какие были взыскания на это время? — спросили с мест.

— И в стенгазете писали, и несколько выговоров выносили, и много раз перемещали на другую работу; в прошлом году на общем собрании вынесли общественное порицание. Недели две после этих взысканий он кое-как продержится, а потом снова за своё.

— А какие у него отношения к своим товарищам?

— Нельзя сказать, чтобы вообще плохие. Только горячий он, не хочет, не может удержаться, и всегда у него то с одним, то с другим стычки. Но вскоре после этого он отходит и проявляет дружелюбие. Может, и не такой уж он испорченный человек, но совершенно не дисциплинированный.

— Был ли он на медицинском осмотре? Может это проявление какой-нибудь болезни, например, нервной? — интересовались с мест.

— С медицинской стороны он был хорошо обследован. Болезненных признаков не замечено. Остается считать все это

недисциплинированностью характера ума. Чтобы вылечиться, ему нужно просто взять себя в руки.

Пархомчик, молодой человек лет двадцати пяти, с худощавым живым лицом и черными глазами, сидел впереди и волновался. То забросит ногу на ногу, всунет руки в карман, отбросит голову назад, то с презрением улыбнется, то покраснеет, засуетится вскочит, чтобы сказать свое слово.

— Подожди, дадим и тебе слово! — все время сдерживал его председатель. — Сначала пусть выскажутся товарищи.

Высказывалось много товарищей. Никто не мог отрицать вины Пархомчика, но первые ораторы решительно начали защищать его, говоря, что товарищ Пархомчик хороший парень, только немного горячий и если есть у него недостатки, то они не от преступности, а от характера, и если его ласково убедить, то он исправится.

С суровым ответом выступил постоянный, серьезный рабочий:

— Нам говорят, что товарищ Пархомчик хороший парень. Охотно соглашусь с этим, но мы сейчас разбираемся не в том, хорош ли он, или нет, а в том, выполняет ли он свои обязанности, приносит ли он пользу обществу. А этого и защитники не могут сказать. Да еще, извините, замечая, что и защитники немного той ... сами слабоваты в рабочей дисциплине. Тихо, тихо, Антон, не волнуйся: скажи лучше, сколько раз я тебе замечания делал за последние два—три дня? Ну, так вот, когда здесь болезнь, то нужно ее лечить, а если лечить нечего, тогда нужно убедить, воспитывать, а если это не помогает, тогда наказывать. А нянчиться с ним без конца, как это советуют его друзья, мы не имеем права, так как это приносит вред производству, хозяйству. Пусть он сейчас сам скажет, почему так относится к работе, чем не доволен, чего другого сам хотел бы.

И вот, когда дали, наконец, слово Пархомчику вся его завязанность и чванство мигом исчезли. То краснея, то бледнея, он начал невнятно бормотать:

— Да что же я? Я ничего ... Это они ко мне цепляются. А если что немного такое, но не я виноват ... Что же мне — молчать что ли? Я работаю, сколько могу. Что же мне — разорваться, что ли? Не хуже других работаю, но они все цепляются, никак им не угодишь. Что же я могу больше сделать? Пусть посмотрят на себя. Каждый хочет командовать. А машину совсем не я испортил. Может кто с умыслом это сделал, чтобы обвинить меня. Говорят, задание не выполнил. Пусть попробуют сами выполнить.

— И выполняют все! — крикнули с мест.

— Ведь к ним никто не цепляется. Да я не могу так работать, как они. Они хотят показать, что хорошие, старательные. Они хотят, чтобы их похвалили. А я ни на кого не смотрю и работаю, как могу. Если иногда случается опоздать, то я это потом догоню. А если один раз выпил, то извините; это мое личное дело.

Пархомчик сел, сложил руки на груди и, заложил ногу на ногу, начал раскачивал ее с видом самого независимого человека.

— Вот видите, товарищи, — начал тогда председатель опечаленным тоном. — Товарищ Пархомчик совсем не понимает, или не хочет уяснить свое поведение. Он даже сделал клеветнический выпад против тех товарищей, которые добросовестно выполняют свои обязанности. Он сказал, что они делают это только ради того, чтобы их кто—то там похвалил. Он совсем не имеет чувства ответственности за общее дело. Может и мы виноваты, что не смогли его воспитать. Но сейчас об этом говорить уже поздно. Товарищ Пархомчик не маленький ребенок и сам за себя должен отвечать. Предлагаю снять его с работы на две недели.

— Мало! На месяц! —крикнули с мест.

— Других предложений нету? Проголосуем эти два предложения. Кто за то, чтобы снять товарища Пархомчика с работы на две недели? Раз, два, три ... Мало ... Кто за то, чтобы на месяц? Большинство. Таким образом, товарищ Пархомчик, постановлением общего собрания вы увольняетесь с работы на один месяц.

Пархомчик задорной улыбнулся и буркнул:

— Тем лучше!

— Небольшую информацию имеет представитель ячейки МОПР, — сказал после этого председатель.

Юзик с интересом ждал, который таков, "мопр" появится, но никогда не думал, что информация будет иметь значение и для него самого.

Вышел товарищ и сказал:

— За последние дни на границе произошло одно происшествие, на которое ячейка МОПР считает нужным обратить внимание нашего коллектива. Як известно, за последние годы во всех капиталистических государствах, в том числе и в Польше, усилилось революционное движение рабочих. Разумеется, согласно этому усилились и репрессии фашистской власти. Тысячи борцов засажены в тюрьмы, не говоря уже о расстрелах и пытках. Тюрем уже не хватает, поэтому в капиталистических странах сейчас происходит большое строительство — постройка тюрем. Одна такая тюрьма строится сейчас, в ближайшем к нам городе Западной Беларуси—Несвиже. До сих пор там была небольшая старая тюрьма, на которую наши мопровские организации обращали мало внимания. И вот несколько дней назад оттуда сбежали почти все политзаключенные. То ли внимание администрации было отвлечено новой тюрьмой, то—ли заключенных набралось уже слишком много, или нашлись наши сторонники

среди стражи, или, наконец, товарищи на воле хорошо наладили помощь, — но однажды сбежало сразу двадцать семь человек. И сбежали удачно, но к сожалению, их всех переловили в окрестностях, да еще всех тех, кто так или иначе помогал им. Спасся только один, товарищ Барковский, бывший работник в имении помещика Загорского.

При этих словах Юзик подскочил на своем месте.

— Антэк ?! — мелькнула мысль. Но фамилия его Юзик не знал. В имении все звали его Антэк, а фамилии никогда не было слышно. Может, старшие и знали, но Юзику не приходило в голову поинтересоваться его фамилией. Кажется, во время следствия и допроса фамилия парня упоминалось, но Юзик не обратил внимания и сейчас вообще не помнил.

— Этот товарищ, — сказал далее оратор, — известный там как активный революционер. Ему одному повезло добраться до границы, но в таком состоянии, что можно было только диву даваться, как он спасся. Сейчас он работает в Советской Беларуси, а остававшиеся заключенных получили новое более совершенное помещение. Вот мы и предлагаем нашему коллективу взять шефство над этой новой тюрьмой.

"МОПР», «ячейка», «шефство», — эти незнакомые слова были очень интересны для Юзика, но сейчас он не думал о них, а все время ломал голову: Антэк, это или нет?

— Спросите, — шепнул он деду, — как имя убежавшего. Может это Антэк, который служил вместе с папкой? Я его хорошо знаю. Интересно было бы увидеть его, поговорить.

Дед тотчас спросил:

— Не знаете, как имя этого товарища?

— Кажется, Антон, — ответил оратор.

— Он !! — радостно вскрикнул Юзик.

— Его знакомый эмигранта, — услышал он сочувственным голос соседей. Юзик уже не обращал внимания, как принимали постановление о каком—то там

"шефстве", как обсуждали еще какие-то свои мелкие дела. Он думал только о том, как бы встретиться с Антэком. Заинтересовался и дед, потому что хотел поговорить о жизни своего сына.

После собрания дед узнал, что Барковский работает в Минске, но должность его такая, что ему часто приходится ездить, в разные места. Возможно, попадет и в эту местность.

Поздно вернулся в свою комнату. Снова прожитый день казался Юзику месяцем. Опять крутились в голове неохваченные сознанием впечатления.

— А что будет с тем Пархомчиком? — спрашивал Юзик, лежа в постели. — Куда он денется? Что он будет делать.

— Да ничего. Будет жить так же, как жил.

— А есть?

— Так же, как и до сих пор, как и мы все. Только пенсии не будет получать.

— Так какое же это наказание?! — вскрикнул Юзик и даже сел на кровати. — Так каждый захочет ничего не делать и хорошо жить.

— Ну, нет, братец! — засмеялся дед. — Наша работа — не страдание. Каждый из нас хорошо знает, что и для чего он делает, знает, какое место занимает его работа в общем производстве, следит за тем, как растет все производство в нашей стране и та область в которой он работает, каждый чувствует, как он двигает вперед общее дело и заинтересован в том, чтобы быстрее ее продвинуть, каждый чувствует удовлетворение тогда, когда видит результат своей работы, каждый имеет много свободного времени, после которого с большой охотой идет на работу, а сама работа организована и распределены так, что на ней не утомишься. Все это вместе создает такие условия, при которых работа является потребностью для человека, а не страданием, как это было раньше. Да и вообще нет на свете такого человека, который в

течение длительного времени сидел—бы или лежал на одном месте и ничего не делал хоть что—нибудь, но наверняка будет делать.

— Ну, так он и может теперь что-нибудь для себя делать—подхватил Юзик.

— А что, например? — насмешливо спросил дед.

— Ну ... ну ...— начал было Юзик, но ничего не мог придумать. Его отец, например, в свободное время отдыхает от тяжелой работы, или какую бочку подправляет в хозяйстве, кабана своего отгородит, воды принесет мамке и так далее. А тут ничего такого не надо—все готовое, все это другие делают. А отдыхать от безработицы тоже не приходится.

— Вот видишь, — говорил далее дед. — в наших условиях это не такое легкое дело. Лежать постоянно—невозможно. Ходить взад и вперед—тоже не интересно, особенно, если рядом будешь видеть товарищей, которые работают.

— Читать можно, — добавил Юзик.

— Положим, что так. Но для развлечения, или для удовольствия, ты считаешь часа два-три в день— не более. А дальше что? Можно за книжкой сидеть и по двадцать четыре часа, но это может делать только тот, кто этим занимается, как профессией, — скажем, ученый какой, писатель. Это уже будет еще та работа, даже тяжелее за другую. Правда, есть много обычных работников, хотя-бы тот самый Ким, изучающих какую-нибудь науку. Те так и двадцать пять часов в сутки просидят над книгой. Но таких никогда наказывать и не придется так как они больше других сознательно относятся к работе. А наш Пархомчик отсталый парень.

— А если так, то он просто будет себе болтаться—и все, — заметил Юзик.

— Если бы он имел для себя такую же компанию, то может и болтался бы с ней. А один, как выродок, среди работающих, он будет чувствовать себя плохо. Лет пять назад,

когда еще этого Пархомчика у нас не было; был у нас такой же случай. И что же ты думаешь? Человек исправился так, что и узнать нельзя было. Да что тут долго говорить! Вот ты совсем иначе воспитывался, ну так и скажи, хотел бы ты сам такого лёгкого и приятного, как ты говоришь, наказания?

— О, нет, нет! — горячо ответил Юзик. — Это же стыдно!

— Вот в этом и все дело — сказал дед.

7. ЮЗИК—ГРАЖДАНИН

На другой день Юзик спросил у деда:

— Вы уже говорили, чтобы меня поставят на работу.

— Говорил. Поставят на кухне, "по специальности". Но недели две можешь подождать.

— Зачем ждать? Я хотел бы сразу же и приступить. Как — то неловко себя чувствую. У всех определенные обязанности, только я один болтаюсь как Пархомчик.

— Хорошо. Тогда назначим. Все равно времени у тебя будет достаточно, так как работать будешь три часа.

И в тот же день дед отвел его на кухню.

Кухня была также оборудована, как и в городе. Юзик сразу показал, что он знаком с работой. Определили ему определенные дни и часы работы; при этом думали о том, как установить ему часы, удобные для занятий в школе. Три часа в день проходили для Юзика незаметно.

Оставшееся время он проводил в школе. Учитель провел с ним беседу о его работе, о процессах приготовления блюд, рассказывал об этом много интересного — и Юзик увидел, что и в этой, казалось бы, такой простой работе много большой и интересной науки. Издревле хозяйки готовят блюдо, а люди едят, хвалят или ругают, но никто не думает, какие интересные химические процессы происходят в этом блюде, с каких частей состоят продукты, что здесь есть даже живые

микроорганизмы, которых люди с аппетитом едят и не знают об этом. Услышал Юзик такие странные слова, как "витамины", "калории", "белки" и много других.

А как интересно узнать, какое блюдо, когда, почему, как, при каких условиях влияет на человека, что она дает организму!

Одним словом, перед Юзик открылся совершенно новый, незнакомый, интересный мир. Только знаний у него совсем мало. Но учитель обещал помочь. И под его руководством Юзик с восторгом взялся за изучение зоологии, ботанике и химии.

Вместе с тем Юзик переселился от деда в "подростковое" помещение. На третьем этаже были большие спальни, такие же, какие он видел для малых детей. Около кроватей — небольшие шкафчики для своих вещей и одежды. Каждый должен был держать свою одежду в порядке, не разбрасывать своих вещей. А среди этих вещей была одна вещь, к которой Юзик долго не мог привыкнуть: это была зубная щетка с порошком. Сначала было противно пользоваться ею, но зачем—то требовали это очень настойчиво, и, наконец, Юзик так привык, что без этого обойтись не мог.

Днем в спальнях не позволялось находиться, поэтому там всегда была чистота. Но рядом была комната для занятий, с книгами, учебными принадлежностями. Была комната для игр и для физкультуры. Было несколько небольших отдельных комнаток для тех, кому нужно было работать в абсолютной тишине. Жило здесь около сотни ребят, но часть их всегда была на работе, остальные пропадали в больших комнатах—и в итоге было достаточно тихо и спокойно.

На другой половине здания такое же помещение было для девочек. Комнаты для занятий были общие.

Больше всего Юзика поражало то, что никаких взрослых над ними не было видно. Кажется, какой-то человек был

назначен начальником над этой колонией, но не видно было, чтобы он вмешивался в их жизнь. Все дела решались самими ребятами, во главе с избранным комитетом.

Ребята чувствовали себя совершенно свободно: бегали, играли, делали, что хотели, но все это происходило как—то так, что никто никому не мешало, не было столпотворения, никто никого не обижал и ни причинял никакого вреда.

Ни одной вещи в помещении не было испорченной, исчерканной, как обычно это было в их школе.

Однажды Юзик спросил своего товарища.

— Неужели никто у вас никогда не сломает стол, или что—нибудь такое попортит?

Тот удивленно спросил:

— А зачем?

— Да так ...— смущенно ответил Юзик.

Парень захохотал и крикнул своим товарищам:

— Слышите? Западный европеец спрашивает, почему мы не режем, не ломаем и не портим вещей?

Поднялся общий смех, а Юзик готов был сквозь землю провалиться.

— Неужели у вас это делают? —спросили товарищи серьезно.

— Случается.

— Случайно?

— Нет, умыслом.

— Да зачем же?

— Так, просто.

Снова смех.

После этого Юзик уже боялся спросить, почему ребята друг друга не обижают. Он старался сам узнать и понять это. Обычно всегда те, кто сильнее стараются толкнуть или щипнуть слабого. Тут же ничего этого не было. Другие неприятности обычно случаются тогда, когда двое начнут

дурачиться и один из них продолжает свою развлечение даже тогда, когда другой уже не хочет, пока тот не начнет плакать. А здесь, как только кто-то скажет, что хватит, что он уже не хочет, — другой тотчас прекращает.

На этот раз Юзик поделился, своими мыслями с дедом.

— Правильно ты заметил, — сказал дед. — От этих двух причин и получаются все недоразумения. Поэтому у нас издавна уже обращается внимание на эту сторону. У нас никогда не скажут детям: нельзя то и это делать, а всегда объяснят—почему, даже начиная с самых маленьких. И вот, через некоторое время наши дети поняли, что обижать слабого, да еще без всякой причины, — плохое дело, а дурачиться с тем, кто не хочет дурачиться—не имеет никакого смысла, нелепо.

— А если кто не хочет слушаться?

— Того исключают из коллектива. Пусть он живет отдельно или у родителей. Но таких случаев за последние годы я не помню. Кому хочется жить отдельно, если в коллективе идет такая полная жизнь?

— А если кто-то и его родители хотят жить вместе?

— Пусть себе живут. Никто не мешает. Но никому из них никакой пользы от этого нет. Если кто хочет, то и так может сидеть с родителями хоть весь день. А спать, заниматься, играть самому мальчику или девочке лучше у себя, да и родителям удобнее. Не сидят же родители рядом с детьми, когда те спят, работают или играют?

Юзик часто мысленно сравнивал этих ребят со своими прежними товарищами. На что уж умный и шустрый был Мотэль, но каким темным он казался рядом с этими. А каким дикарем казался хороший Максимка! О большинстве поместных детей даже нечего говорить.

А тут все разбирались в делах лучше Мотэля. Так подробно расспрашивали у Юзика о жизни в Западной

Беларуси. Читали газеты и знали, что делается на свете. Хорошо знали о хозяйственном положении Советской страны, интересовались такими вопросами, как строительство, успехи промышленности, культурная жизнь в разных уголках большого Советского Союза. Даже десятилетние дети знали во много раз больше Юзика. Каждый день Юзик слышал разговоры, что на очереди стоит такая—общественная задача. Часто происходили доклады, споры, или, как их называли— "дискуссии". Юзик слушал все это и завидовал им. Но зато и старался научиться, догнать их! И каждый день чувствовал, что движется вперед довольно быстро.

Ребята видели, что Юзик темный, отсталый, но никто не смеялся над ним, не издевался. Наоборот, каждый старался помочь. И в новом окружении среди "чужих", Юзик чувствовал себя, как в своей семье.

Юзиковым соседом по койке был Квант, поэтому Юзик сблизился с ним больше чем с другими. Квант был моложе Юзика на один год, но это не мешало ему взять, как он говорил, шефство над Юзик. И шефство было очень полезное, ведь Квант был очень развитым. Он имел особенность, всегда носился с "мировыми проблемами". Угрожал истребить всех капиталистов и империалистов, мечтал о мировом коммунизме, ежедневно ждал мировой революции и жаждал принять в ней участие, вообще больше всего интересовался мировыми делами.

— Всемирный пролетарий, — шуточно называли его товарищи.

Второй товарищ, шестнадцатилетний Электрон, был "экономист". Он интересовался больше хозяйственными делами, следил за строительством и развитием промышленности в БССР, а также во всем СССР, волновался, когда слышал о хозяйственных неурядицах, первый замечал

недостатки в своем хозяйстве, поднимал тревогу, писал в стенгазету.

Все это не мешало ребятам играть и дурачиться, как и всем подросткам на свете. Между прочим, у них была очень интересная игра: коробка с различными маленькими частями машин. Из этих частей можно было собирать всякие машины: автомобили, тракторы, вагоны, мосты, — и все это было почти совсем настоящее. Юзик пробовал составлять простейшие вещи, но для сложных нужно было много знаний.

Когда Юзик первый раз появился в Курычах, то ему показалось, что люди здесь живут себе тихо, медленно, почти ничего не делают. Каждый день, каждый час можно было видеть людей, которые сидят себе, как тогда тетя Агата, или шляют, или читают газеты, играют в шахматы и так далее. А когда он познакомился ближе, вошел в общую жизнь, то увидел, что это совсем не так как казалось на первый взгляд. Таких свободных людей действительно можно было видеть каждую минуту на каждом шагу, но это была совсем незначительная часть от всех жителей, даже тех, которые в это время были свободные от работы. Весь коллектив напряженно работал и на производстве, и в различных комиссиях, совещаниях, кружках по самообразованию.

Скоро Юзик убедился, что и ему не хватает времени на все то, что он хотел бы сделать. Три часа на производстве, столько же в школе, потом надо почитать, немного поиграть с товарищами, а дальше интересные собрания, совещания, вечером радио, концерт, радиokino, иногда спектакль. Так весь день и пройдет, даже не успеешь попасть везде. Часто он вспоминал и удивлялся, как это в имении пана Загорского даже при многочасовой работе, люди часто не знали, как использовать свое свободное время.

Но больше всего Юзика впечатлили производственные совещания и вообще весь характер работы в этом имении. У

Загорского все работники думали только о том, как отработать свои часы, а как идет хозяйство вообще—это их не касалось. А тут дело было поставлено так, что каждый работник знал состояние своего хозяйства, знал, как идет работа и производство вообще, знал, что сделано, и что нужно сделать, знал, что предполагается в дальнейшем и сам принимал участие в этом решении, знал не только свои рабочие часы, но все то, что он должен сделать за это время, даже на месяц, на год и несколько лет вперед. Кроме того, каждый знал, в какой связи находится его работа с работой других товарищей, и если он не выполнит своего задания, то это задержит работу его соседа, а это в свою очередь скажется на работе других товарищей и, наконец, на всем хозяйстве. Мало того, всем было известно, в какой связи находится все их предприятия с хозяйством во всей стране и как недостатки в их работе скажутся на всем государственном хозяйстве.

Поэтому каждый работал не для того, чтобы отбыть свои часы, а чтобы выполнить определенную работу, дать определенную продукцию. Не надо было никаких надзирателей, чтобы следить за работой каждого работника, подгонять его. Если кто, как, например, Пархомчик, относится к работе небрежно, то это сразу же отражается на работе его товарищей и те без какого-либо начальства начинают подтягивать его. Поэтому Пархомчика привлекла к ответственности и судило не начальство, а сами товарищи.

А в имении Загорского каждый оглядывался только на эконома. Если тот не следил, то каждый пользовался случаем приостановить работу и отдохнуть.

Даже в кухонном деле были производственные совещания, где обсуждалась как экономно использовать продукты, отопление, как быстрее и лучше обслужить работников. Кроме того, были интересные объяснения о процессах приготовления.

Кажется, простая вещь—приготовить мясо. Но и здесь нужна наука. Если хочешь иметь вкусное мясо, то нужно опустить его в кипяток, через несколько минут уменьшить температуру (холодной водой) до 75 ° —и при такой температуре продержать 1—2 часа. Но тогда бульон будет менее вкусным. А если положишь мясо в холодную воду и будешь греть медленно, тогда будет наоборот: бульон хороший, а мясо невкусное. А чтобы то и другое было хорошее, надо опустить мясо в воду при 30 °, потом вскипятить, через несколько минут уменьшить температуру до 70°и в такой температуры продержать 1—2 часа.

Юзик слушал все это и только удивлялся. Думал кто из домохозяек о таких вещах? А если кто и подумал, мог бы выполнить все эти правила?

Каждая скорлупка собиралась, использовалась и Юзик слышал, что эти скорлупки составляют в их хозяйстве три тысячи килограммов в год, а во всех хозяйствах БССР—пятнадцать миллионов килограммов, что дает возможность выкормить сто тысяч свиней и т.д.

Выходило так, словно все хозяйства в стране составляли одно хозяйство и каждый заботился об этом общем хозяйстве.

Постепенно и Юзик научился так же смотреть на работу. Каждый недостаток, каждая мелкая потеря тревожило его больше чем раньше собственная потеря. Он знал, что в это самое время в другом месте другие рабочие тоже думают о других вещах, которые они производят для Курычей.

Юзик, как и все в его отечестве, хорошо знал, что каждая потеря приносит кому—либо вред. Разбилась стекло в их доме, —вот они и пострадали. Сломалась колесо у Захара—вот тот и потерял несколько рублей.

Сломалась коса у Максимковых родителей, вот он и потерял рубль, а если сломается автомобиль у пана, то его как-

то не жалко: что ему значат несколько рублей? А если купить эти вещи, то никакой потери уже и нет.

И вот теперь Юзик увидел, что дело происходит совсем не так. Вот испортил Пархомчик машину. Кто потерял на этом? Он? Нет. Хозяин поместья? Да такого и вовсе нет. Весь коллектив? Но ему дали другую машину, и потери будто—бы и нет. И Юзик ясно почувствовал, как у него рождается совсем другой мировоззрение. Независимо от того, купил кто новую машину, или нет, —но та машина уже потеряна. Тщетна была работа тех рабочих, которые ее делали, создавали, везли, ставили; зря добывали где-то на Урале железо для нее, в далекой Сибири—уголь, и так далее. Потеря касается всех, всего государственного хозяйства; потеряно не несколько рублей, а сама вещь.

И если после этого Юзику случалось испортить какой—нибудь винтик, или увидеть, что-либо поврежденного, то он уже не думал, кто и на сколько потерпел потери, а жалел самую вещь.

Наконец, он начал понимать и то необычное наказание, которое дали Пархомчику. Юзик пользовался каждым случаем, чтобы понаблюдать за ним. Вот входит Пархомчик в столовую. Нельзя сказать, чтобы публика таращит на него глаза, но все—таки посмотрит на него более внимательно, чем на других. А самому герою уже кажется, что все только и следят за ним. В зависимости от настроения, он принимал то безразличный, то задорный вид, то опускал глаза и садился за стол немного дальше от людей. Особенно плохо чувствовал себя, когда работница столовой спрашивала у него, как и у других, что ему подать, какое блюдо. Ему казалось, что все прислушиваются, какие блюда он выбирает, и чаще всего он отвечал: "все равно, что-нибудь". Если соседи друг другу тихонько что-нибудь скажут, то Пархомчику казалось, что это о нем. Глянет искоса в сторону и уставить в свою тарелку.

Видно было, что еда являлась для него мукой. Он старался побыстрее закончить и выйти, выбирал такое время, когда людей было мало. Хуже всего было то, что никто ему никакой замечания не делал, все относились к нему как обычно. А если случалось, что возле него сядут товарищи, только что пришедший с работы, да начнут между собой говорить о производственных делах, — тогда Пархомчик как—то кривил лицо, словно улыбался, словно страдал.

Юзик смотрел на него и думал, что действительно худшего наказания нет на свете. Все работают, с спокойной совестью отдыхают, едят, чувствуют себя действующими и полезными членами коллектива, а тут болтайся, как выродок. Хотя-бы в какие не будь другие условия поставили, все же легче было бы. А то пользуйся всем, живи, как все, и каждую минуту чувствуй, что все это для тебя делают другие, что тебе одолжение делают, да еще незаслуженно.

Неприятны минуты чувствовал Пархомчик, когда, бродя по саду, встречал товарищей, которые идут на работу или с работы. Плохо было и в читальне, в кино и в других местах, предназначенных для отдыха после работы. Везде чувствовалась неловкость, и не только для самого Пархомчика, но и для всех других. Даже его ближайшие друзья это чувствовали.

Иногда Пархомчик с веселым видом начинал с ними разговор:

— Повезло мне в этом году, —хороший отдых имею.

— Ну и радуйся, а мы такого счастья не пожелали бы.

— Я не просился. А если им уж так хочется, чтобы я отдохнул, пусть так и будет, —погуляю.

— Неужели же ты чувствуешь себя хорошо?

— А почему ж нет? Погулял, отдохнул, снова погулял.

— Наелся, —добавил друг.

— Ну и наелся, —храбрился Пархомчик, —или во времени отдыха не едят?

— Скотина ты, как я вижу! Зря я тебя защищал! —плюнул товарищ и отошел прочь.

Если ближайшие друзья так смотрели на это дело, то чего было желать от более далеких, серьезных работников?

... Через дней восемь пошли слухи, что Пархомчик подал заявление, чтобы его допустили к работе. С этого же времени он начал к каждому обращаться с просьбой поддержать его, клялся, что никогда этого не повторится, искренне клеймил свое поведение. Куда делся его задиристый, наглый вид.

Следующий общее собрание допустил его к работе.

А товарищ Пархомчик с тех пор стал одним из лучших работников. Больше на него никто никогда не жаловался ...

8.ЗЕРНОВАЯ ФАБРИКА

Лето выдалось жаркое; сухое. Две недели не было дождя. Ребята не удовлетворялись душем и ваннами, а предпочитали пользоваться прудом, что был возле поселка. Тем самым прудом с болотцем и березками, о которой слышал Юзик от отца.

С каким желанием побежал Юзик к этому пруду! Но и здесь увидел совсем не то, что думал. Это было не пруд, а бассейн с бетонными берегами и ступенями. Из прежнего болотца впадала в пруд речушка-канал, а по берегам был сухой лес-парк. Вокруг сухой тропки из песка и гальки и много скамеек. Даже были столбы с электрическими фонарями, которые зажигались во время прогулок. Несколько небольших разноцветных лодок стояла у берега.

Когда ребята подбежали к пруду, Электрон крикнул;

— Стой, ребята мы угощение забыли! Беги, Юзик, за кашей, что осталась с обеда.

— За какой кашей? Зачем—удивился Юзик.

— Карасям. Беги.

— Не знаю. Не дадут.

— Дадут. Ну, пойдем вместе.

Через несколько минут ребята вывернули в воду огромную миску каши, и тут только Юзик увидел, что в воде мелькало много золотистых карасей. Они, видимо, были почти домашние и совсем не боялись людей.

— Как-же ж их тут много! —промолвил Юзик.

Это у нас такая же отрасль хозяйства, как и всё другое.

И натешились же парни в пруду! И плавали, дурачились, и с берега прыгали, и на лодках ездили по каналу аж в середину леса.

Было уже часов шесть, когда вернулись домой.

Здесь Юзика встретил дед и сказал:

— А знаешь? Приезжал твой Антэк.

— Неужели? —обрадовался Юзик. —Где он? Пойдем скорее!

— Нету уже. Уехал.

— Чего так? Какая жалость!

— Да и мы сами удивились, —задумчиво сказал дед— Он приехал по делам МОПРа, должен был доклад делать. Люди начали было собираться, и вообще не было видно, что он думает уезжать. Подошел я к нему и говорю:

— Вот хорошо, что вы заехали к нам. Здесь как раз есть ваш земляк.

— Кто такой? — быстро спросил он. — Да мой внук Юзик, —говорю, сын Михала, что в имении Загорского служить. Наверное, знаете?»

— Знаю, знаю, как же ж. А где он?

— Да где—то играет с ребятами, сейчас придет.

— Жаль, что его нет, потому что я должен срочно ехать.

— Почему же так внезапно?" — спрашиваю.

— Только что телеграмму получил, — говорит.

Собрался и поехал, словно сбежал. Очень это нас всех удивило. Неужели от тебя сбежал?

— Не может этого быть! — уверенно ответил Юзик. — Он был очень привязан ко мне. Наверное, телеграммой вызвали. Какая жалость! Я даже согласился бы специально поехать к нему.

— Да и я хотел бы больше поговорить с ним. Тем более, что и письма от Михала нет. Будем ждать другого случая. Но все это как—то непонятно вышло.

Как-бы там ни было, а другого объяснения, кроме телеграммы, придумать нельзя было. Поэтому больше не ломали голову и забыли про это дело.

Вечером Ким сказал Юзику:

— Завтра я еду в Иржыщи, к отцу. Хочешь ехать вместе?

— Конечно! Еще и как! — воскликнул Юзик.

Наутро выехали после полудня. Вскарabкались на ящики с яйцами, что отвозил грузовой автомобиль в Иржыщи, и понеслись по ровному шоссе. Быстро проехали последние строения Курычев и оказались среди засеянных полей.

Юзик с верху осматривал безграничное зерновое море, среди которого, однако виднелись какие-то постройки. Вот одиноко стоит ни то станционная водокачка, ни то мельница с необычными колесами-крыльями. В нескольких местах стоят огромные здания сараев, без стен и с какими-то площадками—этажами. А некоторые из них были со стенами.

Жара страшная; даже достаточно сильный ветер не освежает воздуха, так как дует он с востока, и единственная польза от его та, что относит в сторону пыль из-под автомобиля. Да колеса —мельницы вращаются от него. Но посевы держались хорошо; засуха, видимо, еще не повредил им.

—Эх, хорошая рожь! —окинул хозяйским взглядом Юзик. Но что будет, если продержится еще жара?

— Да ничего не будет, —безразличным тоном ответил Ким.

Юзик удивленно взглянул на него.

— Она отцвела и наливается. Как раз сейчас и нужен дождь, —наставительно проговорил Юзик, —иначе зерно будет мелкое.

Ким улыбнулся.

— Ничего! Вырастет.

Юзик увидел, что "городской" Ким ничего не понимает в этих делах и с важным видом начал объяснять:

— Дождь не нужен только тогда, когда рожь цветет. А когда она весной растет и сейчас наливается, то очень нужен. Зерно от этого делается крупным.

Ким все улыбался.

— А если нужен, то его сделают.

— Кого?

— Дождь.

— Кто?

— Конечно, мы сами. Не полагаться же на вашего бога.

Кажется, после трехнедельной жизни здесь Юзик познакомился со всеми "чудесами", но—на тебе—еще новые трюки.

— Как же так? —промолвил он и даже спустился вниз с коробок.

— Да так, —ответил Ким, смеясь.

— Каким образом?

— А вот увидишь.

— Ну, скажи, как это делается?

— Подожди, сегодня, наверное, сам увидишь.

Как ни просился Юзик, но Ким ничего больше не сказал. Юзик обиделся, взобрался еще выше и отвернулся от Кима.

Скоро показались и. Белые, многоэтажные каменные дома, трубы, одним словом, как и все здешние "деревни".

Слезли с автомобиля, который поехал дальше на склады, а сами пошли в один из домов-дворцов. Хотя эти дома и другие здания, даже сад, выглядели по-другому, чем в Курычах, но общий характер был тот же. Только можно было заметить, что некоторые здания были старше Курычских и более громоздкие. Видимо, Иржыщи основали раньше.

Зашли в комнату дяди Симона. Он как раз собирался идти на работу.

— А—а! Добро пожаловать! —весело воскликнул он. Привез "эмигранта" показать наше хозяйство?

— И то и другое, —ответил Ким. —Ты уходишь?

— Надо идти в поле. Звонили по телефону в Минск, чтобы прислали дождь, —отвечают, что в такую сушь все самолеты за работой. Придется самим делать.

Разговаривая об этом, как об обычном деле, отец с сыном даже не видели, что происходит с Юзиком. Тот стоял, разинув рот и вытаращив глаза, и с каким—то ужасом посматривал то на дядю Сымона, то на Кима.

— Объясни же ты ему —засмеялся дядя Симон. —Если хотите, подходите в поле, а я побегу.

— Вот в чем дело, —начал Ким, по дороге. —дождь начинается либо самостоятельно, когда воздух достаточно насыщена влагой, либо с помощью электрических разрядов, как это бывает в грозу. А если мы сами владеем электричеством, то мы можем использовать ее вместо грозы. Для этого эскадрилья самолетов рассыпает в воздухе насыщенный электричеством порошок, словно песок, —и вызывает дождь. Но текущий способ еще толком не усовершенствован и очень дорогой, поэтому чаще приходится применять старый способ, который сейчас ты и увидишь.

И действительно, способ был очень примитивен. Рабочие рассыпались по полю, и в разных местах поднялись фонтаны воды, как из пожарного рукава. Расположены были они так, чтобы охватить определенными участками всю площадь.

Подойдя ближе, Юзик увидел на границах, на определенных расстояниях железнодорожные гидранты, из которых и бралась вода. Кроме того, в разные стороны шли маленькие овраги, по которым бежала вода. Но можно было заметить, что она сразу же остановилась, когда начали поливать поле с гидрантов.

— Неужели по всему полю проложены водопроводные трубы? —спросил Юзик.

— А почему и нет? —ответил Ким. —Это стоит всего лишь определенного количества труб и работы. И если раз сделать, то через несколько лет все расходы вернутся. И мы освобождаемся от милости природы, или, как раньше говорили, бога.

— Откуда же ж взять столько воды?

— Вот та башня и дает, —показав Ким на ветряк, который заметил ранее Юзик. —Она стоит на самом высоком месте, а рядом в низине вырыто несколько огромных колодцев. Не смотри, что башня отсюда кажется небольшой; действительно—таки она очень большая, и наверху в ней находится воды не менее, чем в нашем пруду. Колеса сами вращаются ветрам и постоянно накачивают запас воды. Если же, как, например, сейчас, ее нужно слишком много, то пускаются в ход еще и электрические насосы. Такая операция, как сегодня, происходит в исключительных случаях; обычно хватает той воды, которая течет из водокачки вот по этим оврагам.

— Ишь, какая вещь! —промолвил Юзик. —Остается только найти решение, когда дождя бывает много.

— А это уже простейшее дело. Лишняя вода стекает вот по тем более большим каналам. Ее собирают и несут туда те самые рвы, что сейчас обводняют поле. Вот видишь здесь, где маленький овражек впадает в большой, сделана бетонная гать. Если от дождя воды собирается много, она через эту решетку вытекает в большую канал. Таким образом, эти канальчики одновременно служат и для обводнения, и для осушки.

Солнце склонялось на запад, но жара не уменьшалась. На небе ни облачка. А над полями поднимались десятки водяных фонтанов, рассыпались вверху на миллионы искр и сыпались на посевы настоящим дождем. И в дополнение к полной иллюзии тут—же рядом засияла радуга. Небольшая, но яркая и очень близкая.

Юзик даже подбежал к ней и начал хватать руками.

— Первый раз в своей жизни могу пощупать радугу руками! — крикнул он.

— Ну и что чувствуешь? — со смехом спросил Ким.

— К сожалению, ничего!

Но это был не совсем так. Хотя чувствовать он и ничего особенного не мог, но на его руках, на лице и всей фигуре отчетливо можно было видеть разноцветные полосы.

Через два часа часть площади была полита. На большее не хватило воды.

Другую часть будем поливать завтра, — говорил дядя Симон, идя домой.

А что—же это за здания разбросаны на поле? — спросил его Юзик.

— Это наши азяроты.

— А это что за звери такие "азяроты"? — спросил Ким.

Дядя Симон весело засмеялся.

— Вы, молодежь, даже не знаете. Только мы, старики, я и Юзик, помним те времена, когда снопы сушили ... под дождем, на шестах. А сейчас мы сушим их под теми навесами. Сожнём

и тотчас туда, —никакого дождя не боимся. А если надо быстрее, то опускаем фанерные стены, запускаем электрические вентиляторы с горячим воздухом—и через несколько часов снопы сухие. Правда, сейчас мы большей частью сразу жнем и молотим комбайном, но порою случается, что нужно и сушить, особенно, если погода влажная. Даже наша жатва не зависит от погоды: можем жать и возить хоть в дождь.

Юзику очень хотелось тотчас осмотреть все хозяйство, но наступал вечер, и Ким посоветовал переночевать и отложить осмотр на завтра. Юзик и не жалел, потому что не менее интересно было провести вечер в новом коллективе, интересно было сравнить здешнюю жизнь с Курычской. Но через час он почувствовал себя, также, как и в Курычах. Даже не заметил, что столовая, где они ужинали, была темнее и больше Курычской, что главное здание был в два этажа, а не в три, как у них.

Не было тут зимнего сада, но зато был отличные купальни для взрослых. Под стеклянной крышей с витаглаза¹⁾, в большом бассейне, можно было купаться не хуже, чем в Курычском пруду. Осенью и зимой было также, только вместо солнца не худшие за него электрические ультрафиолетовые лампы.

Закончился вечер оперой, которой Юзик до сих пор не видел и не слышал. В кинотеатре на экране были действия, музыка и пение артистов. Передавалась опера из Москвы.

Ночевать гости пошли к иржыщевским ребятам, Юзик вынужден был долго рассказывать о жизни в Западной Беларуси.

Назавтра Юзику показали хозяйство.

¹⁾ *Витаглаз (стекло жизни) — стекло, которое пропускает ультрафиолетовые лучи.*

После Курычей он уже не удивлялся так, как в первый раз. Да и не было здесь таких чудес, как в птичьем хозяйстве. Иржищевское хозяйство было зерновое, хлебное, и все в нем соответствовала этой отрасли.

Но и здесь было на что посмотреть.

Взять хотя—бы постройки с сельскохозяйственными машинами. Это были какие-то фабричные склады! Чего только здесь не было; многолемешные плуги, огромные сеялки, жатки, всякие хитрые бороны, и много машин, которых и у пана Загорского не было. Среди них особенно выделялись корабли—комбайны; даже капитанский мостик на них был со штурвалом.

Рядом была целая фабрика для ремонта и налаживания всех этих машин.

— А теперь пойдем на конюшню, —сказал парень, который показывал хозяйство.

На "конюшнях" было 360 тракторов, 80 грузовых автомобилей и сотни платформ, подобных железнодорожным.

Эти платформы во главе с трактором или автомобилем, составляли как—бы поезда во времени работы. Такие поезда с несколькими платформами Юзик видел уже раньше.

Далее—высокие элеваторы, куда ссыпается зерно. Там оно очищается, сушится, сортируется, и рекой течет по трубам в мельницу, построенную рядом.

А с мельницы таким же самым образом на хлебозавод ...

Увидев такую организацию работы, Юзик с восторгом воскликнул:

— Это же выходит, что стоит только всыпать зерна в элеватор, а дальше оно само выйдет печеным хлебом!

— Пожалуй, —ответили ему. —Зачем же возиться с ним, таскать взад и вперед, если все можно сделать сразу на месте. Не только вы, но хозяйства на 100—150 километров вокруг получают от нас хлеб, даже еще теплый. Автомобили по шоссе

за четыре часа доставят хлеб в самый дальний пункт, а обратно привезут другие продукты, как, например, от вас яйца и куриное мясо.

Домой Юзик ехал как раз с хлебом. Ким почему—то остался на некоторое время в Иржыщах. Юзик не жалел, что едет один. Он чувствовал необходимость побыть одному, помолчать, подумать, обсудить новые впечатления.

Прижавшись сзади к горячему хлеба, он представлял себе, как по всей стране разбросаны подобные хозяйства, как каждое работает для других, а все для нее, как непрерывно между ними ездят автомобили и разносят пищевые продукты, как кровь в организме. Снова вспомнил поместье, Смоляки, ту "деревню" Курычи, куда он ехал—и улыбнулся.

Чему он так удивляться? Это-же ж совсем простая вещь. И паны, и мужики совсем не нужны, как камни и рытвины вот на этой шоссе. Ну, что, скажем, делал бы здесь Максимка или его, Юзика, отец, если б им дали по двадцать гектаров земли? Да они бы просили и молились, чтобы лишили их такого счастья. Даже посади сюда господина Загорского, то он сам убежал бы. Куда бы он сунулся со своим хозяйством, к кому присоединился бы? Да и кто пошел бы работать к нему?

Как это он, Юзик, не понимал раньше, что не только господа, но и крестьяне совершенно не нужны? И как этого не понимают там, на родине?

А если кто, как Антэк, понимает, то того в тюрьму сажают.

И такое взяло Юзика желание объяснить все это своим родителям, батракам, смолякам и другой нищете, такая ненависть ко всем тем, кто там этому мешает, —что Юзик готов был снова "улететь" назад.

Вместо этого он быстро "прилетел" в Курычи.

— Ну, что? Встретил его дед. —Как понравилась наша зерновая фабрика?

— Я только удивляюсь, как это вы все привыкли к всему этому, — ответил Юзик, пожав плечами.

— Ничего! Поживешь — и ты привыкнешь.

9. НА ФРУКТОВОМ ФРОНТЕ

Как-то раз засуетился Электрон. Бегает по всем помещениям, кричит:

— Ребята! На собрание! Важное дело! На "Бэре" прорыв! Ребята начали собираться.

— Что такое "Бэра"? И что такое "прорыв"? — спрашивал Юзик у товарищей.

— "Бэра" — это садово-огородное хозяйство, за двадцать километров от нас, — ответила ему. — А слово "прорыв" неужели ты сам не знаешь?

— Самое слово, конечно, знаю, но совершенно не понимаю, в чем тут дело, — стыдливо ответил Юзик.

— Это хороший знак, — заметил Квант. — Это свидетельствует, что за все время твоего жизни у нас не было прорывов.

Ребята побежали дальше, а Юзик так и не получил объяснения. Поэтому с еще большим интересом побежал на собрание.

Там уже орудовал Электрон:

— Товарищи! — кричал он. — На "Бэры" прорыв! Там не подготовились к большому урожаю фруктов, и она погибает, осыпается. Вишни, малину, смородину и все ранние фрукты не успевают собирать. На сегодняшний день собрано только семь процентов. Если таким темпом пойдет работа и дальше, погибнет восемьдесят процентов. Надо помочь. Это наше дело. Лазить по вишням мы мастера.

— Конечно! Едем все! Тотчас! — загудели ребята.

— И мы! И мы! — слышались голоса девочек.

— И то правда! Они будут собирать ягоды.

— Правильно! Айда!

Через час три автомобили в которых было девяносто детей мчались по дороге. Сильно тархтели автомобили, но еще сильнее кричали и пели девяносто голосов. Юзик был потрясен, словно он ехал на войну.

По дороге попало еще одно неизвестное Юзику хозяйство. Это был крупный городок, состоявший из большого количества одинаковых, невысоких зданий с оградками около них и с дырами в стенах. Среди деревьев виднелась несколько двух трехэтажных жилищных домов, а немного дальше поднимались корпуса фабрики. Кроме того, было несколько других хозяйственных построек и много силосных башен.

Среди шума и гама Юзик чуть добился объяснения, что это за хозяйство.

— Это Капачи, свиноводческое хозяйство. Вот в этих низких зданиях—сараях выращивают 20.000 свиней. Видишь, вон они вылезают и влезают через дыры в свои оградки. Рядом—беконных фабрика, которая обрабатывает все продукты свиноводства, не только мясо и сало, но и кожу, шерсть, копыта, кости, даже то, что находится в кишках.

— А что из этого можно сделать? —засмеялся Юзик.

— Удобрения. На полях же, как ведешь, сажают в основном картофель, свеклу, морковь и другие кормовых корнеплоды, да еще кукурузу на силос.

— Разве одних овощей достаточно для свиней?

— Муку дают зерновые хозяйства.

Пока Юзику объясняли, хозяйство осталась позади, а через несколько минут на горизонте показался лес. Скоро среди деревьев показались здания. Видно было, что в них много стекла, так как они издали уже сверкали на солнце.

— Смотри, и в лесу какое-то хозяйство, —заметил Юзик.

— Да это же и есть та самая "Бэра", куда мы едем! — засмеялась соседка—девочка. —Ине лес это, а сады.

Опять что—то интересное ждало Юзика! Куда ни высунуть нос, везде увидишь, что-то необычное.

А все окружающие люди словно не замечают всего этого.

Шоссе вошло в сад. Направо и налево стояли деревья, ухоженные, подстриженные, обмазанные известью. Расстояние между деревьями были такими большими, что на них мог бы поместиться весь садик Никиты Кулыги в Смоляках.

Сад был разделен на квадраты, и каждый участок был засажен каким—нибудь одним сортом. Вот мощные Антоны, вот мелкие пепинки, а вот и гордость хозяйства—Слуцкие бэры.

Шоссе шло словно в лесу: ограды, никакой не было. Вот подъехали к зданиям. Вышла администрация, благодарила за приезд, но как-то стыдливо, словно чувствовала свою вину. Юзику же пришла мысль, что винить тут совершенно некого: если сад напоминает лес, то не удивительно, что справиться с ним трудно.

Оказалось, что сюда уже приехала помощь и из других хозяйств. Уже прибыло тысяча двести человек молодежи, да ожидается человек пятьсот. И работать всем придется здесь три—четыре дня.

Юзик даже улыбнулся, услышав слово "работать".

Какая это работа? Это же интереснейшая, приятная игра! С такой веселой и большой компанией в этих условиях охотно можно было работать и три четыре недели, месяцы.

— Может, есть хотите? —спросили хозяева.

— Нет, нет! —закричали дети. —Пить хочется! Ой, какая жажда! Воды, воды!

Но вместо воды им дали фруктового вина. Подвели к бочкам с кранами.

— Пейте, сколько влезет!

Юзик даже не хотел верить своим глазам и ушам. Протиснулся к крану, налил кружку, выпил—ой, как вкусно! Нерешительно посмотрел, — можно еще?

— Пей, балбес! — сказал Квант, заметив это. — Здесь это вино—то же, что у нас яйца или в Иржыщах хлеб. Хватит на всех.

— А не опьянею?

— Нет. Оно—безалкогольное. Хотя производят здесь и такие, в которых есть немного алкоголя.

Но, напившись, дети почувствовали себя не менее веселыми и пьяными, чем в былые времена пьяницы от водки.

Весела двинулся отряд на работу. По разным дорожкам повели их далеко в глубину сада, где уже слышались крики и смех тех, что приступили к работе раньше.

Вот уже и вишневый квартал, рядом—ягодный. На деревьях, словно тучи воробьев, висят не только парни, но и девушки. Кроме того, вокруг деревьев много составных лестниц. Навстречу едут вагончики с ягодами. По тропинкам проложены временные складные рельсы, по которым и толкают вагончики. Когда переходят на новое место, переносят туда и рельсы.

— Ура! Пусть живет Курычский отряд! — закричали с 8 деревьев иржыщские и другие дети.

— Привезли с собой касторку? Может понадобится, — слышались голоса.

— Объявляется соревнование между йоркширами и леггорнами, — крикнул кто-то, намекая на отряд свиноводческого хозяйства и куриной фермы.

Но с разных концов раздались возмущенные голоса:

— Что за хулиганство! Стыд!

Закипела работа. Только время-от-времени приостанавливалось она, когда приходили новые отряды.

— Объявляем себя ударниками и вызываем на соревнование искровцев! — торжественно объявил один из новоприбывшего отрядов.

Но в ответ на это послышался смех.

— Откуда вы взялись? Спрячьтесь. Мы все и без этой торжественности ударники. А соревноваться—пожалуйста, попробуйте.

Волшебный вид имел смородиновый и малиновый квартал. Казалось, все кусты были облеплены красными, белыми, золотистыми, голубыми бабочками, которые двигались, мелькали, перелетали от куста к кусту. Это платки и платья девочек придавали им такой вид.

Вот оттуда—то раздался пение:

"Мы — дети коммуны" ...

Теперь же он перекинулся на верхушки вишен и загудел сад—лес сотнями молодых жизнерадостный голосов ...

... И вспомнил Юзик, как он в прошлом году с ребятами тоже собирал вишни в барском саду. Вместо пения они постоянно слышали выкрики: "Скорей, скорей! Вы больше кладете в рот, чем в корзину! "Если первый час казалось не слишком тяжелым и нудным, то дальнейшие были уже мукой. Руки и ноги немели, время тянулось долго, весь мир казался немилым.

А здесь он работал куда усерднее и лучше, а усталости не испытывал. Вместо тоски— безмерное счастье, радость, подъем. А работа та-же самая ...

Почему так? Может песня помогает?

Нет. Пели на работе и во времена барщины, но работа от этого не делалась сладкой. Не была праздником и работа одиночки—хозяйина, так как всегда с ним оставалась одна мысль: как-бы обеспечить себя, как-бы получить более другого. Работа стала праздником только с того времени, когда рабочий, вместо этих угрызений заинтересовался

общим делом, когда увидел своими собственными глазами, как тысячи рук вместе преобразуют природу и жизнь, когда почувствовал около себя тысячи товарищей, объединенных одной целью ...

В это же время, по той же дороге, по которой приехали Курычские дети, подъезжал легковой автомобиль с одним пассажиром. Это был молодой чернявый человек, чисто выбритый, в кепке и плаще. Откинувшись на спинку сиденья, заложив ногу на ногу, по-военному выставив вперед грудь, он смотрел по сторонам с таким видом, словно подъезжал к своему собственному поместью. Грандиозностью и совершенством хозяйства, видимо, поразили и его, так как, наконец, он не выдержал и пробормотал:

— Эх! Хорошее было бы имение!

Но подъехав к зданию, он изменил свой вид, на простодушие и веселую мину, выскочил из автомобиля навстречу члену правления и сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Меня прислали к вам из центра ознакомиться с вашим положением и, если нужно будет, принять участие в ликвидации вашего прорыва. Вот мои бумаги.

Член правления, пожилой мужчина с седыми усами, слегка взглянул на бумагу и сказал:

— Добро пожаловать! Благодарим за внимание. Действительно положение создалось тяжелое. Но, кажется, скоро мы из него выйдем. От всех соседей приехала на помощь молодежь. Такая работа пошла, что сад дрожит. Слышите?

Издалека донеслись крики и песни.

Приезжий радостно улыбнулся.

— Вот это я понимаю! С такой помощью мы сразу все устраним.

Они вошли в канцелярию.

— Может покусаете с дороги, — сказал хозяин.

— Нет, благодарю: я уже обедал. А вот от вашего всему миру известного бэрового вина не отказался бы.

— Пожалуйста, сейчас нальем! — охотна ответил хозяин и попросил, чтобы принесли несколько бутылок.

— Вот это вино! — чмокнул приезжий, выпив рюмку. — Лучше всякого шампанского. Недаром там у нас бьются за него.

— Ничего удивительного, — улыбнулся мужчина. — Это же наша специальность. С чего вы думаете начать? Может, пойдём сначала "на фронт"?

— Конечно, нужно пойти посмотреть.

Они вышли из помещения и направились в сад.

— Как вы полагаете? — спросил по дороге приезжий. — Хватает ли у вас людей? Справитесь?

— Хватит. Тысяча семьсот тридцать девять человек приехало. Да как работают! Через два—три дня, наверное, закончим.

— И издалека?

— Да даже за шестьдесят километров.

— А ... а ... с Курычей также приехали?

— А как же?

Приезжий замолчал и замедлил шаги. Потом остановился и спросил:

— Не знаете, есть среди Курычский один мальчик, Юзик Кухаренак? Он недавно из Польши прибыл. С той самой местности, откуда я.

— Не знаю. Но думаю, что должен быть. Кажется, слышал, как кто-то из них крикнул— "Эй, ты, эмигрант!" — Наверное, к нему.

— Хотел бы его увидеть, — задумчиво произнес приезжий. — Но сейчас наверно, не придется. Знаете, я думаю, что ничем там не помогу. Работа идет—и хорошо. Главная моя

задача—выяснить причины вашего прорыва. Может вернемся?

— Как хотите. Нам всё равно, —ответил член правления. И они повернули назад.

— Главные причины, —говорил по дороге хозяин, —это жаркая погода и чрезвычайно большой урожай. Благодаря такой погоде у нас поспели почти все ягоды сразу, а урожай в два раза больше прошлогоднего. Таким образом, и срок сбора сократился и количество работы увеличилось.

Вот и вышел затор.

— Да, да. Конечно, —кивав головой приезжий. — Дело ясное. Не стоит и возиться. Тем более, что сейчас, как видно, никакой опасности нет.

—Теперь уже мы спокойны! Можем считать, что прорыв ликвидирован полностью, —уверенно ответил член правления.

— Да. И я так думаю, —говорил приезжий.

В канцелярии он позвонил по телефону:

— Дайте, пожалуйста, 6-04-97 ... Да ... Но ... Прорыв можно считать ликвидированным. Съехалось около двух тысяч молодежи ... Через два дня все будет собрано ... Мне нечего тут делать ... Что? .. Ехать? .. Теперь-же? .. Хорошо.

— Вот такое дело, —сказал приезжий, положив трубку. —Мне приказали тотчас, срочно, ехать в другое место. Считают, что больше здесь мне нечего делать. Хорошо, что так закончилось. Будьте здоровы.

— Может, немного побыли бы еще? —начал уговаривать хозяин, —познакомились-бы с хозяйством, с работой.

Успею еще. Может заеду на обратном пути. Ах, я и забыл! Мой автомобиль уехал. Может, доставите меня на станцию?

— Конечно, конечно.

Через несколько минут приезжий ехал по той же дороге, но вид его был совсем не такой, чем когда он ехал сюда ...

Хотя и радовалась правление, что столько народу приехало на помощь, но и поломала голову над тем, как прокормить и разместить такую армию.

Председатель до пота работал у телефона:

— Алле! .. Иржыщи? .. Говорит Бэра. Завтра присылайте лишних 800 килограммов хлеба: прокормить вашу и другую детвору. — Алле! .. Красная Звезда? .. Завтра добавьте лишних 300 килограммов мяса и 20 килограммов масла. — беконная фабрика?.. Говорит Бэра. Присылайте лишних 200 килограммов сала: к нам прибыло лишних 1700 человек, — и т.д.

А разместить весь этот народ на ночлег было еще труднее. Откуда набраться коек, постелей, подушек, одеял? На человек полтора—двести запаса еще могло бы найтись, а здесь около двух тысяч.

Наконец, вдали послышался шум, песни, все ближе, ближе. Через несколько минут весь двор наполнился юношеством.

Пожилые люди только радовались, глядя на них. Невозможно было догадаться, что они пришли с работы. Там двое тузятся, там гоняются друг за другом, а там мелькают ноги над головами: физкультурники не удержались от соблазна пуститься наперегонки на руках.

Делились впечатлениями, шутили, укоряют друг друга, спорили. Особенно смеялись над одним парнем у которого «не было спины». Он упал с дерева, товарищ схватил его за спину, т. е. за рубашку, и вся "спина" осталась в руках.

— Ну, и тяжелый чтоб его лихо! Даже рубашка не выдержала.

— Наверное, слишком наелся ягод.

— Но все-таки рубашка помогла уменьшить удар о землю по крайней мере наполовину.

Столовая, рассчитанная на местных жителей, не могла вместить всех сразу. Пустили в три смены.

Было уже темно, когда повели их на ночлег. Повели куда-то в сторону, подальше от зданий. И привели в какой-то "стеклянный городок".

Как можно было заметить в сумерках, здесь было много зданий со стеклянными стенами и крышами. Некоторые были так велики, что в них разместились-бы какие-нибудь Смоляки.

В одно из таких зданий попал Юзик со своей командой. Вдруг зажглись электрические лампы, и Юзик увидел огромное помещение, поддерживаемое железными столбами—и больше ничего. Потом еще заметил, что на земле были разосланы рогожки.

"Неужели так придется спать?» — подумал Юзик.

Послышались и еще голоса:

— Ой-ой-ой! Вот так ночлег! Я лучше переночевал бы на вишне!

— Успокойтесь, товарищи! —послышался громкий голос. —Вы—же понимаете, что на тысячу семьсот человек мы не можем найти кроватей и постелей. Потерпите немного. Но знайте, что здесь совсем не так плохо, как может кому показаться. Земля в оранжереях подготовлена к зиме, чистая, сухая, мягкая. Температура земли и воздуха всю ночь будет поддерживаться такая же, как температура нашего тела, то есть 37 °.

Можете спать хотя голыми, да еще оставить свет хоть на всю ночь. Вы же знаете, что лампы ультрафиолетовые. Единственный недостаток—нет подушек. Ну, так можно положить под голову свою одежду.

— Правильно! Хорошо! —закричали парни. —Мы будем тут как на пляже в Крыму, или на Кавказе. Даже загар за ночь.

И братва покатила по земле, сбросила верхнюю одежду, положила под голову, а потом сняла и нижнюю.

Опустился на землю и Юзик—теплая! Снял верхнюю одежду хорошо! Снял исподнее—еще лучше! Словно на солнце лежишь.

— Вот мы и на курорте! —сказал Квант, растянувшись около Юзика. —Что? Хорошо?

— Очень хорошо! —проговорил Юзик. —Но как все это делается?

— Неохота мне лекцию тебе читать, —вздыхая сказал Квант, —но надо. Ну так вот. Эта оранжерея похожа на наш зимний сад. Только там деревья, а здесь для овощей. Здесь всю зиму растут огурцы, помидоры, морковь, салат, редис, одним словом, все то, что летом. Лампы служат вместо солнца, а теплоту дают электрические трубы в земле, под нами. Вот и все.

Действительно, все. Ничего хитрого и сложного. Но что сказали бы Юзиковы родители и знакомые, когда бы увидели, как здесь лежат "на пляже"? Нет! Наверное, хотя сто лет здесь живи, все равно на каждом шагу будешь встречать такие "простые" вещи.

— Товарищи! Предлагаю погасить солнце! Мешает спать! Попросил кто издалека.

Одни поддержали, другие хотели еще немного "позагорать", но, наконец, большинство постановило "погасить солнце".

— Холодно будет! —испуганно воскликнул Юзик.

В ответ раздался общий смех.

— Накройся рогожкой! Закапайся в землю!

— Эх, ты! толкнул его в сторону Квант. —Неужели ты не знаешь, что не лампы дают теплоту? Я же говорил, что согревается земля, а в данном случае еще и воздух.

По-видимому, где-то какой-нибудь механик следил за температурой всю ночь, потому что всю ночь она была одинакова, и даже не чувствовалось, накрытый ты, или нет.

Дружно и весело проработали и весь следующий день. Но на этот раз усталость уже почувствовали, потому что работали не три и не пять часов, а, наверное, двенадцать.

— Дети! — сказали старшие. — Слишком не перетруждайтесь. Пусть каждый работает, сколько может.

— Нет, дяденька! — отвечали дети. — Нет для того мы приехали, чтобы отбывать "законные" часы. Мы же на фронте.

На третий день работа была закончена. Тогда, кто хотел, осмотрел завод, который в это время полным ходом работал целые сутки. Ну и большой-же ж был завод! Громаднейшие чаны, трубы, насосы шипели, прыскали, кипели. А из последнего отделения вывозились на склады—холодильники разные вкусные вещи: повидло, пастила, мармелад, варенье, вино, сушеные фрукты, маринованные и много других лакомств. Дети могли есть все это, сколько кто хочет, но быстро потеряли охоту и даже смотреть не могли на сладости.

Через некоторое время со всех сторон начали съезжаться автомобили и забирать детей.

Вернулись домой героями, с гордостью чувствуя, что "ликвидировали прорыв".

10 ВОТ ТАК АНТЭК!

Время шло. Юзик уже совсем привык к своей жизни. Не удивлялся, посещая Иржыщи, познакомился поближе с свиноводческим хозяйством, смог посетить и осмотреть то молочное хозяйство, через которую он проезжал в первый день. Из новых хозяйств он ознакомился еще с пчеловодческим и льняным, что были в их районе. Постепенно и для него все это стало таким-же обычным делом, что он об этом и не думал.

Тогда его внимание и интерес направилась за пределы своего района, за пределы Советской Белоруссии. Он внимательно следил за газетами, читал журналы. Через них ему открылся мир, еще более странный, чем здесь.

Вот Магнитогорск, самый большой металлургический завод в мире.

Вот электростанция на Волге, самая большая электростанция в мире. А на Ангаре, в Сибири, так еще больше.

Вот железная дорога через Кавказские горы. Она идет то словно в воздухе, то пронзает огромные горы.

А вот описание и рисунки удивительного города Игарки около Ледовитого океана. Вокруг же Днепровской электростанции весь район—один сплошной город.

Сотни описаний прочитал он, и каждый день находил все новые незнакомые ему страны, города, заводы, хозяйства. Наконец, дошло до того, что и Курычи, и Иржыщи, и все те хозяйства, которые ранее казались ему волшебными, сейчас стали казаться незначительными.

И Юзик начал мечтать, увидеть новые края. Даже завел было разговор с дедом.

— Ага! —сказал дед. —Ты уже настроился на далекие края! А знаешь ли ты, что для того, чтобы осмотреть наш великий Советский Союз, нужно много лет? Но ты успеешь еще кое-что увидеть. Придет время, попадешь в какую-нибудь экскурсию, которые у нас происходят беспрерывно. Кое-кто из наших, в том числе и Ким, уже ездили.

Тогда Юзик пристал к Киму.

И тот вынужден был ему рассказывать о социалистических городах, построенных за три—четыре года на безлюдном месте, городах, лучше американских. Об огромные фабриках и заводах, про всякие хозяйства, даже больше и лучше здешние. О том, как рабочие меняют даже

природу своей страны. В тундрах—совершенные оленье хозяйства, в пустынях—хлопковые плантации, в тайге—фабрики и города, на болотах—животноводческие и зерновые хозяйства.

— Неужели все это лучше, чем в Америке? — спрашивал Юзик.

— Намного лучше, — улыбнулся Ким, — возможно в два раза.

— Неужели и они не могут так сделать?

— Пока что нет. Ведь у них каждый капиталист сам себе господин и делает, что сам захочет, что полезно только для него самого. А у нас такой строй, что мы все стараемся для всех. А если все 300 миллионов человек одинаковые хозяева и одинаково заинтересованы общим делом, то, конечно, они могут сделать в тысячу раз больше, чем небольшое количество капиталистов с их подневольными рабочими.

— Странное дело! — задумчиво проговорил Юзик. — Такие дела делаются рядом, а там у нас никто и не знает!

— Это вы не знали, — смеясь, ответил Ким. — А кому надо было, хорошо знали, а иногда и слишком хорошо. Да вам и не говорили, чтобы не понравилась наша жизнь и, чтобы не решили сделать так же, как и мы.

— Даже Антэк не знал.

— Какой Антэк?

— Да тот, что сбежал оттуда и, помнишь, приезжал к нам.

— Ну, он, наверное, знал куда больше. Но, возможно, всего того, что мы видим и о чем сейчас говорим, он и не знал.

— Скажи мне еще, — немного подумав спросил Юзик: — Неужели ли везде, по всей стране такие же хозяйства?

— Нет еще. В такой большой, стране все уголки так тщательно оборудовать еще не успели. Много еще таких хозяйств, где живут в старых зданиях, где никаких фабрик нет. Но с каждым годом таких хозяйств остается все меньше и

меньше. А отдельных хозяев, которые бы одни возились на своем клочке земли, давно уже нет ни одного.

Прошло уже достаточно времени, но от Юзиковых родителей не было никаких вестей. Дед забеспокоился.

— Правильный ли адрес ты написал. — говорил он Юзику.

— Правильный. Я его хорошо знаю.

— Ну, так, по—видимому, письмо задержали.

— Кто?

— Известно кто. Ваши господа. Для них истинные известия о нашей стране—нож в сердце.

— Тогда снова попробуем написать.

— Попробуем. Но, наверное, напрасно будет. С таким же самым успехом они могут задержать и второе письмо.

Через некоторое время деду предложили по каким там делам съездить в Минск. Хотя и не любитель был дед поездок, но на этот раз согласился охотно: он надумал отыскать Антэка и переговорить с ним о своем сыне. Возможно, что он найдет способ наладить связь с Михалом.

Приехав в город для исполнения поручения, дед начал расспрашивать о товарище Барковском. Узнать было нетрудно, и скоро дед оказался в учреждении, где был Антэк.

— Вы ко мне по делу? — спросил тот, не узнав деда.

— Да, товарищ Барковский. Может помните, когда вы были в Курычах, я обращался к вам по поводу моего сына Михала Кухарёнка, что живёт в имении Загорского.

Барковский вздрогнул и быстро спросил:

— Вы один здесь?

— Один. Внук остался дома.

— Помню, помню, — ласково сказал Барковский. — Садитесь, пожалуйста. Ну, так в чем дело?

— Вот такая вещь, — начал дед, усевшись, — я давно уже послал ему письмо, но до сих пор не получил ответа. Не знаю,

чем это объясняется. Может за ним — следят, может письмо перехватили? Как вам кажется?

— Не думаю, чтобы за ним следили, — сказал Барковский. — Должен вам сказать, что сын ваш, увы, считается очень преданным пану, от наших дел он всегда был очень далек, и вряд ли будут за ними следить. Думаю, что письмо просто потерялось как это часто случается. Напишите еще.

— Вы, наверное, имеете связь с тамошними товарищами. Может вы согласились бы связать меня с сыном?

— Товарищ Кухаренок! — ответил Барковский серьезным голосом. — Я думаю, вы сами должны понимать, что есть связи такого характера, при которых вмешивать новых лиц рискованно. Тем более, как я вам уже говорил, сын ваш, к сожалению, стоит на другой стороне.

— Эх, дурак он! — покивал головой дед. — Но если бы я ему написал и объяснил, то он сразу понял бы.

— А вот это для нас как раз и опасно, — улыбнулся Барковский. — Если такое письмо попадет в руки полиции, то погибнут и наши товарищи, и ваш сын.

— Неужели никак нельзя списаться с сыном? — расстроено сказал дед.

— Я же вам говорил, что по одному письму судить нельзя. Напишите еще раз. И даже третий раз, если ничего не выйдет. И уже тогда, возможно, я постараюсь что-нибудь сделать.

— Очень благодарю, товарищ Барковский! — обрадовался дед. — Вы с ним вместе работали?

— Да.

— Ну, как ему там живется?

— Живет неплохо, так-как угождает пану. Мы с ним не очень дружили.

— Вот ведь глупый, темный человек! Но Юзик говорит, что он был вашим приятелем.

— Какой Юзик? —спросил Барковский, словно не зная.

— Да внук, Михала сын, что сейчас в Курычах. Разве вы не знаете?

— А этот мальчик? Видел его.

— Он говорит, что вы были очень добры к нему.

— Хороший мальчик. Но отчего он взял, что я был благосклонен к нему?

— Да, говорит, беседовал с вами. Даже вы помогали ему освободиться от религиозного дурмана.

— Ну, была такая беседа, как и с другими.

— Он очень хотел вас увидеть тогда в Курычах.

— Вряд ли он узнал бы меня. Вообще мы с ним мало встречались.

— Говорит, что узнал бы.

При этих словах Барковский сверкнул глазами и как-то сердито сказал:

— Не думаю, чтобы он меня узнал. Я тоже вряд-ли узнал бы его. И с чего он решил, что мы дружны? Если я раз-другой пообщался с ним, то это не значит, что мы были приятелями. Я же вам говорил, каков его отец, а я вел революционную работу и не мог дружить с маленьким мальчиком, да еще с таким, семья которого опасна для меня.

— Да, —согласился дед. —А он, видите ли, взял себе в голову, что он ваш товарищ и приятель. Конечно, малый и дурак еще.

На лице Борковского мелькнуло удовлетворение.

— Я объясняю это тем, что он мальчик хороший и чуткий. Достаточно было сказать ему два—три искренние слова, как он и почувствовал расположение к человеку. В любом случае желаю ему всего наилучшего. А вместо меня он здесь найдет много хороших друзей, которые ему дадут больше полезного,

чем я тогда мог сделать. А вам советую написать еще и еще раз. А если ничего не выйдет, тогда обратитесь ко мне, когда—либо, так же, как сейчас, и мы посмотрим, что можно будет сделать дальше.

Дед вышел от Барковского полностью удовлетворенным. Хороший и умный человек: все объяснил и обещал помочь. Недаром и Юзику он понравился. Странно только, что мальчик вбил себе в голову, будто это его товарищ. Конечно, ребенок.

Когда дед вернулся домой, Юзик тотчас спросил:

— Ну, что? Видели его?

— Видел.

— Что он говорил?

— Посоветовал еще и еще раз написать, а потом уже обещал помочь.

— Он спрашивал обо мне? Говорили, что я хочу его видеть?

Дед засмеялся.

— Ты думаешь, он только о тебе и думает? Какой он тебе друг? Он старше от тебя на лет десять. А правду ли он говорит, что твой отец не сочувствует революционерам, подлизывается к пану?

— Ну, правда.

— Ну, вот видишь. Он немного пообщался с тобой, как хороший товарищ, а ты решил, что он друг. Если бы он здесь жил, вы могли бы продолжать знакомство, а так лезть к нему не стоит. Какие дела он может иметь с тобой? А я напишу еще, подожду, а потом снова обращусь к нему. Он, по-видимому, хороший и умный парень.

Удивился немного Юзик, что Антэк так безразлично относится к нему, но, подумав, согласился с дедом. Конечно, Антэк человек взрослый, а Юзик мальчик. А что Антэк Юзику

дома очень понравился, это ничего не значит. Возможно Антэк вообще не интересовался Юзиком.

Собственно говоря, они и не так часто встречались, и беседовали.

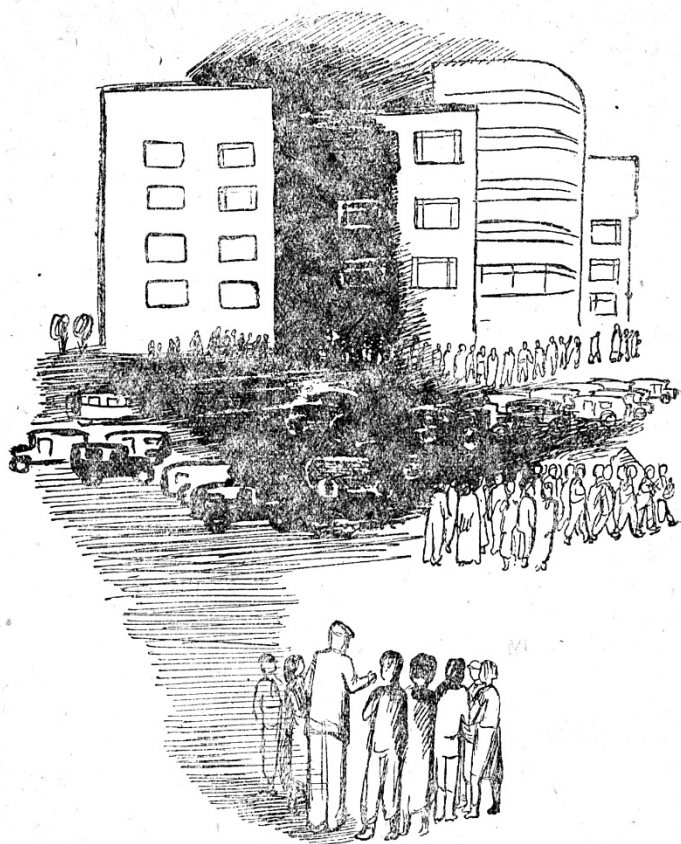
Осенью в Курычах организовали небольшую экскурсию в Минск. Учитель хотел показать ученикам некоторые фабрики и заводы. Собралось человек пятнадцать девушек и парней, в том числе и Юзик.

Теперь Юзик ехал по той же дороге совсем с другим чувством, чем первый раз. Он охотно наблюдал, как по полям ходят трактора, тянуть плуги, бороны, ряды сеялок, машин для выкапывания картошки, как едут по дороге целые обозы, —но смотрел на все это совершенно другими глазами. Теперь он больше удивился, если-бы увидел бы какую-нибудь деревню или крестьянский дом.

Снова увидел городские улицы, огромные здания и, хотя смотрел на них с тем же интересом, как раньше, но чувствовал себя совсем иначе, чувствовал, что он уже не чужой здесь,

Остановились они в таком помещении, с такими удобствами, от которых ранее у Юзика закружилась бы голова, а теперь он смотрел на все это так, словно иначе быть не может, словно он всю жизнь прожил в таких условиях.

Осмотрели огромную фабрику-кухню, главный хлебозавод, но нельзя сказать, чтобы они очень впечатлили детей, так-как и в их районе были похожие, только меньше. Более интересными были обувная фабрика, швейная и особенно кожевенный завод. На кожевенных заводах Юзика больше всего удивило то, что такая грязная и вонючая работа, как обработка кожи, была организована так, что совсем этого не чувствовалось: чистота, свежий воздух, вращаются какие-то огромные барабаны, кожа переходит из отделения в отделение и выходит готовым товаром.

Интереснее всего был металлургический завод. Огромные машины, колеса, всякие противовесы, подъемные краны, конвейер, — все это грохочет, крутится, движется и выносить с завода готовые машины и устройства, которые Юзик видел во всех хозяйствах своего района.

Рабочие двигаются размеренно, четко, ни одного движения напрасно не делают. Юзик заметил, что здесь работают немного иначе, чем в тех хозяйствах, что он осматривал. Чувствовалось, что здесь рабочие более спаянные, организованные и составляют словно один

организм. Работа была тяжелая, напряженная, но если посмотреть со стороны, то казалось, что она совсем легкая, словно рабочие играют.

— Откуда? — спрашивает одна женщина, обрабатывающая на верстаке какую-то металлическую штуку.

— С Курычей.

— Ага! Значит, ваши яйца и кур мы едим. Благодарим. А мы вот вам вагончики делаем. Вы выполняете свой план?

— Выполняем! — вместе ответили дети.

— Ну и мы не отстаем, — говорит работница, ни на минуту, не прекращая своей работы.

На всех предприятиях, которые они осматривали, учитель объяснял не только процессы производства, но и физические, химические и механические законы, согласно которым построены данные производства. Слушая его, Юзик только диву давался: как это учитель столько знает?

И вот однажды, идя по улице, Юзик увидел впереди человека, который привлек его особое внимание. Даже сердце забилося сильнее.

Это был обычный человек, как и все другие. Шел он навстречу, попал в кружок учеников и протискивается через него, не обращая ни на кого внимания. Но Юзику сразу показалось, что он его где-то видел раньше, и даже хорошо знает.

Но где и кто он такой—не мог вспомнить.

Человек тем временем протиснулся и прошел мимо. Юзик приостановился и оглянулся вслед.

Где же он его видел? И почему какое-то особое неприятно чувство появилось? Особенно знакомо это выражение глаз.

Всю дорогу Юзик ломал голову, больше ничем нет интересовался. Ему даже надоело эта мысль, он хотел бы уже отбросить её. Но ведь со всеми часто случается, что придет в

голову какое—нибудь забытое слово, даже совсем ненужное, а мы не можем отделаться от него. Так было и с Юзиком.

И только вечером, лежа уже в кровати, он вспомнил:

Такие глаза он видел тогда, когда Чесь ударил его плетью!

Неужели это он? Не может быть! Да и лицо не совсем похоже. Можно даже сказать, совсем не похоже. Но в чем разница—Юзик не мог сказать. В целом, мало ли есть на свете людей, еще больше похожих друг на друга? По одним глазам и по своему собственному впечатлению судить нельзя.

Решив таким образом вопрос, Юзик успокоился и сразу же заснул. А в следующие два дня, которые пробыл в городе, даже и не вспоминал об этом происшествии.

И только дома, да и то через некоторое время, снова начал об этом вспоминать. Особенно, когда заходила беседа с дедом о том, что письма от родителей нет. Тогда вспоминалась жизнь Юзика на родине, события, которые он там пережил, и среди этих событий самый острый момент—плеть Чеся. И тогда ясно представлял себе Юзик того Чеся, а вместе с тем и того человека, которого видел на улице.

А может и действительно он? А разница, по-видимому, в том, что у Чеся, кажется, были усы, а у этого нет. А усы-же легко убрать!

Наконец, Юзик поделился своими мыслями с дедом. Снова подробно рассказал всю историю с Чесем.

Дед задумался. Но тотчас начал объяснять, что факты слишком ненадежные. Мало ли что могло показаться мальчику? Казалось же ему, что Антэк его друг.

— Вряд ли можно соваться с таким делом, — говорил он. — Только людей насмешишь. Каким образом польский офицер может гулять по улицам Минска? Да и ты видел его один только раз, и сам говоришь, что он не совсем похож.

— Но ведь я чувствую, что это он, — настаивал Юзик. — Чем больше я думаю, тем более убеждаюсь в этом.

— Ну, с ощущениями, да еще такими, как твои, далеко не уедешь, — промолвил дед.

Но через некоторое время и его начала тревожить мысль: а что, если действительно шпион? Это же будет преступление со стороны его, деда, если он будет молчать.

— Вот поеду в Минск к Антэку с письмом и посоветуюсь с ним, — решил дед. — Он-же знает этого Чеся?

— Наверное должен знать.

И дед поехал.

Антэк встретил его радушно, как старого знакомого.

— Ну, что? Все еще нет ответа? — спросил он.

— Нет.

— Тогда я постараюсь. Для начала напишите небольшое письмо, а там, может, мы и соединим вас.

Дед с большой благодарностью передал письмо.

— Ну, как живет внук? Привык?

— Благодарю. Живет хорошо. Но вот с ним было одно происшествие. Хочу посоветоваться с вами.

— Какое?

Да вот встретил он на улице одного человека и говорит, что это какой—то Чесь, польский офицер, значит шпион. Вы, наверное, знаете такого? Как вам кажется? Можно обращать на это внимание?

И дед подробно рассказал все дело.

Лицо Барковского окаменело, и пальцы нервно ударили по столу.

Потом он улыбнулся и спокойно сказал:

— Опять кажется этому мальчику? А кому он об этом говорил?

— Да мне только. Я сначала не обратил внимания. Но потом подумал, может, оно и правда. Тогда будет преступление с нашей стороны.

— Конечно, будет преступлением, если это правда, — подтвердил Барковский. — Но ведь, с другой стороны, можно попасть и в глупое положение, если бежать после каждого слова маленького мальчика. Нужно сначала хорошо обсудить. Я этого Чеся хорошо знаю. Это плохой и пакостный человек и к тому же глуп, как пробка, и мне кажется, что к такому рискованному делу он не годится. По крайней мере я этого никак не могу себе представить. Вы говорите, он обидел вашего внука, вот поэтому ему и кажется. Можно найти тысячи людей, которые достаточно похожи друг на друга.

— Вот и я это говорил. Но он все больше и больше упорно утверждает.

— Видимо он у вас какой-то особый, нервный. Нужно было бы его подлечить, отправить на курорт, в Крым или на Кавказ. Я давно заметил это. Относительно же этого шпиона должен вам сказать, что я сам не решился бы соваться на такие дела. Если бы внук ваш видел его несколько раз, присмотрелся хорошенько, тогда еще кое-как можно было бы предположить, а так сразу как-то неловко. Да если бы действительно этот Чесь шлялся здесь по улицам, я бы быстрее мог его встретить. Но до сих пор не видел. Советую плюнуть на все это дело и не ломать головы.

— Ну, будьте здоровы. Благодарю вас, — сказал дед и вышел на улицу.

Тогда Барковский вскочил с места, накинул на голову вместо своей кепки шляпу одного из сотрудников учреждения—и направился вслед за дедом так, чтобы тот его не видел.

Каждый раз, когда дед останавливался, — останавливался и Барковский, куда сворачивал дед, туда шел и Барковский ...

Дед шел медленно, останавливался у витрин магазинов, смотрел по сторонам и шел с видом человека, который никуда не спешит, не имеет никакой цели.

Да и в самом деле ничего не собирался делать. Ехать ему надо было часа через четыре, дел никаких у него больше не было, сидеть в своей комнате не хотел.

Объяснение Борковского относительно шпиона ему казалось правильным. Действительно неудобно соваться с детскими подозрениями.

А через несколько минут снова мелькала мысль: а что, если правда?

Таким образом он дошел до того здания, где находилось учреждение, что решало эти дела. У дверей ходит часовой, такой молоденький, симпатичный парнишка, что деда взял соблазн поговорить с ним. Но дед знал, что так дело не делается.

Дед замедлил шаги.

"А что, если зайти? Делать нечего, время есть дверь под самым носом. Скажу, что дело хоть и неточное, но все—таки немного тревожное. Пусть простят, если ничего серьезного нет. Но тогда мое совесть будет спокойна. Не надо будет ломать голову: серьезное дело, или глупость? "

Дед остановился.

А в двадцати шагах от него остановился и Барковский.

Бледный, как смерть, прильнул он к столбу и начал искать в своих карманах папирсы, спички. Делал это так тщательно, что никто не заметил бы, как он ничего не видит, кроме деда.

Дед подошел к часовому, что-то сказал ему и переступил порог ...

А Барковский повернулся и, сдерживаясь, чтобы не побежать, поспешно пошел назад ...

Через несколько минут в Курычах поступил приказ: сейчас же привести в ГПУ Юзика.

Курычская общественность заволновалась: что такое случилось? Забеспокоился и Юзик: может, его хотят отправить обратно?

Дали ему провожатый, только на этот раз не военного, а одного из своих работников, и через несколько часов Юзик с тревожным сердцем входил в те же двери, в которые входил в первый день своего "прилета" в Страну Советов.

Та самая скамейка, на которой он спал, те самые коридоры и лестницы, по которым его тогда вели, и, наконец, та же комната и тот-же дядька, у которого он был.

Еле живой, вошел Юзик в комнату. Смотрит— дядька ласково улыбается, даже шутит:

— Здорово, эмигрант! Опять пришлось увидеться. Ну, как живешь?

Юзик смотрит на него большими глазами и не знает, что думать, что говорить.

—Почему ты так смотришь? —смеется дядька. —Садись, поговорим.

— А ... а ... вы ... нет отправите меня обратно? —промолвил Юзик.

Дядька даже расхохотался.

— Нет, нет! Наоборот. Может даже и отца твоего сюда привезем.

Вошел дед, свободно, спокойно, словно в свою комнату.

— А внук ваш боится, чтобы его не отправили обратно, — обратился к нему мужчина.

— Нет, брат! Если до сих пор не отправили то теперь тем более, —сказал дед. —Возможно, благодаря тебе, мы разоблачили шпиона. А я, глупый, считал, что все это ерунда!

Бедняга и теперь не знал, как далеко он от правды. Он все думал, что будут искать какого-то другого, незнакомого шпиона.

А когда вслед за этим открылась дверь и ввели человека, дед чуть не подпрыгнул на месте.

Что это значит? Антэк Барковский, да еще, по-видимому, арестованный!

А когда взглянул на него Юзик, то узнал того самого человека, которого встретил на улице ...

— Ну, мальчик! Знаешь ли ты этого человека? — сказал дядя. Юзик пристально посмотрел на него. Тот стоял, как загнанный зверь, и смотрел на мальчика такими глазами, словно съесть его хотел.

И по этим глазам Юзик узнал его окончательно.

— Он! Он! — воскликнул мальчик.

— Кто? — спокойно спросил дядя.

— Чесь, Захаров сын, польский офицер, который ударил меня плетью!

— Врешь, щенок! Я тебя никогда не видел! Товарищи! Разве можно основываться на словах ребенка?

— Достаточно! — сурово прервал следователь. — Отведите его!

— Вот тебе и Антэк ... — развел руками дед.

Эти скорые события произошли таким образом. Когда дед зашел в ГПУ, стыдливо рассказал о своих сомнениях, то увидел, что тут к его словам отнеслись очень внимательно и серьезно.

Дед подробно рассказал о беседе с "Барковским", о том, что тот тоже знает того Чеся, что он не обратил внимания на слова деда и даже не советовал начинать дело.

Тотчас бросились к "Барковскому", но в управлении его не нашли. Не обнаружили его и в квартире. Соседи сказали,

что он только что был и вышел с полчаса назад. В комнате его были раскиданы вещи, порваны и сожжены бумаги.

... Через два часа его поймали за пятнадцать километров на западе от Минска.

Дед-же в это время шатался по городу, даже и не думая о том, какой результат могло иметь его заявление. Его отпустили после заявления и просили зайти, когда придет Юзик.

После всего того, что произошло, доказывать, кем был "Барковский", уже было не надо. Оставалось только выяснить, каким образом произошло это "превращение".

Но пока что это было неизвестно.

Юзик подробно рассказал, что знал об этом деле. Все это записали, поблагодарили и отпустили. С легким сердцем поехали дед с внуком домой.

— Кто бы мог подумать, что выйдет такая история? — удивлялся по дороге дед, — А я с ним еще советовался, что делать по поводу Чеся! Смех да только!

— Так вот почему "Антэк" не хотел встречаться со мной! — промолвил Юзик.

11. ПОСЛЕСЛОВИЕ

Была глубокая осень. Почернела земля, обнажились деревья. Неуютно снаружи: серые тучи, мрак, сыро, холод, ветер.

В такие времена Юзик любил лежать с книгой на скамейке под зелеными деревьями или ходить по дорожкам сада. Красивые разноцветные цветы особо радовали глаз в такие мрачные часы. Тепло, тишина и яркий свет порой нравился больше чем лето, особенно, если рядом, за тонкими стеклянными стенами зимнего сада, было так холодно, темно и неуютно.

В один из таких дней подбежала к нему девочка Хризантема с газетой в руках.

— Читал? О тебе, брат, в газетах пишут.

— Где? Что? — вскочил Юзик.

Девочка дала ему "Советскую Беларусь". Там было напечатано:

"Недавно в Минске был задержан польский агент Чеслав Купрейчик. Он пробрался к нам под видом польского коммуниста Антона Барковского и несколько месяцев работал в наших учреждениях. Разоблачили его случайно, благодаря мальчику Юзику Кухаренку, который также перебрался к нам из Польши и знал этого Купрейчика. Интересны обстоятельства, при которых этот шпион пробрался к нам. Товарищ Барковский, работник в имении помещика Загорского, в числе других жертв фашистского террора, был арестован и посажен в Несвижскую тюрьму. И вот тут была организована дьявольская провокация. Политические заключенные нашли несколько человек из стражи, которые им "сочувствовали", вошли в общение с товарищами на свободе и убежали. Бедняги не знали, что все это организовала сама власть. Разумеется, всех беглецов и их товарищей на свободе поймали и торжественно снова посадили в тюрьму, а товарища Барковский тихонько перевезли в другое место, пустив слух, что он убежал. Вместо его выпустили своего агента Купрейчика, офицера польской армии. План удался, во-первых, потому, что товарища Барковского, рядового батрака-революционера, мало кто из наших товарищей знал в лицо и, во-вторых, у провокатора были документы Барковского".

Юзик тотчас побежал к деду.

— А, чтоб их лихо—воскликнул дед, прочитав статью. — Ишь на какие уловки пускаются! Но напрасно: у нас глаз больше, чем у них.

— А что с ним теперь будет? —спросил Юзик.

— Да, наверное, по головке не погладят, —засмеялся дед.

— Пусть его хоть расстреляют, жалеть не буду, —сердито произнес Юзик. —Хорошо помню его плетъ.

Но его не расстреляли ...

Проследив работу провокатора за время его жизни в Советском Союзе, убедились, что за столь короткий срок он не успел собрать данных, которые бы повредили стране. Поэтому предложили Польше поменять на настоящего Антэка Барковского, потом Мотэлевго отца, который за это время оказался в тюрьме, и вдобавок еще потребовали согласия на выезд из Польши Юзиковых родителей.

Польская власть согласилась.

И через некоторое время в Курычах приехала целая колония: Юзиковы родители, Антэк и Мотэль с отцом.

Сколько было радости для Юзика! Да еще потому, что он стал главным героем в этом деле.

С какой гордостью показывал он гостям "свое" хозяйство. С каким важным видом объяснял им те "чудеса", которые так недавно поражали его самого.

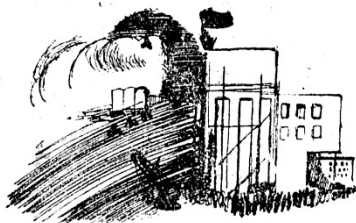
Одна только мысль портила его хорошее настроение— это мысль о Максимке.

— А он остался там, —грустно говорил Юзик. —Никогда не забуду, как самоотверженно помог он мне выбраться оттуда. А сам будет жить, как в подвале. Не увидит нашей жизни.

— Ну, нет! —уверенно ответил Мотэль. —Увидишь. И скоро увидит. Не в имениях решатся дело, а в городах. А я теперь хорошо знаю, что там делается. Присмотрелся к рабочей армии, которая готовится к последнему решительному бою. Скоро это будет, даже скорее, как мы с тобой можем думать.

Мотэль не ошибся.

Через восемь месяцев прогремели события, которые перевернули капиталистический строй не только в Польше, но и во всем мире ...

Биография

Янка Мавр

Янка Мавр – первооткрыватель приключенческого жанра в белорусской литературе, создатель первой белорусской научно-фантастической повести. Автор книг для детей, пьес, переводов.

Его называли белорусским Миклухо–Маклаем и Жюлем Верном. Он был известным эсперантистом, любил ездить на велосипеде и замечательно играл на скрипке. Он не был в далеких странах, но подарил нам чудесные экзотические истории, действие которых происходит в джунглях и на океанских островах...

Возможно, живи он в другое время и в другой стране, стал бы капитаном дальнего плавания, великим первопроходцем и открывателем. Но он стал белорусским писателем, чья юность

пришлась на революционные годы, а писательская карьера – на период соцреализма в литературе.

Творческая биография

Родился Янка Мавр (Иван Федоров) 10 мая 1883 года в городе Либаве (сейчас Лиепая в Латвии) в семье столяра. Отец писателя рано умер, и мать вернулась с сыном в свою родную деревню Лебанишки Ковенской губернии (теперь – Литва). Янка окончил начальную школу, ремесленное училище в Каунасе, а затем поступил в Паневежскую учительскую семинарию, из которой его исключили с последнего курса за вольнодумство. В 1903 году сдал экзамены экстерном. В 1903–1906 годах был учителем. За участие в 1906 году вместе с Якубом Коласом в нелегальном съезде учителей был лишен права преподавать. Только в 1911 году ему удалось устроиться работать в Минскую частную школу торговли учителем географии и истории. После Октябрьской революции работал в республиканском союзе работников просвещения, в Белорусском государственном издательстве. В 1923 году дебютировал как фельетонист в газете «Советская Белоруссия» и ленинградском журнале «Бегемот».

В 1926-1927 годах в журнале «Белорусский пионер» напечатал первую повесть на белорусском языке «Человек идет!...», которая задумывалась вначале как своеобразное учебное пособие о доисторических временах. Читательский успех был огромным. На журнал обрушился шквал писем: юные читатели просили печатать продолжение.

Каждое новое его произведение пользовалось неизменной популярностью. Писатель хорошо знал детскую психологию, всегда на равных общался со страниц своих книг с детьми и говорил о них: «Хоць малыя, а чалавекі».

Рассказы «Слезы Туби», «Необыкновенная приманка», «Лаццарони», повести «В стране райской птицы», «Сын воды», первый в белорусской литературе приключенческий роман «Амок» познакомили читателей с разными экзотическими странами. Мавр обладал обширными знаниями по истории и географии, использовал в творчестве мемуары и книги воспоминаний ученых, путешественников. Даже настоящие путешественники удивлялись точности деталей, описывающих ту или иную страну в произведениях Янки Мавра.

На даче неподалеку от Минска Янка Мавр соорудил шалаш-кабинет из лозы. Импровизированный письменный стол стоял на мостках над Свислочью, так что можно было сочинять книги о дальних странах, свесив ноги в воду и воображая себя на берегу океана.

Огромную известность получили его повести «Полесские робинзоны» и «ТВТ...». В 1934 году вышел фильм «Полесские робинзоны», сценаристом которого стал Янка Мавр.

Сказка «Вандраванне па зорках», «Повесть будущих дней» и повесть «Фантомобиль профессора Циляковского» заложили основы научно-фантастического жанра в белорусской литературе.

В творческой копилке автора есть пьесы «Ошибка», «Дом на окраине», «Болтун», переводы на белорусский язык произведений известных русских писателей (А.Чехова, М.Пришвина, Д.Мамина-Сибиряка), а также зарубежных (Р.Киплинга, М.Твена, Ж.Верна и др.).

Янка Мавр умер 3 августа 1971 года. Похоронен в Минске на Восточном кладбище.

Улицы и библиотека

Именем Янки Мавра названы две улицы в Беларуси – в Минске и Пинске, а также Минская областная детская библиотека.

С 1993 года в Беларуси присуждается премия имени Янки Мавра за лучшие произведения для детей. Произведения Янки Мавра переводились на русский, украинский, литовский языки, отдельные из них издавались в Америке, Англии.

Бібліяграфія

Янка Маўр.

Аповесць будучых дзён: Юндзетсэктар. Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі.1932

Рисунки И. Давидовича

Перевод А.В.Левчика

Рисунок на обложке А.Н.Самохвалов. Советская физкультура.1937г.

Оглавление

Повесть будущих дней.	3
Часть 1	
1.Под черной крышей	4
2.Антэк	10
3.Туземцы	17
4.Учеба	20
5.Внешкольное просвещение	30
6.Связь с другим миром	40
7.Разгром радиостанции	59
8.Следствие	66
9.Гости с неба	76
Часть 2	
1.Эминрант	83
2.К деду	96
3.Дед и внук	108
4.Птичье царство	120
5.А Д ССР	130
6.Общее собрание	141
7.Юзик-гражданин	153
8.Зерновая фабрика	163
9.На фруктовом фронте	173
10.Вот так Антэк!	184
11.Послесловие	200
Биография	204
Библиография издания	208

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

XXXII

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ФАНТАСТИКА

LEO

210